

ДНЕВНИК ИГУМЕНА СЕРАФИМА

(в миру – Семёна Ивановича Григорьева)

Составители и редакторы:

Леонид Лопатин,
Наталия Лопатина

Кемерово – 2011

УДК [93/94 (092): 271] «1907–1949»

ББК – 8*63.3

Д54

Рецензенты:

Кулемзин А. М. – доктор культурологии, кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой музейного дела Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово)

Шишкин В. И. – доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором Института истории СО РАН, профессор Новосибирского государственного университета (г. Новосибирск)

Д54 Дневник игумена Серафима [Текст] / сост. и ред.: Лопатин Леонид Николаевич, Лопатина Наталия Леонидовна. – Кемерово: КемГУКИ, 2011. – 180 с.

ISBN 978-5-8154-0209-6.

Книга представляет собой сборник материалов, характеризующих гонения коммунистической власти на Церковь. Центральное место в ней занимают записи рядового монаха, пережившего сталинские лагеря. Учёные (богословы, историки, философы, культурологи и др.) оценят её за введение в научный оборот ещё одного источника, характеризующего антинародную сущность мрачного террористического режима, уничтожавшего не только религию, но и национальную православную культуру, создавшего экономику со значительными элементами абсурда. Для верующих людей книга будет ещё одним убедительным свидетельством проявления силы Божественного Духа. Человеку, находящемуся на пути к Православию, она поможет увереннее определиться. И даже убежденным атеистам и нигилистам она станет полезной для понимания последствий их каждодневных поступков.

УДК [93/94 (092): 271] «1907–1949»

ББК – 8*63.3

ISBN 978-5-8154-0209-6

© Л. Н. Лопатин, 2011

© Н. Л. Лопатина, 2011

Предисловие

«Дневник игумена Серафима» – так назвал свою рукопись игумен Серафим (в миру – Семён Иванович Григорьев, в схиме – Симеон). Хотя о. Серафимом записи названы «дневником», но это воспоминания, написанные им, скорее всего, не ранее второй половины 80-х годов. Они сделаны на пишущей машинке и сброшюрованы книжкой из 136 страниц пожелтевшей бумаги (лист А-4 – пополам). Каждый новый абзац начинается с буквы, окрашенной в красный цвет, что и даёт основание для предположения о датировке записей 80-ми годами, поскольку именно тогда в СССР появились импортные пишущие машинки с двухцветными лентами. Скорее всего, о. Серафим работал над рукописью в начале 90-х годов, находясь на покое. Кончиной автора, вероятно, и объясняется неожиданное прерывание записей 1949 годом. На обложке брошюры стоит – «родился в 1911 г., умер...». Вместо многоточия от руки написано – «1992 г.». Эту дату поставила келейница игумена Серафима монахиня Евгения (в миру – Клавдия Степановна Скиденко). От неё эта рукопись и попала к составителям этой книги.

Имея опыт работы над изданием собственных 16 книг и более 300 научных и публицистических статей исторического, философского и культурологического содержания, в том числе и по проблемам, затрагиваемым в рукописи монаха, мы представляем её читателю.

Подготавливая рукопись к изданию, старались не потерять не то что какое-то предложение но даже слово игумена Серафима. Лишь привели его записи к современным литературным и орфографическим формам с учётом того, что автор рукописи ни одного дня не учился ни в школе, ни в каком другом учебном заведении. Видимо, излишне говорить, что ника-

ких изменений в структуру повествования отца Серафима мы также не вносили. В целом сохранили манеру автора рукописи в иных случаях вести повествование не только от первого, но и от третьего лица. Все разделы и их названия – авторского происхождения.

Мы учли, что современный читатель может не знать многих особенностей исторического развития России в послереволюционный период. Потому записи монаха Серафима почти на каждой странице обильно сопровождали пояснительными научными сносками. Сочли также необходимым сделать несколько «*приложений*», позволяющих читателю глубже понять повествование игумена.

Поскольку рукопись прерывается 1949 г., постольку нам необходимо было выяснить дальнейшую биографию отца Серафима. Мы получили соответствующую справку с места его последнего проживания (*приложение № 1*), беседовали с монахинями, десятилетиями лично общавшимися с игуменом (*приложение № 2*). Личный взгляд монаха на религиозные гонения не мог быть не дополнен обобщающими данными о целенаправленном истреблении коммунистами Православия в России (*приложения № 3, № 4*). Размышления и впечатления автора «Дневника» о положении заключенных в советских концлагерях, естественно, были дополнены короткой справкой о принудительном труде в СССР (*приложение № 5*).

Размышления о. Серафима о глубинных негативных последствиях коммунистических гонений на религию иному читателю могут показаться не вполне убедительными. Мол, что можно ожидать от человека, пострадавшего от коммунистической власти в советских концлагерях? Какие, де, серьёзные выводы может сделать человек, никогда не учившийся даже в школе? Вот почему мы сочли необходимым обратиться к выво-

дам признанных на мировом уровне научных русских авторитетов - философа Ивана Александровича Ильина (*приложение № 6*) и историка Петра Бернгардовича Струве (*приложение № 7*). Ученые размышляли над теми же проблемами, что и монах – суть советской власти, её борьба с религией, абсурдность хозяйственной политики, террор, голод, коллективизация, гримасы советского управления и пр. И выводы великих ученых совпали с мыслями «простого» монаха.

Недоверчивый читатель, особенно из атеистов и людей до сих пор очарованных коммунистической идеологией, может воспринять описание и заключения монаха и ученых-эмигрантов в качестве, мол, недостоверных и исключительно субъективных. Тем с большим вниманием такой читатель должен отнестись к историческим справкам, сделанным в сносках современными специалистами.

Всё это поможет читателю разобраться в истребительной политике коммунистической власти в отношении Русской Православной Церкви. Мы хотели, чтобы видеоряд (*фотоальбом*) усилил эмоциональное восприятие событий и исторических явлений, свидетелем которых и стал батюшка Серафим.

Очень надеемся, что читатель со слов игумена Серафима поймёт умом и воспримет душой суть потрясших нашу Родину материально и духовно разрушительных изменений в XX в. в связи с социалистическим экспериментом, от которого отказались только осенью 1991 г., но последствия которого далеко не изжиты и в XXI в.

Леонид Лопатин,
Наталия Лопатина

Детство

Родился я накануне праздника Сретения Господня 1/15 февраля¹ в деревне Дуреевская Московской области. По твёрдым обычаям того времени наша семья была Православной христианской веры.

Я родился очень слабым младенцем, и мать боялась, что умру. Сразу же на второй день меня понесли крестить в церковь. Церковь была в 4 километрах от нашей деревни на станции Кривандино. Сретенский день был морозным и ветреным. Кума, которая несла меня, не могла открыть одеяльце, чтобы посмотреть – живой я или нет. Боялась, что малыша захлестнёт ветром. Но когда вошли в церковь, скорее присела у церковного порога и открыла моё лицо. Я, сказывали, лежал, не пикнув, и не шевелился. Волнуясь, она взяла меня за нос и потрепала. Слава Богу, малыш заёжился, сморщил нос. Значит, пока – живой!

Тут же обратились к священнику, чтобы он скорее крестил меня. Боялись не успеть, так как было видно, что младенец очень слабый. Принесли воды из проруби, она была, конечно, со льдом. Но тогда был такой обычай – крестить именно в холодной воде, и никто от этого не простужался и не умирал. Такая в народе была крепкая христианская вера, люди были уверены, что всё идущее от Бога, шло только на здоровье. Так повелось. Если малыш родился слабым, то скорее бежали его крестить, не дай Бог он вдруг умрёт некрещёным. Бог давал жить! Так все и жили, и росли во славу Божию.

После крещения я неделю лежал как неживой, не плакал и не брал грудь. Мать подойдет к люльке, наклонится, прило-

¹ Документальные исследования показали, что он родился в 1907 г., а не 1911 г., как ошибочно стояло на обложке рукописи.

жит ухо, послушает – дышит. Значит, слава Богу – жив. Так я пролежал семь дней, потом зашевелился и пикнул. Мать скорей дала грудь, я стал сосать. И пошла жизнь маленького, слабенького Симеона.

Мой отец Иоанн был плотником, часто и надолго уезжал из дома на заработки. В его отсутствие наше бедняцкое хозяйство вела моя мать Евдокия.

Я рос, говорили, кротким, послушным и смиренным ребёнком, любил уединение. Иногда играл со своими сверстниками, но они всегда меня обижали. От обиды я плакал.

С раннего детства у меня был дар видения событий, свидетелем которых я не являлся. Это Дух Божий проявлялся во мне. Как-то раз мать со старшим моим братом Василием поехали в барский дом за кирпичами для печки. Дом находился в трёх километрах от нашей деревни. Время было вечернее. С такими же маленькими сверстниками я играл на русской печке. Как потом рассказывали, вдруг я сказал: «Вот мама с братом подъехали к барскому дому», – и продолжал играть. Через некоторое время опять вдруг сказал: «Они уже носят кирпич на сани». Прошло ещё какое-то время, и я, говорят, опять бормочу: «Вот они уже наложили кирпич и едут домой». Как только я сказал: «А вот они подъезжают к дому», – раздался стук в дверь. Это мать с братом приехали с кирпичами. Такое видение маленького мальчика всем было на удивление. Это, думаю, моя детская невинная душа пребывала в общении с ангелами.

Мальчишкой я бегал настолько быстро, что любая лошадь во весь галоп не могла догнать меня. Рассказывали, что когда я пробежал мимо, ощущалось дуновение ветерка в лицо. Такой быстрый бег не раз спасал меня от преследования моих сверстников. Это ангелы носили меня на своих крыльях. В одиночестве я играл в службу Божию. Лепил из глины престол и

кресты, воображал себя священником в храме. Мальчишки разыскивали меня с моими играми в священника, и всё, что я сделал из глины, они растаптывали ногами. Чем и наносили мне большую обиду. Ведь хорошему делу враг² всегда препятствует через людей, которыми он владеет.

Но мальчишки, конечно, не всегда меня обижали. Когда я оставался дома один, они приходили ко мне играть в мои духовные игры. В рюмке я разводил сахар с водой, изображал из себя священника на причастии. А ребята по очереди подходили ко мне будто для причастия, я давал им с ложечки сладкую водицу. Если в рюмке оставалась вода, то я велел подходить каждому из них по второму разу. Это должно было означать, что у меня много причастников. Все подходили и причащались снова. Но враг и тут нашел предлог засеять зло и нарушить мир и любовь у детей. Последним - подошёл маленький мальчик, но ему сладкой водички уже не хватило. Он обиделся. Мол, все причащались по два раза, а я всего один раз. Заревел и ушёл домой. С шумом и криками ушли и остальные дети, забыв про нашу мирную духовную игру.

В жизни и взрослым всегда надо быть осторожным. Ибо все мы находимся под влиянием врага. Сперва делается добро, но под добром враг укрывает зло. Поэтому зло побеждается только добром. Мне всегда удавалось быть с ребятами очень добрым и смиренным, несмотря на обиды, которые они мне чинили.

С самого раннего детского возраста я былочень ревнивым посетителем церкви, ни одну службу не пропускал. Приходил и всегда становился впереди, чтобы было мне видно священнослужителей алтаря. Внимательно за ними наблюдал, что-

² У верующих не принято называть тёмную силу прямым именем. Они обозначают её «врагом», «лукавым», «нечистым», «рогатым».

бы дома в играх копировать их действия. Священники мне казались неземными людьми. Думал о них, как о небесных сожителях, как об ангелах. Со страхом и чувством любви к Богу и к Его служителям подходил под благословение священника. В моем воображении церковь была Небесным домом, где Сам Бог обитает, и Святой Дух восполняет всех приходящих в Него. Моя душа рвалась в храм Божий, где, я знал, обитают силы Небесные. И я желал быть в соединении с ними. Поэтому очень печалился, когда меня из-за каких-то домашних дел не отпускали в церковь.

Однажды вечером я сидел на печи, брат Василий после ужина отдыхал на кровати, мать мыла посуду. Было уже темно. Электричества, конечно, никакого не было, тогда о нём никто и не слыхивал. Я пошёл на двор по маленькой надобности. Как только вышел в тёмные сенки и закрыл за собой дверь избы, то в то же мгновение увидел необычайно яркий свет. В этом свете у стенки сеней стояла трёх-четырёхлетняя девочка в светлоголубом, как эфир, платье. Её волосы, перевязанные голубой ленточкой, были блондинные и волнистые. Большими голубыми глазами с чёрными ресницами она внимательно, ласково и мило смотрела на меня. Руки у девочки были крестообразно сложены на груди. В этом было столько всего таинственного и чудесного! На меня нашёл какой-то тонкий страх, охватила радость, и я вскрикнул! От моего крика в сенях мгновенно стало темно. Куда делась чудесная девочка? Ничего больше видеть я не мог. На мой крик выбежали испуганные мать с братом, осмотрели всё кругом, меня нашли лежащим на полу. Было тихо. Брат сказал, что это, наверное, овца забралась в сенки и напугала ребёнка.

Когда зашли в избу, я быстро заполз под стол в святой угол. И сколько ни спрашивали меня, что случилось, ответа от

меня никакого не было. Брат вытащил меня из угла, положил на кровать. Но у меня не было речи, и я пролежал три дня молча. На третий день речь вернулась, я рассказал про яркий свет и красивую девочку с её пышным, как воздух, платьем. Сказал, что сначала я обрадовался от вида этой сияющей девочки, а потом испугался того, что на земле я ещё никогда такого не видел. Это был, как сейчас я знаю, светоносный ангел.

О происшедшем мать Евдокия, конечно, рассказала соседям. Все дивились и не могли определить, что бы это значило. Соседи подсказали матери, что в трёх километрах в деревне Лузгарино живёт монахиня Серафима. Она – святой человек, и про всё духовное и сокровенное она знает. Поведи, мол, мальчика к ней, ведь мы мирские бабы ничего не понимаем в духовных делах.

Мама повела меня к монахине Серафиме. У ворот нас встретила послушница Ксения со словами: «Идите, идите, мои радости, матушка вас уже ждёт». Мама подошла к дверям дома и прочитала молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Из-за двери раздался глухой голос: «Аминь». Мы вошли. Держа меня за руку, мама подошла к матушке под благословение и поцеловала ей руку. Матушка Серафима благословила нас, посадила за стол и велела своей послушнице подать нам чаю. «Ну, Евдокиюшка, говори, что ты ко мне пожаловала, какие у тебя дела – духовные или житейские?», – обратилась монахиня к маме.

Мама сказала, что мы люди простые, всю жизнь проводим в домашних заботах и духовных дел не понимаем. Вот я пришла к тебе, дорогая матушка, спросить, что это было, и что всё это значит. И тут она рассказала, как её сынок Сеня вышел часов в 10–11 вечера в сени и громко вскрикнул. Сын Василий выскочил за ним и ничего не увидел, крикнул мне, чтобы я вы-

несла лампу. Рассказала, как они нашли меня на полу, как я потом забрался в святой угол, про моё молчание и про девочку, привидевшуюся мне.

В ответ матушка Серафима подозвала меня к себе, погладила по голове и сказала: «Хороший у тебя, Авдотья, сынок. Это ему являлся ангел небесный. Небесные сожители не такие как мы на земле, они сияют Небесным светом. Когда они явятся, то приносят радость. Богу угодно было явить тебе, что сын твой будет на радость многим, что бесы его не возлюбят и будут чинить ему многие козни. Но сила благодатная будет с ним, и Ангел везде будет ему помощник, станет являться и отражать от него многие козни».

Потом матушка Серафима повелела послушнице Ксении подать ей кипарисовые чётки. Взяла их и передала маме. Благословила меня и сказала: «Он будет монахом. А эти чётки береги. Он вырастит, они ему будут нужны». Мать приняла чётки, снова взяла благословение от матушки. И мы пошли домой с радостной вестью. Мама рассказала всем соседям о добрых словах матушки. Все дивились, представляли, как это будет, когда мы увидим Сеню монахом.

Радостный я выбежал с чётками на улицу. Меня окружили сверстники. Все стали хватать чётки и дивились их красоте и тому, что я получил в гостинец такие красивые бусы. Соседка Анастасия увидела нас в окно, пошла к матери и сказала: «Авдотья, мальчик – глупый ещё. Дети дёргают бусы каждый к себе, но они ведь святые. Грех это! Возьми их, положи к иконе и сохрани. Ведь матушка сказала, что они ему будут нужны, когда он вырастет».

Проявление Божие всегда бывает над своим избранником. Таким избранником и оказался маленький Симеон. И сила Божия проявлялась над ним, когда в играх со своими сверстни-

ками ему приходилось бежать так, что его никто не мог догнать. Однажды, ближе к вечеру, я возвращался из гостей от своей старшей сестры Наталии. Дорога шла лесом. И вдруг я увидел, что меня догоняет стая волков. Я пустился в бег. Бежал так, что волки гнались за мной до самой деревни и не могли догнать. Даже не всякая лошадь может убежать от волков.

В мальчишеских шалостях дети обычно прыгают с высоты. Прыгал, конечно, и я. Забирался как можно выше и прыгал. Было такое чувство, что я лечу вниз сквозь густой воздух, как будто кто-то снизу поддерживал меня. Все дивились моим лёгким прыжкам. Тогда у меня зародилась мысль, а что, если я научусь летать по воздуху? Я стал тренироваться. Разбегался и прыгал, немного получалось пролететь по воздуху малое расстояние. Конечно, телесному человеку невозможно летать, как птицы летают, но сила Божия во всех делах проявляется над своими избранниками.

Шалость есть в каждом малыше. Однажды, когда мать ушла на работу, я решил поесть сливок, которые настаиваются в горшках сверху молока. Я залез в подпол, где стояли горшки, и с хлебом съел сливки. Мать увидела, что сливок нет, и спрашивает меня: «Ты лазил в подполье и поел сливки?». Как все вору всегда отказываются, так и я отказался. А мама мне говорит: «А вот Божинька всё видит и всё мне про тебя рассказывает». Взглянул я на иконы и, вправду, все иконы смотрели на меня. Значит, я попался. Я упал в ноги к матери и просил прощения. Сказал, что больше не буду лазить за сливками в горшки.

Но враг-искуситель, когда найдёт щелочку в подходе к человеку, будет добиваться своего. Сидит он, подёргивает и нашёптывает: «Мать ведь ушла, иди, кушай сливки». А я не иду в подпол, знаю, что иконы смотрят на меня, и маме всё про ме-

ня расскажут. А враг даёт мне другую мысль. А ты поверни их лицом к стене, вот они тебя и не увидят. Так я и сделал, все иконы повернул ликами к стене, а сам полез в подполье за сливками. Приходит мать вечером домой, и по христианскому обычаю стала креститься на иконы. Очень она удивилась, что на иконах нет лика. Подошла ближе, рассмотрела, а они, оказывается, стоят лицом к стене. Она сразу же догадалась, что проказник опять был в подполье. Стала ругать меня за то, что я съедаю сливки, которые она собирает, чтобы сбить масло. Я стал уверенно отказываться, мол, ни в каком подполье я не был. «Как не был? Мне Божишка сказал, что ты был». Я поглядел на иконы, они стояли ликами к стене. Замер и молчу. Выходит, всё равно, опять попался.

Бог шельму всегда путает, через недобрый замысел и добрые дела не спасают. Там где обитает дух святости добра, там и кружится дух зла. Человек всегда должен быть осмотрителен ко всем делам, хотя бы даже и к – добрым. Ибо под видом добра много делается и зла. Человек рождён от плоти и плотского греха, его всегда склоняет к греху. Но человеку дан образ Божий и Дух вечный Святой. Потому человек от святой жизни склонен приближаться к Богу, а через осквернение тела и недобрых мыслей удаляться от Бога. Человек двойственный, он - и святой, и грешный. Если в человеке больше святости, то он приближается к Духу Святому. Если больше греха, то он удаляется от Бога. И Дух Святой в нём угасает. Тогда все дела его делаются злыми и противными Богу.

Вот и в маленьком Симеоне с раннего детства проявлялась сила Божия. Но от природы не избёг он и силы зла. Зло преследовало его с пелёнок. Оно сперва проявлялось в детском баловстве, грех так и рождается. А потом он укрепляется в течение жизни. Тут зависит от человека, к чему более его клонит?

Как он будет держаться в своей жизни? Что больше в нём будет возрастать – грех или добро? Такой и плод будет. Но на избранных – всегда Дух Свят, и он побеждает зло. Тогда вся жизнь его – в добрых делах, тогда и рождается рвение к служению Богу.

Симеон - отрок

Детство моё было в бедноте. Настал 1917-й год. И вот, я – отрок. Мне – 10 лет. Пришлось понести ещё больше бедности и горя, они грозили смертью. Кругом была разруха. Революция принесла людям беду, разорение и голод. Народ кинулся ходить побираться, просить милостыню. Но и просить было не у кого, все сидели без хлеба. Ходили просить друг к другу, и все делились – кто, чем мог. Я тоже пошёл по деревням просить хлеба. Принесу несколько кусочков – рад, что сегодня голодная смерть нас минует. Мать наберёт лебеды или крапивы, сварит суп, и мы с принесёнными кусочками поедим. Но вскоре и травы не стало, всё поели. Все люди были голодными³.

Стали собирать полову и драть кору с деревьев. Пошла болезнь. Чтобы спасти детей – Сеню и дочку Анну, мать, на милость Божию, поехала в поиски за хлебом. Ездили тогда, как приходилось – кто на буферах, кто на крыше вагона. Но из-за нас мать не могла залезть на крышу. Она села на буфера, крепко прижав к себе двух детей, поехала. Доехали до города Киева.

³ В ноябре 1917 г. к власти пришли коммунисты (большевики) во главе с Лениным. Они стали строить социалистическое общество - общество, как они говорили, материального изобилия, равенства и справедливости. Но то, что они сделали ещё в конце 1917 г. – начале 1918 г., привело к хозяйственной разрухе, голоду, эпидемиям, которые и описал о. Серафим. Своими действиями коммунисты привели страну к Гражданской войне. Правильнее считать, что Гражданская война продолжалась не до 1920 г., как написано в учебниках, а до 1953 г., до смерти Сталина. Ибо только тогда россияне (советские люди) перестали убивать друг друга (расстреливать). Только тогда власть стала отпускать из лагерей миллионы ни в чём не повинных людей.

Был 1918-й год. Свирепствовал тиф. На станции был карантин, никого никуда не пропускали. Вокзал был видимо-невидимо переполнен людом. Люди лежали, что и шагнуть некуда. На вокзальной площади – тоже полно, кругом кучи людей. Это, если кто пока живой, а множество лежали мёртвыми. Мертвецов и слабых, полумёртвых людей не успевали подбирать. Какая-то подходила машина, на неё нагружали людей и куда-то увозили. А мертвецов кидали на телеги и тоже увозили.

Мама прижала нас крепко к себе и только просила: «Детки, никуда не отлучайтесь, а то я вас потеряю». Вдруг к маме подходят мужики в военной форме и говорят: «Тётка, а ну-ка давай в машину». Мать испугалась. Она думала, что её повезут и выкинут вместе с мертвецами. «Куда вы меня берёте? Ведь я ещё живая, у меня вот двое детей!», – заплакала она. «Давай, давай, бабка, не разсуждай⁴, повезём вас в карантин», – ответили ей. «Как в карантин? Ведь мы же едем в хлебную сторону за хлебом ...».

Нагрузили на машину людей, сколько можно было вместить, и отвезли на окраину города. Там стоял двухэтажный кирпичный дом. Часть дома в первом этаже занимала покойницкая, в неё складывали мёртвых. А другая половина была приспособлена для кухни, из которой кормили людей, привезённых на карантин. Во втором этаже было два громадных зала,

⁴ В этом слове сохранена старинная орфография, в соответствии с которой частица «без» не могла употребляться с глухим согласным, чтобы не формировалось слово «бес» (дьявол, нечистая сила). «Революционная» замена буквы «з» на букву «с» принципиально меняло смысл слов, и улавливалось русским человеком на уровне подсознания. Приставка «без», обозначающая отсутствие чего-нибудь, подменялось существительным «бес». Например, однокоренное слово «безкорыстный», обозначающее человека, не имеющего корыстных интересов, по сути, превратилось в двухкоренное – «бескорыстный» («дьявол – корыстный»). Слово «безсердечный» (без сердца) превратилось в «бес(нечистая сила) сердечный», «безсильный» – в «беса сильного». В дальнейшем такие слова, написанные о. Серафимом в старинной орфографии, помечаются звёздочкой (*)

там были в два яруса нары. Кому не хватало места на нарах, размещались, кто, где мог занять.

Мы с мамой заняли место в первом зале, в углу. На весь день каждому выдавали черпак супу (200 гр.), одну ложку каши и 100 гр. хлеба. В таких условиях мы должны были просидеть две недели. Народ всякого возраста умирал, мертвецов не успевали выносить. Свирепствовал тиф. Мама наказала нам никуда не ходить и ничего ни у кого не брать. Она искала возможности спасти детей, спасти себя ради детей. Мама устроилась судомойкой на кухню. День работала, а вечером приходила к нам, приносила за пазухой корки от гречневой каши, которые накопились на краях котла. И этим нас подкармливала.

Бог Милостив! Нас тиф не коснулся. Это милость Божия и сила благодатная охранила нас от смерти.

Прошло две недели. Кто выживал, тому давали справку, что он выдержал карантин, и выпускали на свободу. Мать получила такую справку, и мы пошли обратно на вокзал. На вокзале было так много народа, что если куда пройти, то надо шагать через ноги. Билетов тогда не существовало, так как пассажирских поездов не было. А если придёт товарный поезд, то все без порядку лезли, кто, куда мог.

И вот пришёл поезд, который должен следовать в Западную Украину, все кинулись к нему. В вагон попасть было невозможно, люди лезли на крышу. Но куда мать полезет на крышу с такими малыми детьми? Пытаясь как-нибудь втиснуться в вагон, она втолкнула нас. А тут поезд тронулся. У товарных вагонов нет ступенек, и двери - высоко. Стараясь влезть в вагон на ходу, мама сорвалась и упала, вытянувшись вдоль перрона. Все закричали: «Женщину зарезало, женщину зарезало». Но мать подняла руку, дала знать, что она живая. И всё кричала, чтобы её детей высадили на следующей станции.

Поезд пошёл, и мы с сестрёнкой поехали. Заплакали, что мать осталась. Но нас уговаривали: «Не бойтесь, детки! Ваша мама жива, она найдёт вас на станции. Мы вас там высадим, а вы сидите на станции и никуда не ходите. Мама к вам и придёт». Так всё и совершилось. Поезд прибыл на первую станцию. Добрые люди нас высадили, посадили на вокзале и наказали: «Никуда не ходите, мама ваша придёт к вам». А мать пешком дошла до этой станции, пришла и видит, мы сидим. Она обняла нас и крепко к себе прижала. Плачет и говорит: «Детки вы мои! Вы живы, и я жива, слава Богу! Нас Бог сберёг, сила Божия нам помогла. Знать, мы ещё нужны для Бога!».

И верно! Когда Бог имеет Своё избранное создание, везде бережёт и помогает ему, дабы сохранить доброе в прославление величества Божия.

День мы просидели на той станции. Пришёл другой поезд. Здесь было свободнее садиться. Мы сели в поезд и поехали в поисках хлеба. Дорогой маме сказали, что много хлеба на станции Жмеринка. Там мы сошли и пошли по сёлам искать пристанища и хлеба. Дошли до села Стодильцы, там и остановились. Добрые люди помогли матери, народ там был верующий, добрый. Люди говорили: «К нам приехала кацапка с кацапёнками, надо ей помочь, а то у них в стране⁵ нет хлеба, все умирают от голода». На Украине всех русских зовут «кацапы». Определили нас в пустой барский дом. Время было смутное, и все помещики побросали свои имения и уехали, кто, куда. Слава Богу! Радость-то какая! Мы живём в комнате барского дома,

⁵ Хотя с 1654 г. Украина была в составе России (она вступила добровольно при царе Алексее Тишайшем), в украинском народе существовало мнение о России, как о другой стране. Тем более, что в 1918 г. Украина (как ранее Финляндия, Польша, Литва, Латвия, Эстония и пр.) отделилась. В декабре 1922 г. Россия (РСФСР), Украина, Белоруссия, Закавказье объединились в одно государство – СССР. В декабре 1991 г. СССР распался. Украина вновь стала отдельной страной.

мать ходит в село работать, у нас есть фрукты, хлеб. А мы с сестрёнкой бегаем по барскому саду, играем и радуемся такой благодати Божией, данной нам.

Я сердцем воспринял эти изменения. Ходил по саду и думал: «Ведь здесь жили хозяева, у них всё было хорошо. Но вот они убежали, и всё стало заброшенным, скучным. Так сирота плачет без родителей.

Милосердие Божие! Как велика Твоя сила! Ведь мы с мамой были на грани смерти, но Ты нас спас и привел в благое пристанище. Как Тебя не славить! Как Тебя не величать! Как Тебе не служить! Я всегда буду ходить в церковь и молиться Тебе! Буду жить, чтобы Тебе угодить! Чтобы Ты, Господи, меня так и хранил!».

Когда гулял по саду, я всегда пел молитвы, какие знал. Когда-то я их слышал в церкви и запомнил. Я радовался, что можно Бога хвалить и славить, благодарить за столь многое, за посланную благодатную силу. Слава Тебе, Господи! Люблю Тебя! Не остави меня, Господи!

Сирота

У меня было много радости. Бог привёл нас к тихому пристанищу, мать ходит работать по найму у христиан, живём мы под крышей и гуляем по аллеям барского сада. Часто я бывал в крытой барской беседке, устроенной в глубине сада на высокой насыпи. Эту насыпь я воображал горой Голгофой, пел на ней духовные песни, молился, клал поклоны, глубоко задумывался о том, как Христос был распят на Голгофе. Уходил домой и каждый день для молитвы возвращался на свою Голгофу. Для меня это было большим утешением.

На улицу к ребятам я не ходил, они меня дразнили «кацапёнком». Вечером приходила мать, варила нам кушать. После еды молились Богу и ложились спать. Во сне мне часто виделось, что я летаю по воздуху под облаками. Когда просыпался, мне становилось жалко, что я лежу на печке, а не летаю под облаками.

Душа была всегда о Боге, и мысль моя устремлялась ввысь. Только бременное тело тяготило своим притяжением к земле. Каждый человек может возвысить свой ум, своё горе, все мысли. И дела его будут о Боге.

Шёл 1919-й год - самый тяжелый год. Бог послал нам испытания, дабы Божия Премудрость прославилась над немощными людьми. Ибо Бог прославляется Своею Премудростью, а человек бывает прославлен в немощи.

На 12-м году от роду я остался без матери. Мать умерла, отец умер ещё в 1913 году. Теперь вся жизнь моя перешла на попечение Божие. В сентябре 1919 года рано утром пришла соседка, будит нас с сестрёнкой и говорит: «Вставайте, детки, ваша мама умерла». Спросонья я не мог сразу её понять и с испугом спрашиваю: «Как это умерла? Почему умерла?». Быстро слез с печи и вижу, мать действительно лежит мёртвая. Я кричу: «Мама, мама!». А мама молчит. Спокойно спит вечным сном. Я горько заплакал. Сестрёнка на печи, глядя на меня, тоже заплакала. Присутствующие люди, на нас глядя, все заплакали и запричитали: «Евдокиюшка, что ты лежишь, что ты не смотришь на своих деток, на кого ты их оставила, маленьких сироток на чужой сторонushке?».

Добрые люди захлопотали о похоронах, принесли гроб, вложили в него маму. Глядя на гроб, мы с сестрою еще сильнее зарыдали. Люди стали нас унимать: «Не плачьте, деточки. Бог милостив, не оставит своего попечения о вас, не даст вам по-

гибнуть, не плачьте!». Призвали священника отца Михаила. Добрый он был батюшка. Как добрый пастырь он всегда всех жалел. Я раньше тоже ходил к нему на квартиру и всегда получал от него гостинца. Над гробом матери отец Михаил совершил отпевание.

Нас с сестрёнкой подвели к гробу и сказали: «Прощайтесь, деточки, с мамой, больше вы её не увидите, мать уходит от вас в сырую землю, а вас оставляет на судьбу Божию...». Начался сплошной плач. Мы плакали, что уносят от нас нашу маму, и не будет теперь у нас мамы. Все плакали, на нас глядя. И понесли мать на кладбище, по-украински цвинтор. А мы с сестрой остались сидеть на печи, так как нам нечего было одеть и обуть. Потом, весной, одна добрая женщина отвела меня на кладбище и показала могилу мамы. Так и не стало у меня мамы, которая всю жизнь отдавала, чтобы нас спасти от голода.

Сестрёнку сразу взяли добрые люди и удочерили её, они были бездетными. А меня взял другой крестьянин, чтобы была нянька для его ребёнка. Пожил я у них год и стал не нужен. Меня передали другому крестьянину, чтобы я пас коров. Но через год я и там стал не нужен. Вот так Бог испытывает своих избранных, но погибнуть не допускает.

Был в той деревне Стодульцы очень добрый и хорошо верующий дяденька. Он сказал своей жене: «Вот, что хочу тебе сказать, моя жена. У нас есть двое детей девочек – близнецов, а у Антона живет «кацапёнок», который остался сиротой. Давай его возьмем к себе. Я слышал что Антону он уже не нужен. Пусть он живёт у нас за родного дитя, вот и будет нам третий. Прокормимся! И Бог пошлёт на сиротку, и нас Бог за него помилует. Как сказано в Священном Писании: «Не строй церковь, а воспитай сироту. От этого будет больше добродетельности, чем от построенной церкви». Его жена сказала: «Возьми, я рада,

что ты мне это говоришь. Я уж и сама думала о нём. И всё мое сердце изболелось, что остался парень сиротой, и нет у него ни родины, ни родных – круглый он сирота. За такие добрые дела и нас Господь помилует и даст нам счастье».

Дед Тимофей пришел к Антону и говорит: «Антон, дай мне этого сироту. Хотя я и небогато живу, и есть у меня двое детей, но пусть будет и третий, а на него Бог пошлёт». Антон с радостью согласился, а то он уже не знал, куда девать мальчика. Выгонять сироту на произвол судьбы душа всё же не лежала.

Привёл меня дед Тимофей к себе и говорит своей жене Марии: «Ну, вот привёл сынка. У нас две дочери, а этот будет сынком, пусть растёт». И рады были все, что я стал жить с ними, помогал им, что скажут. Летом пас коров, зимой их кормил, а в свободное время сидел и прядл пряжу. Ибо тогда жили только тем, что нарядут и наткут. Всё делали своими руками.

Хорошо мне было у них, они меня очень жалели. Говорили, что сироту обижать нельзя, Бог накажет! Да обижать было не за что. Я был смирен, послушлив и ласков. Старался всё делать по хозяйству, чему меня учили, всё исполнял.

Все ребята моего возраста ходили в школу, а у меня не было такой возможности. Но, по промыслу Божию, был один друг и товарищ, сосед Давыд. Он жил рядом. Каждый вечер он приходил ко мне, и то, чему учили их в школе, объяснял мне. Потом хозяин купил мне букварь, и сам стал меня учить. Я смог читать святыя книги и особенно Евангелие. Я чувствовал себя в приближении к Богу и радовался, что могу с Ним беседовать.

Старшая дочь хозяина Анна вышла замуж. Они с мужем Иоанном решили взять меня к себе, чтобы им, молодожёнам, не было скучно. Я стал жить с ними. Так у меня получилась большая родня. У Анны меня тоже жалели и любили. Я был им

хорошим помощником по дому. У них родился сын Миша, я его нянчил, впоследствии он меня звал «няня». Иван Лукьянович стал заботиться обо мне, хотел определить мою жизнь. Решил наделить меня одной десятиной земли, построить хату (дом), женить. Пусть, мол, сиротка живёт ради нашего спасения. Но судьба не привела его заветной мечты.

Я никогда не ходил на улицу баловаться, и поэтому друзей кроме Давыда не имел. А девушек боялся, как огня. Никогда не бывал в той компании, где девушки играли с ребятами. Надо мной стали подшучивать, старались свести в общение с девушками. Но я всегда избегал их и убегал домой. Тогда ребята стали меня обижать. И я с горькими слезами приходил домой. Хозяева ругали ребят, чтобы нашего сироту не обижали, но это давало мало успеха.

Чтобы никто не видел моего плача, я удалялся в сарай, где стояли коровы. Это были мои любимые друзья, и я им жаловался: «Нет у меня папы и мамы, некому за меня заступиться, некому меня пожалеть». Коровы начинали лизать меня по лицу. Они давали мне знак, что мы тебя жалеем. От этого я ещё больше начинал плакать, причитал: «Ведь вы меня только и жалуете, выражая свою любовь лизанием моего лица. Вы знаете, что я сирота, что нет у меня родителей. Господи, как Ты милостив! Ты даже скоту внушаешь жалость, а теперь у меня никого нет. Хотя дедушка Тимофей, бабушка Мария, дядя Иван и тётя Анна люди добрые, они любят и жалеют меня, но ведь я - на чужбине. А вы, мои хорошие, всегда делаете мне помощь. Когда я вас пасу, вы меня слушаетесь, никуда не разбегаетесь. Когда я сижу на лугу, вы вокруг меня рядом ложитесь, и вместе отдыхаем. И теперь вы меня жалуете и вместе со мною о моем сиротстве переживаете. Только нет у вас речи, не можете мне высказать свою жалость, не можете меня утешить в словах».

И коровы переживали, что я на чужой стороне и нет у меня здесь родных, нет мамы, которая так много страдала о нас. Ещё больше слёзы лились, глядя на коров, видя, какие они чувствительные и отзывчивые, обнимал я их и целовал. В скорбях было моё утешение и моя радость. Я часто вспоминал маму и плакал, что она оставила меня. У всех есть мама, за них есть кому заступиться, но у меня нет мамы, некому заступиться за меня, некому пригрозить мальчикам, чтобы они не смели обижать её сына. Зайду за хлев или в хлев к коровам, наплачусь вволю, вытру слёзы рукавом и иду в дом, чтобы хозяйка не видела, что я плакал.

Бог всё ведает в жизни человеческой, Он всегда готов послать утешение и избавление от бед, чтобы чрез уныние не пришёл ропот на Бога. Сирот всегда охраняют ангелы – посланники Божии. Но ввиду нашей телесной жизни, ангелы не всегда могут явно приблизиться. Тогда Бог повелевает ангелам приближаться к нам во сне и давать сонное явление как предостережение от искушения и действия врага.

Видение отроку Симеону

Бог всегда утешает своих избранных. Послал и отроку Симеону утешение и предупреждение.

Вижу во сне, прихожу я в храм раньше всех, как это и бывало всегда наяву. Вижу, двери церкви отворены, но никого из людей там нет. Думаю, что ещё рано, и никто ещё не пришёл. Захожу в церковь. Посреди храма стоит гроб с умершим. А я думаю, когда же его принесли? Ведь в храме я был на всенощной службе, и никого из покойников не приносили. Кругом – тишина. Хотя и жутко, но осторожно подхожу ко гробу, чтобы посмотреть, кто в нём лежит. Вижу, лежит женщина лет пяти-

десяти. Платье на ней белое с горошком, платок белый и покрывало белое. Кто бы это мог быть? В это время из-под купола раздался голос: «Это твоя мама!».

Я стал пристально присматриваться, чтобы лучше запомнить, какая моя мама. И вижу, что она лежит вся мокрая, хоть выжимай. Подумал, что же она такая мокрая? А голос из-под купола отвечает: «Это твои слёзы». Как это мои слёзы, думаю я. Да, я плачу по маме, мне тяжело, а утешения нет... Выходит, это мои слёзы... Мне так стало жалко маму, что она лежит в гробу вся мокрая. Нет, я больше не буду плакать. Повернулся на иконостас ко святым иконам, вздохнул: «Господи, помоги моей маме, я больше не буду плакать».

С тех пор, хотя и были большие скорби и обиды, плакать боялся, я не хотел, чтобы мама лежала мокрой. Так, через видение Бог слёзы отнял. Он как бы говорил мне: «Я отнял у тебя маму, но Я Твой Попечитель и Промыслитель, уповай на Меня, Я всегда тебе помогу». И действительно, Божия рука всегда была надо мною.

Наступил 1926 год. Приходит хозяин со сходки и говорит своей жене: «Что будем делать с Сёмкой? Ведь мы думали дать ему десятину земли, из брёвен сарая хату построить, женить его. И пусть бы он жил, и нам было б доброе дело пред Богом. Беда только в том, что всю землю будут забирать под государство, и хозяйство будет всеобщее. Об этом говорили на собрании.⁶ Так что у нас у самих теперь ничего не будет, а сиротке всё равно надо устроить жизнь. Вот я и придумал послать его в город, чтобы он там учился. Вот и будет ему кусок хлеба».

⁶ По всему видно, что на том собрании обсуждались решения состоявшегося 14 съезда коммунистической партии (ВКП(б), состоявшегося в декабре 1925 г. Съезд принял решение о проведении индустриализации и перспективах коллективизации, то есть ликвидации крестьянской собственности и её обобществлении.

Разговор происходил при мне, и я подумал, что хозяевам я – в тягость. Вот и надумал уйти от них. Но куда? Сам не знаю. Так как я очень любил храм и богослужение, то пришла мысль пойти в монастырь, в котором я бывал с дядей. Мы с дядей часто ездили за покупками на базар в город Бар, который отстоял в 10 километрах от деревни Стодульцы. А там был женский монастырь, мы всегда заходили в него помолиться. Вот я и надумал уйти туда и там жить, ведь там живут, как на Небе, а монахини - как Небесные ангелы. В один прекрасный день, когда дядя с тётёй были в поле, я прибрал всё в доме и ушёл в город в монастырь.

Пришёл. Там ещё шла вечерняя служба. Среди святых людей я чувствовал себя, словно на Небе. Подойду к монахине, стану рядом и стою. Она глянет на меня и отойдёт на несколько шагов. Я подойду к другой. Та тоже отойдёт. И никто меня не спрашивает: «Кто ты, мальчик?». И я ничего не говорю. Настало время, служба кончилась.

На второй день во время службы смотрю, а возле меня стоит дядя. Я так и замер. Дядя видит, что я испугался и говорит мне: «Сеня, поедem домой, тётя по тебе плачет, это она прислала меня за тобой, чтобы тебя привезти». Без слов я последовал за дядей на выход из церкви. На базаре он купил мне пряников и конфет, по пути зашли в столовую. Взяв обед, он сказал: «Ешь, Сёма, а то ты, наверное, голоден».

Когда приехали, я сразу пошёл в дом. Вижу, что дядя лошадей не распрягает, а идёт вслед за мной. Тут я и понял, что дело пахнет плохим, но деваться было некуда. Стою, как неживой, весь застывший от страха и неудобства. Дядя Иван говорит своей хозяйке Анне: «Ну, вот я и привёл беглеца». Спрашивает меня: «Что же ты нам такую беду сделал? Ведь меня вызывали в сельсовет и спрашивали, куда я тебя дел. Сказали, что если

мальчик не найдётся, то будем тебя судить за пропавшую сироту». И тут же он поднимает руку кверху и снимает со стены свой широкий кожаный ремень с медною пряжкой. Берёт мою голову и зажимает между ног. И стал меня бить ремнем и приговаривать: «Это не за то, что ты ушёл, а за то, что ты не спросился. Это не за то, что ты ушёл, а за то, что ты не спросился...». И так меня набил пряжкой, что я неделю не мог сесть на лавку пообедать и кушал стоя. Плакать я не плакал, зная, что виноват, ведь без спросу же ушёл. С этого дня для меня настали скорбные дни, мысль внушала – уйди. Но как уйти? Куда уйти? Ведь на дорогу нужны деньги, без денег никто никуда не повезёт.

Когда Бог попускает, то враг приближается и наводит свою пагубную мысль.

В мою обязанность входило собирать в гнёздах куриные яйца. Тут и пришла мысль, а ты тайно откладывай яйца, носи в магазин и меняй их на деньги. Так я и стал делать. Наберу штук пять или десять яиц и спрячу их в сено. А как скопится несколько десятков, кладу за пазуху и огородами несу в магазин, сдаю, а мне за них деньги дают. Тогда за десяток яиц платили одну копейку. Но всё же я собрал 1 рубль 70 копеек. Ну, думаю, можно уходить, да ведь этих денег мало. И потому с уходом медлил.

Я очень любил церковные службы. И если мне вдруг не удавалось побывать в церкви, тогда этот день был для меня самым скорбным. Видя такую мою ревность к церкви, хозяева, решили, что это призвание Божие. Поэтому в праздники коров выгонял пасти сам хозяин, а меня отпускали в церковь.

Когда врагу рода человеческого надобно сделать искушение, то он может явить человеку и помощь. Но воля Божия сильнее вражьей. Хотя и трудным путем, но Бог приводит ко спасению.

Однажды, рано утром я выгнал пасти коров. Неподалеку от дома, на тропинке, увидел два серебряных полтинника⁷. Я остановился, смотрю в недоумении. Откуда они могли бы взяться? Ведь здесь никто из посторонних не ходит, да ещё так рано, и роса не сбита. Ну, думаю, это, наверное, соблазн от дьявола. Стал читать молитву: «Да воскреснет Бог...». Перекрестил деньги, но они не исчезают. Тогда решился их поднять. Смотрю, да это действительно деньги. И радость от находки, и страх от внезапности... Взял и положил их в карман, деньги остались деньгами и не исчезли.

Подумал я, что это ангелы Божии послали, знать, мой отъезд богоугодный. Так и наметил, поехать, поискать монастырь и жить там, дабы быть всегда при Боге и в соединении с Царствием Божиим. Настал час, в который я должен покинуть своих добрых хозяев, своих милых коров, которые меня так нежно лизали и вместе со мною делили моё сиротское горе и печаль. Так тяжело жить без родительского взора. Хотя есть люди очень добрые, но всё же они неродные, и их любовь всегда холодная.

В воскресный день пришёл я из церкви, пообедал и пошёл, будто бы что-то делать по дому. А сам пошёл, не зная куда, да будет воля Божия! Пусть Ангел хранитель меня ведёт туда, где мне надлежит быть! На станции Сербиновцы взял билет до Киева, приехал. Город мне незнаком. Только что-то было в воспоминании, когда мы с мамой жили здесь на карантине. Где-

⁷ Полтинник – пятьдесят копеек. Деньги – достаточно большие, если учесть, что за десяток яиц Сеня выручал 1 копейку. В 1923–24 гг. советская власть провела денежную реформу, обеспечив золотое содержание червонца (10 руб.). В разоренной коммунистическим экспериментом стране золото и серебро власть получила, изъяв их у населения и церквей. Даже монгольский хан не позволил себе такого кощунства над Православной Церковью. Первым на собственность церквей «позарился» Пётр I, приказавший переплавлять храмовые колокола в пушки. Это стало одной из причин того, что современники называли Петра I Антихристом.

то я посещал раньше свою сестру Анюту, когда она училась в первом классе. Но где? Не знаю этих мест.

Походил – походил по городу, сходил в Печерский монастырь. Но, оказывается, он был закрыт властями.⁸ В нём сделали музей, куда водили людей только соглядать. И стало так больно на душе! Святой дом, где раньше совершались службы, где много людей спасалось, теперь стоит, как хлев, и пасутся в нём дикие звери. Теперь это вертеп разбойников... Тяжело стало мне, любящему Господа, что такая святыня поносится, поругана и осквернена.

Пошёл далее бродить по городу и услышал, что в Москве есть много святынь, взял билет до Москвы. Приехал, пошел искать святыню и ничего не нашел: кругом разорение и пустота, верующие ходят, как бы испуганные. Иду я в глубокой задумчивости прямо посередине полотна трамвайной линии. Сзади идёт трамвай, звонит-звонит мне, чтобы я сошёл с линии, но я ничего не слышу. Трамвай остановился возле меня, вожатый соскочил с трамвая, взял меня за руку и кричит: «Ты что глухой?». А я действительно стал глухим. Это было по причине столь безбожной жизни людской. Они всё превратили в пус-

⁸ Советская власть с первых дней своего существования проводила целенаправленную политику по уничтожению религии. Формально религию не запрещали, но фактически её преследовали: закрывали монастыри, церкви и духовные учебные заведения, убивали священников, преследовали верующих. За религиозное воспитание детей родителей могли привлечь по статье УК РСФСР 58, п. 10 – контрреволюционная пропаганда (до расстрела); за крещение ребёнка, отпевание родителей и другое посещение церкви коммунистов до конца 80-х годов исключали из партии и увольняли с руководящей работы. Небольшое послабление церкви было в годы Великой Отечественной войны. В годы правления Н.С. Хрущева (1953–1964 гг.) была новое неистовство в преследовании верующих. Не вдаваясь в детализацию можно выделить две главных фактических причины вандализма коммунистов по отношению к Церкви: 1. Коммунистической идеологии придали форму веры, а две веры у человека (религиозной и коммунистической) быть не может. Потому физически уничтожали религиозную. 2. Авторитет священников и Церкви в народе были наивысшими. По силе влияния на людей им не было и близко равных. Их должны были заменить партийные вожди и парткомы.

тынь. И где найти пристанище? Ума не приложу. Где найти Бога, чтобы послужить Ему своей жизнью?...

Тут мне пришла мысль. Я вспомнил, что в книгах писали о многих пустынниках и странниках, которые служили Богу. Они своей жизнью Ему угождали. Так и я сказал себе: «Господи, помоги мне, я тоже буду пустынником, странником ради Тебя, ради сохранения в чистоте своей жизни, ради спасения своей души». И пошёл, куда ангел меня поведёт.

Пришёл в город Бежец, где был монастырь Николы. Меня приняли в послушники и послали письмо моему хозяину на Украину, чтобы они не искали Симеона, у нас он, мол, живёт. Ибо моего хозяина опять вызывали в сельсовет и допрашивали. Но как получили весть, что я живу в монастыре, больше не стали беспокоить*.

В этом же году прикрыли и наш монастырь. Пошёл я в город Бежец. Там на одной площади было три церкви. Одна была очень старой, с древних времён. Там пели одни монахини, которые были выгнаны из своих монастырей. Другая церковь была небольшой и очень бедной. Третья - была новой, она стояла на кладбище, в ней епископ служил за священника. Но нигде меня не могли принять к себе, так как в то время над Церковью свирепствовало⁹ гипиу¹⁰. Особо молодым не позволяли даже зайти в церковь. Молча брали за рукав, выводили из церкви и

⁹ О свирепых расправах коммунистов над священниками см. *Приложения №3 и № 4*.

¹⁰ Так монах Серафим обозначал аббревиатуру ГПУ – народное наименование ОГПУ – Особого Государственного политического управления – службы государственной безопасности. Этот орган был создан 7 декабря 1917 г. под названием Всероссийская чрезвычайная комиссия – ВЧК (председатель Ф.Э.Дзержинский). Он выполнял репрессивные функции в отношении советского народа. Через него заполнялись советские концентрационные лагеря, производились массовые расстрелы в 30–50-е годы. Менял своё наименование: ВЧК, ОГПУ-ВЧК, ОГПУ-НКВД, НГБ, МГБ, КГБ. В дальнейшем тексте народное обозначение этого репрессивного органа обозначается в тексте как «ГПУ», хотя у о. Серафима – «гипиу».

приводили в кабинет ГПУ. Допрашивали - кто ты, откуда, зачем пришёл в церковь? И отправляли в концлагерь. Без всяких причин монахов, монахинь и священников вывозили эшелонами, как скот, в лагерь. Этих заключённых отправляли на самые тяжёлые работы. Но, так как я был малолетка, то меня отпускали на произвол судьбы.

Знать, не пришёл ещё тогда мой час понести крест ради Господа нашего Иисуса Христа, Несущего Крест Свой на Голгофу.

Я пошёл далее странствовать. Пришёл в город Полоцк. После Полоцка направился дальше и зашёл на пограничную полосу. Но никто на меня не обращал внимания, иду я себе и иду. Прошёл первую заставу, вступил на вторую. Тут меня остановил деревенский дяденька и спрашивает: «Мальчик, ты куда идёшь?». Я называю близлежащую деревню, о которой заранее узнал, что она там есть. Он говорит: «Что-то я тебя такого здесь не видел. Ну-ка, пойдем за мной». И привёл меня в штаб погранполосы. «Вот, – говорит, – беглец, чуть границу не перешёл».

Меня оставили на допрос. На допросе я говорил всё честно, ничего не лукавя. Продержали меня в карцере неделю. Кормили досыта гречневой кашей вместе с солдатами. И я был доволен – под крышей и сыт. Но вот меня вызывают, дают конвой, велят отвезти в Полоцк и сдать там. Приехали в Полоцк. В конторе что-то писали-писали, потом говорят: «Иди, мальчик. Только в ту сторону больше не ходи. А то тогда не отпустим».

Молитвами Евфросинии Полоцкой я стал свободен. И душа моя стала спокойна. Есть заступник за меня – святая преподобная Евфросиния.

Странствие

Дабы угодить Богу, стал я странствовать. На ночлег ни к кому не просился, просил только поесть. Ночевал под кустом или в канаве. Настал август месяц, по ночам стало холодно. Чтобы согреться, клал я поклоны для духовного труда. Крестьяне сено уже скосили, оно стояло в копнах. Недалеко от деревни на поляне сенокоса я остановился ночевать. Под копною сена у толстой сосны положил я поклоны, сел и стал читать Иисусову молитву. Стало совсем холодно. Тогда я забрался внутрь копны, согрелся и сладко заснул, даже не заметил, как ночь прошла. Высунул голову из копны, посмотрел, солнце уже поднимается, а с тепла вставать неохота, так и приманивает полежать.

И, вдруг, вижу, мужик на телеге едет и поворачивает прямо к копне, где я сижу, и передним колесом подъехал к моей голове. Что же мне делать? Но делать нечего, надо вылезать. Стал сено разгребать, оно зашевелилось. Мужик испугался, схватил вилы, высоко занёс над моей головой. А руки его так и замерли с вилами наверху... Минута молчания... В это время я полностью вылез, мужик пришёл в себя, кинул вилы на землю, сплюнул, опустил руки и сказал: «Как ты меня напугал, ведь я думал, что это какой-то зверь, и чуть было тебя не заколол. Это какая же нелёгкая тебя сюда занесла?». Я стою пред ним и смиренно говорю: «Дяденька, мне ночевать негде. Вот я и ночевал в этой копне». «А что же ты не попросился в деревне? Вон она рядом. Ведь если б я тебя заколол, то какой грех бы взял на душу! Слава Богу, что у меня руки замерли, и я не мог ими владеть. Знать, Бог не допустил быть тебе убитому».

Совершилось так, как с Авраамом, когда он понёс своего сына на гору принести в жертву. Так Бог ему повелел. Но это

было испытание - действительно ли Авраам любит Меня? Поэтому Ангел удержал руку Авраама, занёсшего нож над Исааком. Рука его наверху замерла, и Бог сказал: «Вот, ангел задержал твою руку, ибо Я вижу, что ты Меня любишь, и не пожалел единственного сына ради исполнения заповеди».

Так и меня Господь испытал, дал мне приятный сон, чтобы я рано утром не вышел из копны. Удержал меня в копне до тех пор, пока не приехал мужик за копной. Когда я стал выбираться, то едва не был заклан, как Исаак Авраамом. Но Ангел удержал руку его. Так же Ангел удержал и руку мужика, чтобы он не мог вонзить вилы мне в голову. Это говорит о том, что надо мною есть рука Божия, и Она везде хранит меня. При том мне наука – не лезть ночевать в копна, в них много опасности для жизни. После этого я всегда ночевал на более открытом месте. Чаще всего укладывался спать под деревом, чтобы при опасности залезть на него.

Иду, сам не знаю куда, поест, спрашиваю у людей. Никто не отказывал, давали¹¹. Но все спрашивали: «Ты откуда, мальчик? Ты чей, мальчик? Есть ли у тебя родители, мальчик?...». Мне уж очень надоело всем отвечать. Тогда, по промыслу Божьему, я надумал быть немой, мол, люди не будут мне надоедать и спрашивать. С тех пор, как я взял на себя молчание, стало спокойнее. Дам знак, что я немой, и знак, что я хочу есть, мне и подадут. Но все сожалеют, что такой хороший мальчик, видно, что и не глупый, но вот немой – несчастный.

Пришёл я в одну деревню возле города Невеля. Зашёл во второй двор от краю, попросил поест. Там жила вдова с доче-

¹¹ Странствовать по монастырям и храмам, питаясь подаянием, было обычным делом на Руси. Просить подаяние не считалось унижительным, поскольку просящий паломник подвигался к делу Божьему (отсюда – подвиг). Дать продукты на дорогу, накормить странника, оставить его у себя ночевать считалось для хозяина удачей, поскольку он приобщался к подвигу во имя Бога, совершаемого другим человеком.

рю. Она дала мне борща и каши. Я хорошо поел и хотел было направиться уходить, но она мне замахала, мол, подожди. А сама стала говорить дочери, что он ведь хороший мальчик, только немой. Вот бы свести его к Сене на хутор. Он богатый, детей у него нет, был бы он им за дитя и хороший помощник. Дочь тёньки отвечает: «И, правда, мама, поведи к дяде Сене, попроси взять мальчика, ведь не пропадать же маленькому сироте. А ему за сироту Бог пошлёт большую награду». Тётенька говорит: «Пойдем со мною, сынок, я попрошу, может, они возьмут тебя». И мы пошли.

Хутор стоял неподалеку от деревни. Это была когда-то большая деревня и называлась Шопы. Но когда, после революции, стали править 12 избранных министров, то не стало согласия в стране. Каждый тянул куда мог, и беспорядки* довели её до полного упадка. Всё расточили, что забрали от царского правительства, а своего ничего не сделали. И страна была обречена на голодную смерть. Тогда штаб, управлявшийся Лениным, объявил НЭП. Дали настоящую свободу людям, которую обещали в революции. Дали возможность каждому свободно заводить хозяйство и иметь земли, кто, сколько мог обработать. Можно было жить хоть в деревне, хоть пойти на хутор, свобод - но обзаводиться сельскими машинами. На это от правления была помощь и содействие.¹²

¹² Этот абзац может считаться уникальным этнографическим документом, отразившим народную молву о российских аграрных и других реформах первой четверти XX в. Хутора появились в годы Столыпинской аграрной реформы (1906–1911 гг.), а не из-за новой экономической политики – НЭПа. По Столыпинской реформе крестьяне впервые в российской истории получили землю в частную собственность. До этого они пользовались наделной землёй, участки которой периодически перераспределяла деревенская община. Теперь крестьянин мог свести разрозненные свои участки в один (отруб) и выселиться на него (хутор). По реформе он уже не был членом общины и не платил налоги за несостоятельных соседей (круговая порука). Малоуспешные крестьяне разорялись, продавали свою землю и уезжали в город. Успешным крестьянам помогал кредитами Крестьянский банк. В феврале 1917 г. случилась буржуазная революция. К власти пришло Временное правительство (12 чел.).

Хозяин Сеня поселился в живописном месте возле речки неподалеку от деревни. У него было хорошее хозяйство – дом с садом, конюшни, сарай, скот. А жил он только с сестрой Пашей, ей было 72 года. Замуж она не выходила. Сене было 45 лет, и он тоже жил холостым.

Они привели меня к ним и говорят: «Сеня, ты один, а хозяйство у тебя большое, возьми этого парня. Хотя он и немой, но парень умный, и тебе будет хороший помощник, он всё понимает, да и тебе веселей будет. А в Священном Писании сказано: «Не строй семь церквей, а воспитай одну сироту, за это

Но не они «расточили» страну. Это сделали коммунисты (большевики) во главе с Лениным, захватившие власть в октябре 1917 г. (социалистическая революция). Согласно своей теории, они разогнали царские правоохранительные органы (получили массовую преступность); распустили армию (заклучив с немцами позорный Брестский мирный договор); отобрали у буржуазии заводы и фабрики, поставив во главе директоров из рабочих (предприятия пришли к банкротству); отменили зарплату деньгами, выдавая её продовольствием и промтоварами (оскорблённые рабочие покидали предприятия и уходили назад в деревню); разгромили помещичьи хозяйства, дававшие 51% товарной продовольственной продукции; отбирали у крестьян «излишки» (продразвёрстка), расстреливая торговавших продовольствием. Неизбежно наступила разруха. Крестьяне, естественно, стали сеять хлеб только для собственного потребления. Начался голод, спровоцировавший эпидемии, от которых погибло людей больше, чем на фронтах Первой мировой и Гражданской войн вместе взятых. Этот голод и разруху советские историки объясняли Гражданской войной, которую будто бы затеяли помещики, капиталисты и Антанта. В действительности же Гражданская война была следствием политики военного коммунизма с выше описанными мероприятиями. Разруха и голод стали следствием социалистического эксперимента. Весной 1921 г. председатель правительства (Совнаркома) В.И. Ленин («штаб, управлявшийся Лениным», как пишет батюшка) признался, что с непосредственным введением социализма провалились. Он заявил, что для построения социализма необходим переходный период. Поэтому в значительной степени вернулись к естественным экономическим законам (новая экономическая политика – НЭП). Продразвёрстку (отдать всё) заменили продналогом (отдать процент от произведённого), разрешили арендовать землю, нанимать работников, свободно торговать излишками, покупать технику. В 1928 г. политику НЭП свернули, а с осени 1929 г. начали сплошную коллективизацию, ставшую нашей национальной катастрофой. С того времени народ фактически не ел досыта: 1929–1935 гг. – продажа продовольствия по карточкам, 1932–1933 гг. голод с людоедством, 1941–1947 гг. – карточки, 1946–1947 гг. голод, до осени 1954 г. – огромные очереди за хлебом, 1963–1964 гг. – талоны на отдельные продукты, 1987–1991 гг. – талоны на все виды продуктов. И все годы советской власти – приобретение качественных продуктов и товаров первой необходимости «по блату» (советской разновидности коррупции).

тебе будет больше награды от Бога. Я бы и сама взяла, но мы люди бедные, и ему у нас будет хуже, чем у тебя с Пашей». Сеня посмотрел и ничего не сказал. Подозвал он сестру и говорит: «Паша, вот хороший мальчонка, возьмём его к себе?». Дух жалости вошёл в Пашу, и она сказала: «Пусть остаётся».

Так Бог всегда помогает избранным, посылает Дух умиления, чтобы расположить на добрые дела.

Доброе пристанище Симеона

Так как оба мы были Симеоны, люди стали нас называть: «Сеня-большой», и «Сеня-маленький». Сеня-большой стал поручать Сене-маленькому хозяйственные дела: кормить скот, чистить навоз, рубить дрова, приносить воду и убирать во дворе. Сеня был хорошим кузнецом, и в свободное время я помогал ему в кузнице. Паша была очень рада, что Бог послал им такого хорошего мальчика. Но вот беда - он немой и нельзя с ним поговорить. Но зато он всё понимает и очень исполнительный.

Так прошла осень и зима, настала весна. Дядя Сеня в кузнице постукивает, готовится к весенней работе, Паша в доме хлопочет по хозяйству. Свинья с маленькими поросятами ходит возле крыльца, потихоньку хрюкает. В сенях стояло полмешка пшеницы, которую дядя приготовил, чтобы отнести её соседке-вдове на весеннее питание.¹³ Сеня был добрым мужиком, он всегда помогал бедным. Но делал так, чтобы тётя

¹³ В православной культуре было обычным делом помочь бедствующему односельчанину (в данном случае – вдове). В общине никому не давали «утонуть», поддерживали бедняков, сообща платили за них налоги (круговая порука). Не помогали только пьяницам, которых было не так уж много (по свидетельству этнографов 19 в. на деревню – один, два). Но во время праздников и в эти семьи приносили обильную еду, чтобы и в их доме была радость. В дни праздника считалось предосудительным оставлять без обильной и вкусной еды соседа или родственника. А родственниками были фактически все односельчане.

Паша не видела этого. Она ругала его за то, что тот раздает из дому. Дядя Сеня предупредил меня, что за дверью стоит пшеница, но смотри, чтобы не знала о ней Паша. Вот я и был сторожем этой пшеницы, всё время крутился возле сеней.

Я решил помочь дяде Сене в кузнице и отошёл от крыльца. Свинья увидела, что сторожа нет, быстро вбежала в сенки, всунула нос в мешок и стала есть пшеницу. Я вернулся и выгнал её. Она отошла к своим поросётам, хрюкает с ними, но никуда не отходит от крыльца. Я опять направился к кузнице, а свинья – бегом в сенки. Тут я, впопыхах, и закричал: «Ты куда?!». Сеня услышал мой голос, в недоумении остановился и смотрит на меня от кузницы. Я стою, как мёртвый, что же теперь будет? Ведь я разоблачил себя, я – говорящий, а не немой.

Но Бог всегда помощник в бедах. Стою я недвижим, а Сеня идёт в дом, проходит мимо меня и ничего не говорит. Вошёл в дом и говорит тетё Паше: «Паша, у нас – чудо! Сеня заговорил, я сам слышал». Паша и Сеня вышли из дома, я стоял возле крыльца. Паша спрашивает меня: «Сеня, ты говоришь по действию Святаго Духа?». Я ответил: «Да». Тогда Паша сложила руки и стала молиться Богу: «Слава Тебе, Господи! Ты видишь несчастного сироту, Ты помиловал его, Ты открыл ему язык. Чудны дела Твои, Господи! Ты всегда зришь на своё создание и подаёшь нам чудные дела Твои!». Сеня и Паша были от души рады, что Сеня-маленький стал говорить. Тетя Паша всем соседям рассказала о случившемся чуде. Все дивились и прославляли Господа.

Кончилось моё молчание, жить у Сени-большого стало ещё лучше и радостнее. Я с ним говорю, говорю о духовном, говорю о земной жизни. С ним работаю по дому, он пашет, а я верхом на лошади бороню. Утром хожу косить сено, днём сушу, переворачиваю его, и мы вместе возим его домой. Скота у

Сени было много, и сена требовалось много, но Бог помогал ему ради сироты. Вечером дядя Сеня лежал на полатях и отдыхал, тётя Паша лежала на печи, тоже отдыхала, а я сидел на краю печи, читал им Евангелие. Когда они засыпали, то и я засыпал, свернувшись под бок Паши.

Дядя Сеня ходил в соседний хутор к любовнице, и, бывало, просиживал там до поздноты. А тётя Паша всегда беспокоилась*, что дел много, а он сидит допоздна и не сможет встать рано утром на работу. Однажды Паша говорит: «Сеня, сходи на хутор за Сене́й, скажи, что он мне очень нужен». А хутор был километра за полтора от нас. Я пошёл, так как всегда был послушлив, и всё исполнял без замедления. Было очень темно, я с трудом видел дорогу, но послушание все страхи побеждает.

Пришёл на хутор и говорю дяде: «Дядя Сеня, тебя тётя Паша очень зовет». Он говорит: «Хорошо, сейчас приду, ты иди, а я – следом». Пошёл я домой. Идти полем было как-то не так жутко, но дорога больше шла лесом, кругом темно, а я еле-еле замечаю дорогу. И вдруг, вижу по обочине дороги – много огней. Они, как свечи, в воздухе висят. Думаю: «Это Бог послал мне чудо». Я иду и вижу, что свечи двигаются наравне со мной – не отстают и не опережают. Стал петь молитву: «Богородице Дево, радуйся...» и продолжал идти к дому. Перед домом – небольшая поляна, стало светлей и мне на душе. Прошёл я поляной, оглянулся, а свечи в воздухе остановились и стоят на одном месте у опушки леса. Я вошёл в сад, посмотрел на них ещё раз и зашёл домой. Сказал Паше, что Сеня сейчас придёт, и рассказал ей, какое я сейчас видел чудо со свечами. А Паша и говорит: «Глупый ты, это не свечи, это стая волков шла за тобой. Но Милосердый Господь не допустил их к тебе. Бог бережёт сирот, и звери не могут их тронуть». После сего чуда Паша и Сеня меня очень жалели и говорили, что у нас хозяйство боль-

шое, а мы – бездетные. Усыновим маленького Сеню, и будет он для нас сыном, и пусть наше всё добро ему будет.

Чувствуя себя, как в родном доме, я ещё больше стал молиться Богу, благодарить Его за милосердие к сиротам. Всегда радостно было на душе, и радость была приближением Святаго Духа. Хотелось больше и больше служить Богу. Как и на Украине, всегда ходил в церковь, никогда не пропускал службы. Пока я в церкви, коровы стоят в хлеву. Как приду из церкви, поем и выгоняю их пасты. На пастбище пою то, что слышал в церкви. Коровы тоже полюбили пение, старались держаться вблизи меня и никуда не отходили далеко.

На опушке леса был густой сосняк. Я увидел, что несколько сосен стояли в ряд, а в центре между ними образовались как бы царские врата. По бокам – южные и северные врата, а кругом сосны стоят, как прихожане. Да это же природный алтарь! – подумал я. Из палок я сделал престол и кресты. Из куса дерева выдолбил и вырезал ножом чашу. Только не было у меня копия, как у батюшки в алтаре. И тогда к моему хорошему замыслу примешалось зло. Так всегда к добру пристраивается зло. Я надумал обмануть своего хозяина, сказал ему, что будто бы батюшка сломал своё копие, ибо просфоры были сухими, и просил тебя сделать ему новое копие. Дядя, конечно, сразу его изготовил. Но я взял копие себе, чтобы служить в лесу в своем алтарьчике с коровами.

Еще радостнее стало у меня на сердце, когда я стал служить на природе, как батюшка в церкви. Попасу коров и пригоняю на то место, где у меня был алтарь. Коровы ложились спать на отдых, а я начинал служить. Пел, что знал, читал, что помнил. Принёс туда маленькое Евангелие и чашу, сделанную из дерева. Но вот беда – нету у меня, как у батюшки, епитрахили и поручей. Да и где их взять? Как всегда в подобных делах появ-

вилась лукавая мысль – что-нибудь украсть у дяди Сени или у тети Паши и сшить себе поручи и епитрахиль. Эта мысль не покидала меня и дождалась своего часа.

Как-то был дождь. Дядя Сеня был на вечеринке у своей любимой. Возвращаясь домой, он накрылся плащом, но чтобы Паша не ругалась, снял его у сарая и повесил на изгородь сушить, но опоздал снять его утром. Я вышел на двор рано и увидел на заборе хороший кашемировый плащ. Вот тебе и материал на епитрахиль, подумал я. Снял плащ и запрятал в сено в сарае. Утром дядя встал, пошёл за плащом, а его уже нет. Он – в недоумении, кто же его снял? Ведь близко никто не живет. Пришёл в дом и спрашивает: «Сеня, плащ висел на заборе, ты его не видал?» В подтверждение того, что человек неспособен к раскаянию, если лукавое войдет в его сердце, и говорю я ему: «Нет, не видал».

А потом, когда все были заняты работой, я взял ножницы, забрался в сарай и стал кроить епитрахиль и поручи. Плохо это у меня получалось, весь плащ изрезал и еле-еле сшил себе епитрахиль и поручи, а лоскуты спрятал в сено. Своё шитьё тайком отнёс на пастбище, радовался, что теперь у меня есть духовное одеяние, что я могу служить. Из дома брал хлеб и сахар с водой. Когда коровы ложились на отдых, я надевал епитрахиль и поручи, копием резал хлеб, воображая, что это просфоры, а воду с сахаром воображал вином. Вместо молящихся верующих меня слушали коровы.

Когда отслужу и сам себя причащу, всё прятал в сделанной ямке, покрывал её дёрном и снова пас коров. Такое было у меня стремление играть духовными играми. Эти игры были явным предвестием того, что Бог с детства кого-то избирает для Своего служения. Он награждает его вседействующей высшей Благодатью, показывает, что это Его избранник, и зло не кос-

нётся избранника. Хотя враг рода человеческого и преследует особо избранных, но действия врага всегда бывают побеждены благодатию Божиею.

Пошла жизнь Симеона радостная и весёлая. Хозяину во всём помогал, в церковь всегда отпускали, дома молился и читал Паше священные книги. Меня очень любили и верили, что мне Бог во всём помогает.

У хозяина был племенной конь, которым он особенно дорожил, и на котором мы с ним часто катались для удовольствия. Дядя Сеня всегда посылал меня обойти с молитвой сарай со скотом, чтобы воры не могли подойти к нему. Зимой, когда были видны следы на снегу, мы замечали, что кто-то подходил к сараю. Но, подойдя к моим следам, оставленным при чтении молитвы, следы незваного человека поворачивали назад. Тот человек не мог перейти моих следов и украсть что-либо. В таком глухом месте нашего хутора всё было спокойно и цело. Сам я дивился, неужели молитва имеет такую силу, что воры не могут не только ничего взять, но даже подойти!

Однажды к нам в гости приехали племянники моего хозяина. Это были девочка и мальчик - дети другой его сестры. Мальчика тоже звали Сеней. Вот я и решил сделать на них испытание. Одна хозяйская курица избрала на чердаке место нестись. Когда курица закудахтала, давая понять, что она снесла яйцо, я и говорю: «Сеня, на чердаке снеслась курица, пойдёшь и принеси яйцо». Его сестрёнка говорит: «Я тоже пойду». Пошли они оба на чердак, постояли возле гнезда и, не взявши яйца, вернулись обратно. Они не знали, что я заранее обошёл гнездо с молитвой. Я спрашиваю: «Что, там нет яйца?»

- Нет, есть.

-А почему вы его не принесли?

- Не знаем.

- Так пойдите и принесите.

Побежали они обратно к гнезду, постояли - постояли и опять пришли без яйца.

- Почему вы не принесли?

- Не знаем, мы почему-то не можем его взять.

Так я убедился, что эта молитва сильна, и она действительно не допускает воров.

Жизнь Симеона шла благоприятная. Бог, наконец, послал ему пристанище. Бог во всём помогает, как в хозяйстве, так и в духовной радости. Но враг рода человеческого, исконный противник добра, всегда следит за каждым человеком, чтобы нанести ему зло. Мне исполнилось уже 19 лет. Я был хорошим помощником своему хозяину. Рад был Сеня-большой, рада была и тётя Паша. Но диавол не радовался такой мирной в духовном отношении жизни троих людей, собранных Господом в ознаменование Троицы: Сеня-большой, тётя Паша и Сеня-маленький.

Лето стояло прекрасное, работы в поле было много, и оба Сени трудились на славу Божию. Год был 1926-й. Шли самые тяжёлые годы для христиан. Если кто из несчастных людей жил у кого-либо, то его считали батраком, а хозяина - эксплуататором.¹⁴ Поэтому с такого хозяина требовали налог. Не считали,

¹⁴ Коммунисты строили социализм, при котором, считалось, что не должно быть эксплуатации человека человеком. Крестьянин, нанимавший людей в страду, считался эксплуататором. Тем более таковым определялся тот, у кого был постоянный наёмный рабочий - батрак. В ноябре 1929 г. коммунисты определили на пленуме ЦК ВКП(б) курс на сплошную коллективизацию - изъятие у крестьян средств производства (скота, инвентаря, земли). У самых состоятельных крестьян (кулаков), которые будто бы разбогатели за счёт эксплуатации, отбирали всё имущество, а самих выселяли в отдаленные районы страны (редко - в пределах района проживания), а некоторых расстреливали. Признаком кулацкого хозяйства считались: использование наёмного труда, наличие в хозяйстве более одной коровы и лошади, просторный дом, наличие сложной техники (молотилки, сенокосилки, маслобойки, швейной машинки, гармонь, фотоаппарата и т.п.). В изобильной Сибири критерии зажиточности были иными. Человек с двумя коровами здесь считался бедняком.

что несчастные люди, жившие у других, лишь добывали себе кусок хлеба. Вызвали Сеню-большого в сельсовет и предъявили ему большой налог, раз он держал батрака. Пришёл мой хозяин и говорит сестре своей Паше, что в сельсовете наложили на него налог за то, что у нас живёт сирота. Паша сказала: «Что ж поделаешь, ихняя власть! Надо заплатить». И заплатили 50 руб.¹⁵, думая, слава Богу, теперь Сеня-маленький может жить спокойно.

Но враг не усмирился этим, так как он ненавистник добра. Через неделю Сеню-большого снова вызвали в сельсовет и сказали: «Раз ты держишь батрака, эксплуатируешь его, то плати 75 руб. добавочного налога». Пришёл Сеня-большой и сказал Паше: «Опять вызывали насчёт Сени-маленького, велят платить добавочный налог 75 руб.». Паша сказала: «Ну, что ж поделаешь против власти? Мы ведь подданные ей. Отнеси и уплати».

Так и сделали - уплатили, ибо жалко было отослать от себя несчастного сироту. Ведь они так привыкли к нему, относились, как к родному своему дитю. Они рассчитались и успокоились. Прошло ещё три недели, и снова моего хозяина вызывают в сельсовет. Сеня-большой очень обезпокоился*, Паша тоже расстроилась. Что же это за права такие, что нельзя сироту держать, чтобы спасти его от голодной смерти? Таких прав люди, отродясь, не видывали и не слыхивали. За то, что мы поим, кормим и одеваем сироту, за это плати государству!?

Пришёл мой хозяин снова в сельсовет, а ему говорят: «У нас всякая эксплуатация отменена. А ты держишь у себя батрака. Поэтому на тебя есть добавочный налог на сумму 300 рублей. Если не внесёшь, то будем тебя судить за нарушение закона». Сеня стал доказывать, что, мол, он безродный сирота. Куда

¹⁵ Для крестьянина 50 руб. были огромной суммой, В 1926 г. в Донбассе 1 кг. мяса на базаре стоил от 28 до 34 коп.

же ему деваться? Если не буду его держать я, то тогда возьмите его вы. Ведь он не щенок, чтобы его выкидывать на погибель. «Нам до этого дела нет, - ответили ему. - Мы не можем собирать всех, хлебом зря кормить. И куда мы должны их девать? Ты держишь, вот и держи, а налог за него плати, такой закон! И закону надо подчиняться. Вот тебе трёхдневный срок, а потом будем тебя судить».

Пришёл Сеня-большой в великой скорби и сказал Паше: «Обратно требуют налог за Сеню». Паша заплакала. Получается, держать сироту нельзя, и выгонять его жалко, да страшно перед Богом. Чтобы не быть наказанными Богом за сироту, она сказала: «Нет, брат, заплати, Бог с ними. А сироту будем держать до последнего, пусть хоть всё заберут. Есть слухи, что всё равно всё будут забирать.¹⁶ А мы хоть сироту спасём и, с Божью помощью, сохраним ему жизнь.

Дядя Сеня внёс третий раз 300 руб. и призадумался. Что же дальше будет? Ведь если эти большевики ¹⁷ взялись, то они кожу снимут. Ихняя власть! Что хотят, то и делают! Помочь бедным людям - их нет. А если бедным людям кто-то помогает, то с него снимают кожу налогами. Как же быть? Ума не приложу. Но нет! Я Сеню-сиротку не брошу, что-то надо придумать для его определения.

¹⁶ Так народная молва реагировала на решение коммунистической партии о коллективизации.

¹⁷ Коммунистов тогда чаще всего называли большевиками. На съезде (1903 г.), где они принимали программу партии (тогда партия называлась социал-демократической), произошёл раскол на два крыла. Большинство (большевики) пошли за В.И.Лениным, меньшинство (меньшевики) - за Г.В.Плехановым. Меньшевики не признали октябрьский переворот 1917 г. в качестве социалистической революции. Они считали политику Ленина авантюристической. Были убеждены, что для построения социализма в России ещё не сложились условия (пролетариат - в меньшинстве, народ не имеет демократического опыта, буржуазия не исчерпала своей исторической роли). В 1919 г. партия Ленина из социал-демократической была переименована в коммунистическую - Российскую коммунистическую партию (большевиков) - РКП(б). В 1925 г. в названии партии слово «российская» было заменено словом «все-союзная» - ВКП(б). В 1952 г. ВКП(б) переименована в КПСС, с 1992 г. - это КПРФ.

Симеон в Петрограде

Сеня-большой и тётя Паша порешили отправить Сеню-маленького в Петроград,¹⁸ где жила их младшая сестра Анна. Пока, мол, пусть он поживёт у ней, а там Бог поможет куда-нибудь его устроить.

И я направился в Петроград к тёте Нюре. Время было тяжёлое, в стране была карточная система, все жили только на пайке.¹⁹ До революции тётя Нюра работала горничной у фабрики-

¹⁸ Правильно - Ленинград. До 1914 г. этот город назывался Санкт-Петербург (в честь Святого Петра). В связи с началом войны с Германией (август 1914 г.), в знак патриотического неприятия всего немецкого, город был переименован в Петроград (немецкое слово «бург» заменено русским словом «град»). Город считался колыбелью социалистической революции. Поэтому в память о лидере революции Ленине, в 1924 г. (год смерти вождя) город переименован в Ленинград. В 1991 г. по предложению русского актёра Олега Басилашвили (депутата Верховного Совета СССР) город получил своё первоначальное имя – Санкт-Петербург.

¹⁹ Нормированное продовольственное снабжение (по-народному – «пайки») ввели в 1929 г. в связи с кризисом государственных продовольственных закупок. Поскольку государственные закупочные цены на хлеб и другие продукты были низкими, а цены на промышленные товары в 3 раза выше 1913 г., постольку крестьяне, расплатившись с налогами (часто за счёт технических культур), оставили продовольствие в собственных закромах, не спешили продавать его государству. Быстро растущие города в связи с массовым строительством заводов (индустриализация) не получали продовольствия в необходимом количестве. Вместо повышения закупочных цен на продовольствие и снижение цен на промтовары (как предлагали экономисты), руководство Сталина в январе 1928 г. пошло на насильственное изъятие крестьянских запасов. А в конце 1929 г. приняли решение о сплошной коллективизации - создании структур (фактически) по изъятию у крестьян не только прибавочного, но и необходимого продукта. Для власти коммунистов в периоды 1917-1921 гг. и 1928-1991 гг. было характерно почти полное игнорирование экономических законов в организации управления народным хозяйством. Поэтому советская экономика, (названная командно-административной) так сильно отстала от цивилизованных стран (см. характеристику этого абсурдного управления в *Приложении №. 7*). У шахтёров Кузбасса, поднявшихся на забастовку в июле 1989 г., было фантастическое (в плане позора) для конца 20 в. требование – увеличить «паёк» шахтёру со 100 гр. колбасы до 150 гр. в день, мыла - с 0,5 куска в месяц до 1 куска. Такое требование может считаться исключительно показательным для понимания истинных результатов хозяйствования коммунистов, игнорировавших в годы своего господства экономические законы. Тогда забастовка шахтёров Кузбасса определила «эффект домино» в развале мировой социалистической системы.

канта, который имел завод резиновых изделий, впоследствии названный «Треугольником». В 1918 году фабрикант уехал в Германию, а всю прислугу разогнали. Тётя Нюра осталась работать на заводе бывшего своего барина. В рабочем доме ей дали небольшую комнату, куда и приехал Сеня-маленький.

Я оказался на иждивении маленького пайка тёти Нюры. Учиться не было возможности, работу найти было нельзя без биржи, где безработные стояли на учёте. Вот и пошёл я на биржу, встал там на учёт. Тому, кто был зарегистрирован на бирже, давали маленький паёк: черпак супу, в котором крупинка за крупинкой гонялись и не могли догнать, ложку каши и хлеба 200 гр. Каждый должен был ежедневно прибыть на биржу для переклички. Если кого-либо не окажется на перекличке, того лишали пайка. Побываешь на перекличке и целый день ждёшь с моря погоды - сидишь и ждёшь, когда тебя выкрикнут на работу. Иногда я попадал в списки на работу, но меня из него вычёркивали, как только видели, что я маленький и щупленький. Так я и просидел на бирже целый год.

В эти тяжёлые дни я не прекращал посещать храм. Но было это только по вечерам, всё остальное время обитал на бирже. Таких верующих, как я, там было много, были и монастырские люди из разогнанных монастырей. Там мне и выпало счастье познакомиться с послушником подворья Ново-Афонского монастыря²⁰ иноком Ваньком. С ним мне стало веселей, но главное, это была духовная поддержка. Ванёк привёл меня в своё подворье, познакомил, и я стал приходить в алтарь для прислуживания.

Через год меня на бирже всё же определили в ученики стрелочника. По учёбе всё шло хорошо. Я рад был, что полу-

²⁰ См. фото № 1 Ново-Афонского подворья в Ленинграде, с которым связана судьба о. Серафима

чил рабочую карточку, что теперь буду есть свой хлеб, и тётё Нюре не придётся от своего пайка мне давать. Проучился месяц, послали на сортировочную станцию Октябрьской железной дороги.

В то время было большое вредительство.²¹ Были люди, которые разбивали вагоны с умыслом. Вагоны грабили, а стрелочникам без всякого суда, лишь постановлением ГПУ, давали десять лет.²² Поэтому здесь моя работа не была продолжительной. Опасаясь, что завтра мой вагон, идущий на стрелку, разобьют, и ГПУ увезёт меня в тюремное заключение, я попросил увольнения. Но получил ответ, что мы тебя не для того учили, чтобы рассчитывать. Тогда я решил, что всё равно уйду, как только получу зарплату. Так и сделал - получил зарплату и больше не пришёл на станцию.

Перешёл послушником в Ново-Афонское подворье, служил алтарником. Впоследствии подворье прикрыли, а служить мне дали в часовне, которая стояла на углу ограды подворья. Часовня была с двумя престолами: главным – в честь Святой Троицы и вторым - в честь Симеона Богоприимца. Чудны дела Божия! Господь привёл меня служить в часовне моего покровителя, в честь которого я ношу имя.

Но моя радость была недолгой. ГПУ очень следило за молодыми монахами. Без всякой вины их забирали и отправляли в концлагерь. Если кто-то из верующих возьмёт к себе ночевать монаха, то его забирали вместе с монахом в тюрьму. А от-

²¹ «Вредительство» - характерный термин 30-50-х гг. для определения негативных явлений в хозяйственной жизни. Он возник в связи с практикой коммунистической партии объяснять экономические провалы своей политики действиями злоумышленников - «вредителей», «врагов народа».

²² Не отсюда ли пошло ироничное выражение «стрелочник виноват»? Это выражение применяется в случае обозначения виновником происшедшего абсолютно к этому не имеющего отношения человека.

туда выхода уже не было. Чтобы из-за меня не пострадали люди, я старался ни к кому не ходить на ночлег. Мне пришлось жить, где попало. Больше всего я ночевал летом в пригородном лесу, как пустынник, а утром приходил в алтарь.

Но настало зимнее время, жить в лесу стало невозможно, ночевал на вокзале. Но там было беспокойно. Милиционеры подходили, тыкали в нос нашатырный спирт и будили. Как только все пригородные поезда уходили, с вокзала всех выгоняли, а кого-то забирали в отделение ГПУ.

Чтобы спастись, я решил в самое полуночное время ходить по улицам города. Ходил всю ночь, но сон одолевал, человек не может жить без сна. Однажды, под утро я шёл по Невскому проспекту и на ходу заснул. В сонном состоянии догнал какого-то дяденьку и своим лбом стукнул ему в спину. Тот от неожиданности испугался. Но когда обернулся, то увидел юношу, которого недавно обогнал, и спокойно пошёл вперёд. Я тоже испугался, что на что-то налетел. Иду дальше, сон так и одолевает, всё внутри у меня замирает. И опять я заснул на ходу и снова лбом стукнулся, взглянул, а это стена дома.

Вот что пришлось пережить в те тяжёлые дни ради любви к Богу. Очень преследовали тех, кто верует и служит в церкви. Борьба за жизнь в любви к Богу сопровождается большими испытаниями. Но Бог укрепляет и сохраняет, дабы избранное Богом не погибло, посылает Ангела-хранителя и внушает добрую мысль, как себя сохранить ради любви к Господу.

Стал я думать, как мне быть в зимнее время, чтобы и не замёрзнуть, чтобы и отдых был. Сил уже не хватало целыми ночами без сна и голодному бродить по улицам города. Тогда я стал брать билет на последний рейс дачного поезда. Ехал до конечной станции, а первым поездом - обратно, хоть подремлю это время и побуду в тепле. Потом до открытия церкви немного

похожу по улицам и иду пономарить. Я и виду не подавал о своих трудностях, всегда был весёлым и шустрым в исполнении своих обязанностей.

Был у меня на этом подворье, как уже говорил, друг - послушник Ванюша. Мы с ним всегда делились мнениями по части духовной жизни. Он как-то мне сказал: «Сеня, никогда не ходи ночевать, если тебя будет приглашать женщина, это ловушка для нас. У меня такой случай был, одна боголюбивая женщина, жалеючи, взяла меня к себе на ночлег. Приняла ради Христа²³, покормила, положила спать, а потом сама легла ко мне и стала соблазнять. Я обманом, как будто по надобности, вышел и убежал от неё среди ночи. Это Бог посылает нам, Сеня, испытание и вразумление, чтобы мы всегда были бдительны. А чтобы враг нас не поймал, никогда не надо ходить к женщинам ночевать. Лучше уж где-нибудь под забором пострадать, чем в такой грех впасть и погубить свою душу. Ведь это всё временное, а душе потом будет вечное мучение».

Друг мой Ванюша много мне рассказывал, как и зачем всё делается на свете. То, что нас изгоняют со святых мест и храмы разоряют, это делается по программе партии масонов,²⁴ которые борются против Христа и против служителей Христо-вых. Они хотят уничтожить всё Божественное, чтобы легче бы-

²³ Выражение «ради Христа» широко применялось в русском языке для обозначения просьбы или благодеяния. Услышав просьбу в сопровождении этого словосочетания, православный человек, как правило, не смел отказать в её удовлетворении.

²⁴ Массонство – религиозно-этическое движение возникло в начале 18 в. в Великобритании, распространилось во многих странах. Название, организация (объединение в ложи), традиции заимствованы масонством от средневековых цехов (братств) строителей-каменщиков, отчасти от средневековых рыцарских и мистических орденов. Масоны стремились создать тайную всемирную организацию с утопической целью мирного объединения человечества в религиозном братском союзе. Почитая Бога как великого архитектора Вселенной, масонство допускает исповедание любой религии. Наибольшую роль играло в 18 - нач.19 вв. В. 20 в. о масонах стали говорить как политическом движении, имеющем целью создание единого мирового правительства для порабощения народов мира в интересах кучки людей.

ло весь мир закабалить. Их программа так и называется – каба-листика. Они, партия масонов, распространились по всему свету среди высших классов. Например, среди дворянства они выдвигали лозунг: «Братство и свобода». Это из-за того, что дворяне были утесняемы фабрикантами и помещиками. Потому сынки дворян входили в партию «декабристов», которая ставила задачу борьбы за бедноту²⁵. И они делали революции, через восстания бедноты. Но декабристы ошиблись. Они думали, что победят капитал, то есть помещиков и фабрикантов, а победили своих родителей. Так что масоны ловко подошли к высшему классу дворянства, чтобы те пошли на борьбу против своих имений и своих родителей. Потом название было заменено «коммунарами», где и внесли лозунг борьбы против Бога, против всего священного. А чтобы борьба была более весомой, стали втягивать в партию масонов и духовенство – архиереев, митрополитов, происходивших из дворянства²⁶. Вот и в нашем городе есть такое сборище масонов, туда ходит и один из наших иерархов.

Меня это смущало. Как может слуга Престола вести борьбу против Бога и Христа? Как он может служить Христу, а работать на сатану, ведь партия масонов – от духа сатаны? «Если не веришь, – сказал мне Ванюша, – то пойдём, ночь подежурим. Я знаю, в какие дни и в каком помещении они собираются, туда он и ходит». И он показал мне дом на Исаакиевской площади.

²⁵ Видимо, о. Серафим имел ввиду декабристов – участников декабрьских событий 1825 г., когда офицеры, выстроившие своих солдат на Сенатской площади в Петербурге, потребовали от царя Николая I удовлетворения их требования об освобождении крестьян от крепостного права и изменения политической системы.

²⁶ Данные объяснения могут быть приняты в качестве этнографического документа, отразившего мысли какой-то группы лиц о сущности реформ 19-го и начала 20-го веков.

Это был первый дом возле гостиницы «Астория». В нём было полуподвальное помещение, куда двумя ступеньками вниз шёл вход прямо с тротуара. Дом мне показался мрачным. Мы с Ваней стали дежурить. Ходили по площади вокруг Исаакиевского Собора, ходили возле здания Адмиралтейства, к памятнику Александра I на коне. Мы выбрали хорошее место для наблюдения.

Вдруг, видим, как из подвального зала по одному выходят люди и идут в разные стороны. Вышел гражданин в шляпе с поднятым воротником и портфелем подмышкой. Он шёл к гостинице «Астория». А там всегда было очень светло, так как в гостинице обитали люди из-за границы. Мы догнали того гражданина, а возле парадного входа гостиницы мы перегнали его и заглянули в лицо. Да, действительно, это был он. У нас было такое смущение. Оказывается, что даже такие высокие лица, служители алтаря, находятся в сей губительной масонской партии. Эта партия ведёт борьбу против Христа, чтобы унижить Христа, потом победить, а своего Лжехриста выдвинуть, воцарить и объявить на весь мир мессией. Тогда мне стало понятно, почему так свободно уничтожают всё священное и тех, кто исповедует Христа. Мне стало понятным вступление новой власти, которая обещала людям свободу, а принесла гонение на личность человека и его веры во Христа и в Бога. Знать, диавол чрез духовных служителей хочет взять под свою власть Церковь, сесть в Ней и править церковными делами. Таким образом, вместо престола Христа, будет престол сатаны. И всех верующих, под обманом ложного благочестия, заставят поклоняться духу лжи, а затем самому сатане.

Пришёл я в алтарь пономарить, а Ванюши нет. Служба отошла, а Ванюши всё нет. День нет, два нет и неделю нет. Знать, забрали его в ГПУ, а оттуда выхода не было никому. По-

думал я и о себе, видно, и моя очередь подходит. Мои старцы стали утешать меня, что не надо бояться тюрьмы, что это наше очищение души²⁷, что через тюрьму мы становимся ближе к Господу. И если заберут, то не думай, что там тебе говорить, сам Дух Святой даст мысль, что надо говорить.

Стал я ещё усерднее молиться, дал обет, после службы каждый день ходить на Смоленское кладбище, где в часовне похоронены Ксения-блаженная²⁸ и блаженная Анна-княгиня.²⁹ Там была могила сорока мучеников. Это были священники, которых в 1932 году закопали живыми. В тот год коммунисты с комсомольцами объявили по городу Варфоломеевскую ночь³⁰. И до этого каждую ночь «чёрный ворон»³¹ вывозил священни-

²⁷ Судя по всему, у старцев было дореволюционное представление о тюрьме. В царских тюрьмах человека лишали лишь свободы, но не лишали достоинства и многих прав личности. Советские же тюрьмы и концлагеря лишали человека не только свободы, они отнимали права, достоинство, здоровье и жизнь. Женщина, например, превращалась там в наилегчайшую сексуальную добычу как охранника, так и уголовника. Поэтому о. Серафим, позднее познавший на себе советскую систему заключения, и употребляет всё время выражение «выхода оттуда не было».

²⁸ Смоленское кладбище возникло в 1756 г., названное, скорее всего, в честь храма во имя Смоленской иконы Божьей Матери. Возводить его тайно помогала Ксения-блаженная, принявшая на себя подвиг ложного безумия – юродства. Её отличали несокрушимая вера в Бога, дар исцеления и пророчества. Она скончалась в 1803 г. и погребена на этом кладбище. Её могила сразу стала местом паломничества. В 30-е годы 19 в. над её могилой была построена часовенка. В начале 20 в. была возведена новая часовня. Коммунисты устроили в ней мастерскую по ремонту обуви, потом скульптурную мастерскую. В 50-е годы часовню вернули верующим, так как ни одно открываемое здесь предприятие не могло работать: не давала Святая. А в 1987 г. здесь была открыта церковь. Во время празднования 1000-летия Крещения Руси Ксения Петербургская была официально канонизирована и стала первой русской женщиной-юродивой, причисленной к лику святых (См. фото № 2).

²⁹ Местом паломничества на Смоленском кладбище была могила и другой юродивой (княгини) – Анны Ивановны Лашкиной (Лукашёвой) (конец 18 в.), добровольно принявшей, как и Ксения Петербургская, такой образ. Собирая подаяние, она раздавала его людям, получение которого считалось добрым предзнаменованием. Грешникам прочила беды, которые сбывались. Часовенка, возведенная в начале 20 в. над её могилой, была снесена коммунистами.

³⁰ В ночь на 24 августа 1572 г. (день св. Варфоломея) была организована массовая резня в Париже. С тех пор этим словосочетанием пользуются во всём мире для обозначения организации массовых убийств или репрессий.

³¹ Так в народе называли автомобили чекистов, на которых возили арестованных.

ков в тюрьму. Но та ночь была особая ночь в варварском уничтожении священников. В эту ночь машина «чёрный ворон» носилась, не уставая. До утра она набрала по городу сорок священников. Их привезли на Смоленское кладбище. Там выкопали яму, стоя поставили священников в яму и закопали живыми. Земля дышала, когда священники в яме стали задыхаться. Это были сорок петроградских мучеников. Все верующие знали эту могилу, ходили к ней, чествовали сорок мучеников. Но врагу это не в угоду было, стали запрещать подходить к могиле. А кто подходил к ней, тех забирали и сажали в тюрьму³².

Верный своему обету, ходить каждый день к могиле Ксении-блаженной, я приехал после службы в один июньский день на Смоленское кладбище. Пришёл к часовне Ксении-блаженной, помолился, попросил её покровительства, дабы охранила она меня от злых безбожных людей, которые рыскают, как звери, за добычей и похищают жизнь верующего человека. Направился на выход, где по пути, неподалеку от ворот кладбища, и была могила сорока священников.

Встал я возле могилы, чтобы помолиться. Вдруг, возле меня откуда-то взялась старая женщина, схватила меня за рукав и откинула от могилы. Да так сильно оттолкнула, что я оказался метров за десять от могилы. «Вас фотографируют», - сказала старушка и исчезла, как в воздухе рассеялась. В кустах действительно стоял молодой человек и смотрел на меня. Между могил, одна - за одну, я спешно вышел с кладбища.

³² Здесь описано реальное событие. 40 питерских священников, диаконов, монахов коммунисты сбросили живыми в яму и засыпали землёй. В течение трёх дней из могилы доносились стоны, и земля шевелилась. О сорока мучениках знал весь город. Советская власть делала всё, чтобы о них поскорее забыли. Кладбище подверглось разорению. Некоторые захоронения перенесли на новое место, но большую часть могил уничтожили. На месте часовни блаженной Анны построили заводской корпус, а на месте захоронения сорока мучеников устроили площадку для техники (См. фото № 3).

В июле я опять пошёл к могиле Ксении-блаженной. Заметил, что за мной идут молодой человек и молодая гражданочка. Я замедлил ход, думая, что они идут на кладбище сами по себе. Но они тоже пошли тише и меня не обгоняют. Тогда я ускорил ход, они тоже ускорили шаги, чтобы не потерять меня из виду. Я понял, что это они меня выслеживают и хотят забрать. Я не стал заходить в часовню и обошёл её. Они тоже пошли вокруг часовни. Я пошёл по аллее вдоль кладбища, они – за мной. Я свернул на другую аллею, где была похоронена знакомая девица Антонида. Она была большая подвижница и умерла в подвигах с глубокой верой во Христа. Те двое всё также следуют за мной. Мне стало ясно, что они охотятся за мной, как волк за ягнёнком.

Подошёл к могиле Антонида, сел на лавочку. Они тоже подошли и сели рядом, стали спрашивать меня, кто тут похоронен. Я ответил, что здесь похоронена моя сестра, с которой мы жили вдвоём, она умерла, а я остался. Вот и скучаю, всегда хожу к ней на могилу. «Да мы видим, что Вы здесь часто здесь ходите», – сказали они.

Это были агенты ГПУ, они спросили мой паспорт. Я подал его гражданке, а она передала своему напарнику. Он стал листать паспорт и что-то там разглядывать, она со мной разговаривает. Я отвечал ей, что Бог на ум положит. Потом он подал ей паспорт, она – мне, и говорит: «Вы нас извините, мы думали, что Вы монах и хотели Вас забрать. Но мы видим, что Вы не монах». Поднялись и пошли прочь от могилы, оглядываясь и извиняясь.

Это было чудо, случившееся по молитве и ходатайству рабы Божией Антонида и Ксении-блаженной. Я сохранён в целости и невредимости. Тогда я не был монахом, а только послушником. Но ведь власть никого из служителей церкви не

щадила, всех забирали в тюрьму. Все тюрьмы были забиты духовенством и верующими людьми. Это были тяжёлые времена для верующих.

Монастыри закрывали, церкви ломали, святыми иконами топили бани, священнические облачения резали и шили из них рукавицы для чернорабочих. Монахов вывозили по тюрьмам на бесплатную* самую тяжёлую работу. От такого свирепства большевиков страшно было жить. Ночевать духовному лицу где-либо в помещении было опасно. Если ночлежника из духовных застанут в комнате, то забирали и его, и хозяина, принявшего на ночлег. Без суда давали десять лет лагерей.

С Божией милостью и руководством Ангела-хранителя, я ночевал в лесу, дабы из-за меня хозяева не пострадали. В великое гонение на религию и её служителей мне помог Бог. Я был спасён от преследования, поступил работать на хлебозавод, стал жить в общежитии. Но в общежитии была такая большая вшивость, что я посчитал, что лучше всё-таки ночевать в лесу.

Жил в лесу, как пустынный клал по ночам до 1200 поклонов, всегда читал неусыпающую Иисусову молитву и другие молитвы. По попущению Божию, враг стал наводить на меня страхи. Враг хотел, чтобы я покинул лес и не находил там спасения.

Как-то поздно вечером я возвращался из церкви на своё место в лес. Вдруг вижу, вдоль дороги летают папиросы с огнём. Я стал читать молитвы и продолжал идти, их не стало. В другой раз, сижу я под сосной, читаю Иисусову молитву, слышу неподалеку позади меня громко плачет ребёнок. Пришла мне мысль, что какая-нибудь девушка подкинула младенца в лес. Пойду, возьму его и снесу в милицию, его определят в дом малюток, я сохраню ему жизнь. Пошёл искать. Ночь была очень тёмная. Я ползал по траве, ощупывал все кустики и траву там,

где плакал младенец. Но стояла полная тишина. Я вернулся туда, где раньше сидел, и углубился в Иисусову молитву. Младенец опять стал громко плакать, но плакал уже в другом месте. Тогда я понял, что это искушение от диавола. Чтобы я не молился, он хотел завести меня куда-нибудь на погубление. Тогда я сказал: «Нет, враг! Ты наводишь на меня соблазн, ибо маленькие младенцы по лесу не бегают».

В другой раз, день был тёплый и солнечный. Я сел в лесу на пенёчек, грелся и читал книгу о житии Марии Египетской. Слышу, шаги возле меня, взглянул, а это большой кот передо мною вышагивает. Сначала я подумал, что это настоящий кот - домашний или дикий, но у него глаза сверкали, как огненные. Стало мне жутко, у меня волосы на голове зашевелились! Меня пробрал сперва жар, а потом мороз. Тогда я понял, что такой страх наводит только диавол, когда он кому-либо является. Я стал читать молитву «Да воскреснет Бог...». И кот тут же на глазах исчез, как туман рассеялся.

Был большой праздник. По обычаю, на своё лесное пребывание я возвращался поздно из церкви. От луны было светло, идти было хорошо, и всю дорогу я пел молитвы. Мне надо было пройти через луга и перейти маленькую речку, через которую были перекинута две жердинки. Когда я стал подходить к речке, вижу, по ту сторону среди куста стоит натуральный демон - тёмный, кучерявый, с маленькими рожками и ушками, зубы белые, а глаза сверкают, как пламя огня.

Я сразу застыл, по мне пробежал сначала ужасный жар, потом холод. Стою и смотрю на него, а он смотрит на меня. Минуту – две так стоим. Я едва пришёл в память и из молитв смог вспомнить только «Богородице Дево, радуйся...». Стал её читать, а демон стоит. Читаю раз – другой, он стоит. Читаю в третий раз. И только прочитал до половины молитвы, демон

провалился в землю. При этом был сильный шум, как будто бурный ветер прошёл.

Бог послал мне укрепление и бодрость. Кто любит Бога и читает молитвы, то тогда бес безсилен* и не может сделать никакого зла. С упованием на Бога и его Пречистую Матерь пошёл я далее. Перешёл речку по жердинкам и подошёл к кусту, где демон стоял. Мне казалось, что там должна быть пропасть, в которую тот провалился. Раздвинул я ветки куста, опустился на коленки и стал разглядывать, но там ничего не было, всё было целое, и даже и трава не помята. Тогда я понял, что демон это, злой дух. Пошёл я далее на своё место в лесу, положил обычные поклоны, прочитал молитвы и немного соснул. Тогда сон у меня был не более двух-трёх часов.

В одно прекрасное утро, на восходе солнца, пошёл я в церковь на своё послушание. Дорога у меня была одна – через речку. И только я перешёл речку, прошёл немного лугами, вижу, по лесу бежит много солдат – целый полк. Все они бегут внаклонку, голов у них не видать. Я остановился, думаю, пусть они пробегут, тогда и я пойду. Было странно, что они делают манёвры и проводят учёбу так рано. В тот же миг предо мной появился целый полк лошадей, военные повскакивали на лошадей и поскакали далее.

А я всё не мог понять, что это бы значило? Пошёл вслед за ними, вижу, что у лошадей и всадников нет голов, а только одно туловище. Смутился я, не искушение ли это? Посмотрел на дорогу, следы от копыт есть, они идут впереди меня. И стал я читать молитву «Отче наш...». Не успел её закончить, как перед моими глазами появился клуб тумана. Туман окружил лошадей с всадниками, потом рассеялся, и никого не стало – ни лошадей, ни военных. Остановился, чтобы подробнее рассмотреть, куда же они делись? Увидел, что там, где они шли, были отпечатки

копыт, где они исчезли в тумане, следов уже не было. Я понял, что попущением Божиим, это было диавольское наваждение. Утром диавол лукав, всегда является, дабы навести страх или какую-либо кознь. Но Бог Всесилен и Всемогуш, Он не допускает вредить Своим чадам. Он допускает действие сатаны в той мере, в какой человек может вынести их без всякого труда. Этим Господь испытывает и вырабатывает в человеке силу борьбы против злых духов³³.

Были у меня две знакомые очень верующие девицы. По чувству веры, они дали обет жить вместе и не выходить замуж. Они всегда ко мне подходили, просили молитв, подавали милостыню. Клавдия пожелала взять меня на свою родину в деревню, дабы я там отдохнул и пожил в ихнем родительском доме. Она хотела, чтобы ради служащего в церкви монашенка Бог благословил всё ихнее домашнее, хотела, чтобы через благодать Господа у них в доме всё было благополучно.

Поместили меня в деревенском амбаре, там у меня была кроватка и столик, на столике – иконки с лампадой. После вечерней молитвы прилёг я на кровать. Не успел хорошо расположиться ко сну, как вижу, у ног моей кровати стоит демон – весь кучерявый, с небольшими рожками, зубы белые и ужасные сверкающие огненные глаза. Стоит он и смотрит на меня. Уви-

³³ Эта мысль развита Афонским старцем Паисием Святогорцем. Он считал, что без искушений спастись невозможно. Бог позволяет диаволу делать зло, чтобы человек боролся. Ведь «не тёрши, не мявши, не будет и калача». Бог попускает ему уязвлять нас своей злобой. Ведь, нанося нам удары, диавол выбивает весь сор из нашей пропылённой души, и она становится чище. И поэтому Бог позволяет ему набрасываться и кусать нас, чтобы мы прибегали к Нему за помощью. Бог зовёт нас к Себе постоянно, но обычно мы удаляемся от Него и вновь прибегаем к Нему, только когда подвергаемся опасности. Когда человек соединится с Богом, то лукавому некуда втиснуться. Бог позволяет лукавому искушать нас, чтобы таким образом мы сдавали экзамены на поступление в иную жизнь и при Втором Христовом Пришествии. Пока человек жив, у него есть право на сдачу духовных экзаменов. Если же человек умрёт и получит двойку, то из списка экзаменуемых он отчисляется. Пересдачи уже не бывает. Так считал Паисий Святогорец.

дя ужасного демона, я весь замер, всё у меня отнялось, не могу двигать ни руками, ни ногами. Молча смотрим друг на друга. Я не мог даже ворочать языком, но сознание у меня осталось, знаю, что надо читать молитвы. Но какую? Все молитвы у меня вышли из памяти. Хоть какую-нибудь бы вспомнить! Вдруг, как будто кто подсказал: «Говори: Во имя Отца и Сына и Святаго духа». С трудом я сказал: «Во имя Отца», – и призрак тут же исчез с большим шумом. Казалось, что провалился пол, и образовалась большая пропасть.

Я стал приходить в чувство, поднялся, подошёл к ногам кровати, смотрю, пол – цел. Тогда опустился на колени перед иконами и стал молиться, просить Бога, чтобы враг не имел надо мной никакой силы, благодарил Господа за милосердие, за победу над врагом.

После полуночи мне надо было выйти на двор. Вижу, вдоль стенки дома крадёт большая собака. В недоумении я остановился. Собака прошла мимо меня, дошла до двери сенок и пролезла в окошечко, которое было там для прохода куриц. Я удивился! Как большая собака могла пройти через такое маленькое окошечко? Сразу понял, что это – нечистая сила! Я поспешил за нею. Собака, не открывая двери, вошла в дом. Я – за нею. Все спали. Видя, что я вошёл в дом, собака взглянула на меня огненными глазами, вошла в печку и полезла в трубу. Труба была узкая, а собака очень большая. Когда она лезла по трубе, труба трещала, как бы раздавалась.

Утром я спросил хозяев, слышали ли они чего-либо ночью, но все сказали, что ничего не слышали. Тогда я понял, что в их доме жили нечистые духи, поэтому, наверное, меня и пригласила Клавдия погостить к ним в деревню. Но бесам моё присутствие было невмочь, вот они в виде собаки и удалились чрез трубу, покинули это место. После этого хозяева жили хорошо, и

всё у них было благополучно. Видя моё смирение и трудную жизнь, которую я направил ради Господа, Бог по своему милосердию всегда исполнял моё прошение и избавлял от дьявольского наваждения. Я всегда молился: «Господи, дай мне силу на победу дьявола, чтобы он не имел власти меня искусить на греховные дела, ради спасения души, и быть наследником Царствия Небесного».

Я с раннего возраста дал обет жить в чистоте, никогда не связывать себя семейной жизнью, полностью посвятить себя служению Богу и святой Церкви.

Тридцатые годы были очень тяжёлыми для верующих, монахов хватало, как волки хватают барашек. Я жил в лесу в том месте, где раньше был женский монастырь, доезжал туда на трамвае. Там был святой ключ, вода в нём была целительная. С этого ключа власти брали воду и продавали в магазинах как питьевую и лекарственную. По местности она называлась «Полюстровской»³⁴. Военные сделали рядом пороховые склады, и место стало называться «Пороховым».

Это место было чудесным по природе – луга, речка, большой сосновый лес. Среди болота был небольшой островок, пройти туда было трудно, а ночью совсем невозможно. На островочке росли ёлки. А одна ёлка была в три ствола, её ветки склонились до земли. Смотрю я на неё, а она как бы говорит

³⁴ «Полюстровская» – слабоминерализованная вода источника, открытого в 1718 г. в окрестностях Санкт-Петербурга близ деревни Полюстрово. В то время эта местность называлась Казачьей Слободой. Её жители, издавна употреблявшие эту воду «как обыкновенную», отличались здоровьем, цветущим видом и долголетием. Полюстрово стало излюбленным местом летнего отдыха жителей Петербурга. Расцвет этого селения пришёлся на 1855–1860-е гг. В 1886 г. впервые в России минеральную воду стали разливать в бутылки и продавать в аптеках и на экспорт. Вода называлась «Полюстрово». В годы революции и Гражданской войны источник был замусорен. Позднее (в 1938 г.) был начат промышленный выпуск минеральной воды «Полюстрово».

мне: «Вот и делай тут шалаш, никто его не увидит». Так я и сделал, окружил склоненные ветки ветками, пол выстелил мхом и травой. Такая у меня получилась келья, даже радостно стало! Стоять в моей келье было нельзя, только — на коленях.

Принёс маленькую иконку, со мною был молитвенник и Евангелие. Приходил вечером, заходил в свой шалаш и читал молитвы, если было светло, а когда становилось темно, клал по 1200 и более поклонов. Была духовная радость оттого, что с всепремудростью Божией я живу в пустыне. Утром ходил в старое подворье пономарить, а ночью — в свою пустыньку.

Тогда я строго держал обет — на неделе кушать только по вторникам, четвергам, субботам и воскресениям, да и то всего один раз в день. По понедельникам, средам и пятницам держал совершенно строгий пост, даже не пил воды. Радовалась моя душа! Мне казалось, что я не на земле живу, а где-то в другом мире с Небесными духами. Хотя диавол много творил страхования, но когда я стал жить великим постом, враг не мог являться и творить мне козни.

Пришла мне мысль, что можно жить и совсем не емши, что нашей плоти достаточно пищи духовной, что в единении со святыми ангелами надо трудиться в молитвах, угождать Единому Богу, не сквернить себя плотскими пожеланиями, которые и приходили наваждением диавола.

Решил я усилить подвиг и пост, постепенно приучал себя есть через день, потом — через два, потом — через три, а потом — в неделю один раз. И чтобы не нарушать обет, решил оставить церковь и пономарство, чтобы не встречаться с людьми.

Испытание, посланное Богом – высший подвиг

У послушника Симеона появилась мысль, совершить высший подвиг - жить в лесу и не ходить к людям в город за хлебом. Я поселился среди леса в своём шалашике на островочке, стал пребывать в молитвах, коленопреклонении и посте. Без еды пожил неделю, организм стал слабеть, но я всё же не хотел нарушить своё желание совершать подвиги. Наступила вторая неделя, я ничего не принимал из еды, да и ничего у меня не было в запасе, я ничего не взял с собою. Из лесных растений тоже ничего не было.

Ноги плохо держали, поклоны класть стал не в силах, голова кружилась, если поклонюсь, встать не могу. Настало утро понедельника, ноги мои не ходят, так как уже две недели я ничего не ел. И говорю себе, если я умру здесь голодом, то такая смерть, как святые отцы пишут, равняется самоубийству. Это страшно! – Быть столь на подвигах и стать самоубийцей. Надо идти в город в своё подворье, попросить прощения и пищи.

Утром рано, помолившись, с трудом пошёл к трамваю. Но ноги мои – слабые, шагов десять пройду и сяду отдохнуть, а подняться не могу. Тогда я не стал садиться на отдых, лишь облокочусь на дерево, отдыхаю, потом опять пройду немного. От моей пустыньки до лугов километров полтора, а я их шёл, наверное, часа три – четыре. С трудом дошёл до лугов, а далее вдоль них надо было идти тропинкой.

Пройдя метров 100–150 по тропинке, увидел на её краю кусок хлеба. Я остановился, не веря себе, взаправду это хлеб, или просто искушение? Перекрестил хлеб, он не исчез, прочитал молитву «Да, воскреснет Бог...», – опять не исчезает. Взял я хлеб в руки, прочитал «Отче наш...». Да, это хлеб! Но как же он тут оказался? Кто-нибудь, наверное, шёл по тропинке и обронил его? Нет! Людей здесь и близко нет, тут никто не ходит, и

обронить хлеб некому. Перекрестил хлеб ещё раз, сел на траву и стал есть.

Когда съел хлеб, стал чувствовать себя вполне крепким и сытым, подошёл к речке, попил воды. И думаю себе, а зачем мне идти в город? Я сыт, чувствую себя крепко, нет, надо идти обратно в пустыньку к своему шалашу и молиться. Пришёл в шалаш, положил поклоны, прочитал молитвы.

Но мысль меня не покидала, откуда взялся хлеб? Да это промысел Божий! Значит, Богу не угодно, чтобы я пошёл в город за хлебом. Так и будет воля Твоя, Господи, по Твоей воле я буду жить в пустыне, только бы мне умереть с голоду. На следующий день я не пошёл в город за хлебом, был в силах нести пост, решил остаться в пустыне. На третий день после молитвы опять почувствовал большую слабость, пошёл своей обычной дорогой к трамваю, чтобы поехать в город за хлебом. Подойдя к тому месту, где позавчера нашёл хлеб, я увидел такой же кусок хлеба на том же самом месте.

Тут я чувствовал себя уже смелее, прочитал молитвы, перекрестил, сел возле хлеба, поднял его и стал кушать. Покушал, положил сорок поклонов, пошёл к речке, попил воды и вернулся в свою пустыньку. На следующий день после молитвы я смело пошёл к тому месту, где находил хлеб. И действительно, хлеб лежал на том же самом месте. Я помолился, перекрестил его и стал кушать. Как и вчера, положил сорок поклонов и пошёл в свою пустынь. Я уже привык, крепко надеясь, что хлеб будет на том же месте. Так всегда и было. В духовной радости, что кто-то всё теряет хлеб на одном и том же месте, благодарил Господа, благодарил и того, кто терял хлеб. Ежедневно после молитвы я приходил, и всегда там был хлеб. Так я прожил 12 дней в полной уверенности, что для меня хлеб будет всегда на этом месте. Приходил сюда каждый день, как на духовную трапезу.

Пришёл в очередной раз, совершил молитву, сел, взял хлеб, кушаю. Вдруг вижу, что с той стороны, с какой я хожу, идёт мальчик лет 10-12. Мальчик очень худенький, штанишки у него холстовые, рубашка такая же, волосы блондинные. Наклонил он голову так, что мне невозможно было хорошо рассмотреть его лицо, подошёл ко мне и говорит: «Дяденька, у Вас не будет кусаночка хлеба. Я так хочу есть». Но, к сожалению, у меня в то время был в руке лишь маленький кусаночек, его только на один раз положить в рот. Я развёл руками и сказал: «Нет». Мальчик поник головой и пошёл дальше. Прошёл от меня шагов семь-десять, а мне стало жалко его. Он такой голодень, а я не догадался отдать ему оставшийся кусаночек, чтобы он хоть этим утолил свой голод. И тут в ужасе вижу, на моих глазах мальчика окружило облако, потом оно развеялось, и не стало ни облака, ни мальчика. Держа маленький кусаночек хлеба, я поднялся и пошёл посмотреть, куда же делся мальчик, хотел дать ему хотя бы на раз вкусить. Но, увы, мальчика нигде не было. Я думал, может, он упал в траву, но и в траве его нет. Стало мне страшно, жутко и жалко мальчика и обидно за себя, что я такой нерадивый, не отдал хоть крошку несчастному, такому же, как я сам.

На том месте, где мальчика не стало, стал я плакать. Я понял, что Господь, дабы избавить меня от мира, посылал для утоления моего голода Небесный хлеб. Им я питался целых 12 дней. Это ангелы приносили мне хлеб на каждый день. Но Бог послал мне испытание, проверить мой духовный разум, мою твёрдость. Он послал ангела в виде голодного мальчика, спросить хлеба, но, зная, не было у меня столь духовного понимания, и рано ещё посылать такому помощь свыше. После такого испытания я был в великой печали за своё неразумие и сказал себе, в дальнейшем буду умней, буду догадываться, что надо

делиться даже и последним. С горечью пошёл в свою пустыньку, стал молиться, прошла ночь. После утренней молитвы, по обычаю, пошёл к тому месту, где всегда поднимал с травки хлеб. Но, увы, хлеба не было. Посмотрел вокруг, прошёл шага три взад-вперёд, приглядывался на то место, где всегда был хлеб. Но его не было. Помолился, но хлеба нет! Тогда я сказал себе, Бог посылал мне Небесный хлеб, но я не поделился с ангелом. Бог и отнял у меня хлеб, ибо я не достоин питаться Небесным хлебом.

Несколько дней я приходил к тому месту, где всегда был хлеб, но его нет и нет. Я нёс пост ещё семь дней, но сил моих не стало. Всё же я был вынужден поехать в город за хлебом. Прибыл на своё подворье, там меня потеряли, думали, что я арестован и забран чекистами в ГПУ. Когда я рассказал духовникам про всё бывшее со мной, они бранили меня за то, что я ушёл без благословения и потому был духовно слаб. Бог всё сделал, чтобы ты был в миру среди народа и молился за всех, кто даёт тебе милостыню. А питание от ангела получают только совершенные монахи, многие годы живущие в пустыне и победившие все козни диавола. Подвизайся, и Бог будет тебе Помощник. О всём воздай хвалу Богу!

И духовники дали благословение не ходить в пустынь, а пономарить в алтаре. Это хорошо! Но в церкви нельзя ночевать, а у верующих чекисты проверяли квартиры через своих агентов. Тогда и ночлежник, и хозяин получали 10 лет концлагеря. Вот и пришлось днём пономарить в церкви, а ночевать - в лесу. Одно было утешение, что ранее подвижники тоже несли гонения от язычников и козней диавола.

Но от диавола можно избавиться крестом. А от человека, в котором живёт диавол, ничем не отобьёшься, кроме заступления Господа и силою Святого Духа.

В нашем подворье не осталось никого из монахов, не осталось священников, не осталось архиереев. Все они были арестованы и посланы в ссылку. Этому много содействовало духовенство, служившее под митрополитом Сергием. Впоследствии так и названные «сергиевцами». А те, кто держал сторону митрополита Иосифа, звались «иосифовцами». Верные слуги для ГПУ были обновленцы, предводимые митрополитом Введенским.³⁵ Все эти деления пособствовали разорению Церкви и падению её строя.

Чтобы мне сохраниться, я всегда быстро убирался в алтарь и чёрным ходом удалялся в своё место в лес. Я всегда просил покровительства Царицы Небесной, так как у нас в храме была чудотворная икона Иверской Божьей Матери. Перед нею я всегда клал три поклона и уходил на свою пристань - тихую пустыньку, там был мне покой и в тиши горячая молитва.

На праздник Благовещения Пресвятой Богородицы во время всенощной службы за мной приехали чекисты ГПУ. Они вызвали меня из алтаря и увезли в енгельсский³⁶ дом, посадили

³⁵ Обновленцы – сторонники движения в Русской Православной церкви, которое оформилось после большевистского переворота 1917 г. Они выступали за «обновление» церкви и модернизацию религиозного культа. Боролись против руководства официальной Церкви, поддерживали советскую власть и выполняли её волю. Через них коммунисты пытались контролировать дела Церкви. В 1943-46 гг. самоликвидировались, поскольку в то тяжелое военное время советское государство перестало преследовать Церковь (разрешено избрать патриарха, открывались духовные учебные заведения и пр.). Но дух «обновленчества» в Русской Православной церкви оставался, как минимум, все годы советской власти.

³⁶ В 1941 г. из наркомата внутренних дел (НКВД) выделился отдельный наркомат государственной безопасности (НГБ). В 1943 г. произошло переименование советского правительства. Вместо Совета народных комиссаров (Совнаркома) оно стало называться Советом министров. Наркоматы переименованы в министерства. НГБ было переименовано в МГБ (министерство государственной безопасности). В 1953 г. статус министерства у госбезопасности отняли и стали именовать Комитетом государственной безопасности при Совете Министров СССР (КГБ). Считалось, что снижение статуса уже больше не позволит «чекистам» быть доминирующими во власти. Но уже в 1972 г. приставка «при Совмине СССР» «отпала», и КГБ фактически вновь поднялся над всеми государственными и частично партийными органами. Закономерно, что его председатель Ю.В. Андропов стал в 1982 г. Генеральным секретарём

в камеру. Сижу я и думаю: «Ведь ещё идёт служба, восхваляют Матерь Божию, а меня нет на службе», печально мне стало и грустно. Но успокаивал себя тем, что все наши послушники в тюрьме, а чем я лучше их? Знать, так угодно Богу! А раз это случилось в день Благовещения, то Матерь Божия и выведет меня. Так и совершилось, подержали меня до утра, утром вызывают и говорят: «Распишись и иди куда хочешь».

Какая была радость в душе! Иду по улице, радуюсь и плачу, и молю Царицу Небесную Матерь Божию: «Сегодня воспоминание праздника явления ангела к Тебе о зачатии Сына Божьего, нашего Спасителя. И тот же ангел пришёл ко мне в камеру и вывел меня из неё. Господь положил на сердце начальнику выпустить меня. А ведь отсюда никто не выходил, все сидят в заключении. Знать, такое благоволение Божие и Твоё ходатайство, Царица Небесная. Знать, ещё рано по моей слабости испивать сию чашу».

По милосердию Божию и внушением Святаго Духа, подходит ко мне старушка и говорит: «Сынок, я вижу, что тебе негде ночевать. Я попросила одну одинокую бабушку, чтобы она тебя приняла к себе». Я ответил, что у меня есть, где ночевать. Я всегда помнил, что из-за преследования чекистов было опасно ходить к кому-то на ночлег. Но бабушка настойчиво говорит: «Нет, сынок. Я вижу, что тебе негде ночевать, а сейчас холодно, пойдём, я приведу тебя. Она - добрая старушка, верующая, хотя и не нашей веры, лютеранской. О тебе я ей говорила, она согласна тебя принять».

Пошли мы к бабушке Христине. Та сразу сказала: «Пусть у меня живёт, я рада принять Божьего человека и дать приют ради спасения. Ведь мы грешные, а ради таких людей Господь нас помилует».

Стало мне легче жить, но одолевала забота, вдруг кто-нибудь донесёт в ГПУ. Тогда и меня заберут, и мою бабушку добрую Христину, она может пострадать из-за меня. Бабушка Христина меня успокаивала: «Не беспокойся*, сынок, я стара, мне всё равно, смерть моя близка. Хоть пострадать ради того, что я тебя приняла, зато Господь, может, примет меня в Своё Царствие Небесное». Так и жили, день - в церкви, а на ночь я приходил к бабушке Христине.

Но, чтобы Бог сберёг, надо и самим быть бережней, всегда начеку. Бабушка Христина мне и говорит: «Сыночек, бережёного и Бог бережёт. Вот что я придумала, если кто к нам постучит, то ты становись в шифоньер. Не надо, чтобы тебя здесь кто-то видел, меньше будет соблазна». «А если заглянут в шифоньер и меня там обнаружат, - возразил я ей. - Тогда будет беда, и отговориться нечем, раз прячете монахов». Я подумал, а что если освободить в шифоньере ящики для белья, тогда не догадаются, что там может спрятаться человек. И, правда, выбрали бельё, попробовал я залезть, получилось, но ящик не закрывался. Тогда надумали во втором ящике выбрать дно, получилось очень хорошо, ящик закрывался, и несколько незаметно было, что там человек.

Так и стали делать. Как кто-либо постучит в дверь, я сразу забирался в ящик шифоньера. Выйдут, я вылезаю из него. По вечерам мы всегда читали Священное Писание и наставления Святых Отцов. Это просветило бабушку Христину в познании справедливости Православной Церкви. Она поняла, что Православная вера выше всех других вер, и пожелала перейти в Православную Церковь. Вместе с Христиной молились, вместе скорбили, вместе переживали, всё было едино в любви ко Христу и Ему служению.

Агенты ГПУ не дремали, день и ночь рыскали за добычей, а для них добыча осталась только в нашем подворье в виде маленького монашонка Сени. Но забрать его из алтаря они не могли, так как сила Божия этого не допускала, Царица Небесная, икона Иверской Божьей Матери охраняла. Посылали к бабушке на квартиру дознаться, правда или нет, что у неё какой-то монашонок живёт. Но в этом они не могли удостовериться, так как я сидел в ящике шифоньера. Стали следить за мною, чтобы забрать меня на улице, но и этого не могли достигнуть, ибо я всегда ходил разными дорогами. Иногда приходилось приходиться на квартиру к бабушке Христине в два часа ночи. Чтобы не подавать звонка, был уговор, стучать в стенку на лестнице три раза. И так с Божией помощью и покровительством Царицы Небесной прожил я у бабушки Христины три года.

В день великого праздника Вознесения Господня агенту ГПУ было наказание во что бы то ни стало привести монашонка. Шла всенощная, я прислуживал в алтаре, всё казалось тихо и хорошо. Но по окончании службы вижу, стоит у дверей храма молодой человек лет 27 в бобриковом гражданском пальто. Все молящиеся вышли, молодой человек не выходит, стоит и зорко следит за мной, как я в алтаре убираюсь. Я понял, что что-то неладное, и стал медлить с уборкой. Свечница тоже не уходит, копошится со своими свечами. Уборщица вымыла почти весь пол, но молодой человек всё стоит. Ко мне подошла сторожиха и говорит: «Сеня, этот молодой человек следит за тобой. Иди через чёрный ход, жалко, вдруг тебя заберут. Ведь ты уже только один и остался». Я ответил: «Нет, я не пойду чёрным ходом. Это получится, что я виновен и скрываюсь. Я пойду прямо на него, чтобы показать, что я не преступник. А если придётся пострадать, то все наши братья уже там страдают. А я чем лучше их?».

Прибрал в алтаре, положил три поклона Престолу, положил три поклона Спасителю, три поклона Матери Божией, вышел к середине церкви, где в хорошем киоте стояла икона Иверской Божьей Матери, положил и тут три поклона, приложился к иконе и сказал: «Матерь Божия, да будет воля Сына Твоего! Если угодно, спаси меня от этого волка, что следит за мною и хочет меня похитить, чтобы я не ухаживал в Твоём святом храме. Царица Небесная, спасай меня!».

Время было уже 2 часа ночи. Пошёл я на выход чрез главную дверь храма, молодой человек поспешно пошёл за мною. И только я сошёл со ступенек крыльца притвора храма, молодой человек протянул к моему уху пистолет и говорит: «Вправо, влево, не оглядываться, следуй прямо по команде». Вёл он меня от храма по улице Большой Спасской, держа наган в протянутой руке у моей головы. Идём, прошли метров сто, поравнялись с деревянным двухэтажным домом. Парадная у него была открыта настежь, свет на лестнице горел очень яркий. Только мы сравнялись с парадной дома, как мгновенно подул ураганный ветер. От силы ветра конвоир прикрыл глаза. В ту же секунду силой ветра меня забросило в парадную дома и закинуло за дверь. Конвоир открыл глаза, а меня перед ним не оказалось. Он бросился бегом в парадную, а меня другой волной ветра выбросило через дорогу за мусорный ящик. Конвоир перебежал дорогу и вбежал в парадную другого дома. Силою Духа Святаго мне слышится: «Беги через огород». Я перескочил заплот и пошёл огородами по окраинам и пешью вышел к Невскому, где жила бабушка Христина.

Постучался, бабушка отворила. Она была вся в великом волнении и в слезах, говорит: «Я уж думала, что тебя забрали. Сейчас четыре часа ночи, а тебя всё нет и нет. Плакала я и молилась, горевала, что был один сыночек на моё духовное уте-

шение, и того лишилась. Но, слава Богу, ты пришёл». Я рассказал, что было со мною. Она говорит: «Больше не ходи в церковь, а то всё равно тебя заберут, ведь берёженого и Бог бережёт. Что поделать? Раз Бог послал нам такое время безбожия! Знать, народ этого заслуживает».

Но я подумал, что же мне бояться тюрьмы, ведь все там очищаются? А я чем лучше всех? Да будет воля Божия, буду до последнего ездить в церковь, страдать за Христа, и это хорошо, ведь мы не вечные. До нас мученики страдали и не боялись мучений. Ради вечной жизни, ради очищения они понесли муки. И я не должен избегать, если Богу будет угодно уготовать мне вечную жизнь в раю.

Сидим мы с бабушкой вдвоём, горюем, что каждая минута готовит нам крест и Голгофу. Тогда Христина говорит: «Сынок, что я надумала, ведь ты так похож на девочку. А что если ты нарядишься девочкой? Ведь в церкви тебя не берут, а на улице тебя не узнают, вот и будет тебе Божия помощь на сохранение. Ведь Бог говорит: «Будьте мудры, как змеи. Избегать напрасного, нет греха». А, правда, давай попробуем, - согласился я. - Я наряжусь, а ты посмотришь, можно ли отличить, девушка я или мальчик? Христина дала мне свои боты, пальто с шалевым воротником из котика и повязала шаль. Сказала, что на девочку я похож, надо только немного брови подкрасить и губы, так и сделали. Ну, вот, теперь точно – девушка!

Так я стал наряжаться девушкой и ездить в храм на своё послушание. Приду в пономарку, сниму всё женское одеяние, захожу в алтарь и пономарю. После службы одеваюсь во всё женское и еду домой на квартиру к бабушке Христине. Она и рада была, что Бог умудрил ради моего спасения.

Но враг не дремлет, везде подсылает человека для делания беды и каверзы, чтобы не было спокойствия. Однажды, еду

я в трамвае на службу, ко мне пристал один гражданин со своим объяснением в знакомстве. Говорил, что я ему нравлюсь, что он хочет провожать меня, что он возьмёт меня замуж. Чтобы отвязаться от такой беды и искушения, я вышел из трамвая, он - за мною, мне некуда деваться. Бросился я тогда между двумя идущими трамваями, не боясь быть зарезанным ими. Пока трамваи расходились, мне удалось скрыться переулками. Так Бог не допустил погубить Своё создание от наваждения врага. Осень и зиму проходил я в наряде девушки, и Бог хранил меня, стало спокойнее от преследования.

Но меня всё же тянуло в более тихую пристань, мне хотелось удаления в пустынную жизнь. Настала весна 1939 года. Летнее солнце ласкает человека своими тёплыми лучами. Стал я опять удаляться в своё место, где и ранее находился в лесу, где воздавал молитвы Богу, где подвизался в ночных коленопреклонениях, где неделями держал пост, где питался ангельским хлебом, тут веяло благодатным Духом. Христос сказал: «Не одним хлебом будете живы, но и Духом Святым, Исходящим в тихой пустыньке от Святых книг».

От ненастной погоды поселился в своём шалаше, где много трудился. И только луна и звёзды были свидетелями подвигов, совершаемых маленьким монашонком. Утром и вечером всегда был в церкви. Три раза приезжали за мною, чтобы забрать и посадить в тюрьму. Но по силе Божией у них ум отнимался, и они не помнили, зачем приезжали, а когда приезжали к себе, их спрашивали: «Ну, как, привезли монашонка?». «Нет, — отвечали те. А почему — не знаем». «Его там нет?» — спрашивали их. «Нет, он там. Он помогает отцу Павлу в алтаре», — отвечали они. Так оно и было. Приедут, отзовут меня в сторонку, спросят о моём здоровье и уедут. Все мои духовные руководители слёзно молили Бога о такой великой силе и охранении

своих рабов. После очередной попытки увезти меня, больше за мной не приезжали, и по улицам меня не искали. Наступила спокойная жизнь, Бог попускает испытание, но Бог подаёт и ослабления, чтобы не погиб избранник Божий. Бог попускает искушать чад Божиих, как праведного Иова, но Бог и не попускает вредить душе. Тело – от земли, оно и подлежит испытанию, а душа – от Неба, она не должна погибнуть от козней диавола.

Как-то в сентябре пришёл я в свою пустынь поздно вечером, было уже темно, только звёзды сверкали на небесном своде. Был приморозок. Я стоял в шалаше на коленях и молился. Вдруг, ко мне в шалаш врывается круглый клуб красного огня и с шумом начал быстро кружиться вокруг моей головы. Испугался я такого неожиданного видения. Выскочил из шалаша, шалаш загорелся, огонь поднялся высоким столбом, Тут я ещё более пришёл в трепет, ведь здесь неподалёку находятся пороховые склады, там стоит солдатская часть. Они увидят пламя и подумают, что это лес горит, прибегут его тушить и поймают меня, посадят в тюрьму как вредителя, а не верующего молитвенника и монаха. Но по милости Божией огонь стал садиться вниз и потухать, лес не загорелся.

Остался я в одной ситцевой рубашке, пальтушка моя сгорела, куда деваться? Темно, ничего нельзя рассмотреть. С места моего шалаша трудно выходить, так как он стоял на островочке среди болота. Постоял я, постоял, отошёл в сторону, свернулся и лёг под кустик. На траве белый иней, весь дрожу от холода. Тогда расстегнул ворот рубашки, натянул её на голову, дышу внутрь неё, стало теплей, дрожать перестал, а под утро заснул.

Просыпаюсь, уже рассвело, солнце на горизонте, небо от зарева красное. Поднялся я и подошёл к месту, где был шалаш. Смотрю, всё сгорело дотла, было только немного пепла. Но ель, под которой был шалаш, нисколько не опалилась и даже не за-

коптилась, все веточки стоят зелёными и целыми. И понял я, что это был огонь не земной, а Небесный, он спалил только человеческих рук делание. Знать, нельзя мне тут зимовать, как я мечтал. Знать, этим Бог показывает мне выйти из леса на зиму, дабы не погибнуть мне от морозов. Положил немного поклонов, немного себя нагрел и пошёл в своё подворье.

В подворье у меня была духовная мать схимонахиня Гавриила. Ранее она была при императорском дворе нянкой, нянчила княжну Ольгу и князя цесаревича Алексия. В 1917 году в четыре часа утра во дворец ворвалась красная армия³⁷. На шапках наискосок – красная ленточка, на штыках – привязанные красные тряпочки. Кричат: «Ура!». Прикладами стали бить люстры, малахитовые подставки подсвечников, дорогую мебель. Всё гремит от боя прикладов, звенит битый хрусталь. От такого шума обслуга бежала со сна, кто, куда мог. Няня Матрёша и фрейлина Анна вдвоём бегали по длинным коридорам, потом вспомнили, что единственный выход из дворца через каталку – помост со второго этажа в парк. Там дети катались на санках.

Выбежали в парк, куда деваться? Присели за фонтан Сидящего Христа, Которому Мария Магдалина льёт на ноги миро. Оглянулись, ведь они кругом видны, побежали дальше. Забежали в конец парка и залезли в густой куст, просидели в нём до вечера. Так как они были в одних ночных рубашках, то в город не могли пойти. Дошли до ближайшей деревни, попросили деревенскую одежду. Тогда пошли в Петербург, пришли в Новодевичий монастырь, доложились игуменье. Игуменья сразу же надела на них монашескую одежду. Бог миловал их от враже-

³⁷ Правильно – красная гвардия. Красная армия, считается, образовалась в феврале 1918 г. А здесь описываются события февраля 1917 г. Красная гвардия была образована из рабочих и солдат Петрограда в конце февраля 1917 г.

ских рук, которые всё на пути уничтожали. После монастыря императорская нянька Матрона приняла монашество под именем Гавриилы. Была схимницей³⁸, три года ходила по Петербургу зимой и летом босой, несла подвиги за дворцовую жизнь.

Матушка Гавриила и была мне духовной матерью. Она преподавала мне духовное воспитание, руководила моей жизнью для подвигов. Фрейлина Анна впоследствии работала в бухгалтерии, преподавала мне культурное поведение и грамоту. Так я и стал читать, разбираться в грамоте. После массового разорения монастырей в 1932 г. мать Гавриила была приписана к нашему подворью. К ней я всегда обращался с духовными вопросами. Рассказал ей, что произошло со мной в пустыньке. Она сказала: «Больше не ходи. Бог тебя испытывал, а диавол наводил козни. Но Бог никогда не попустит умертвить своих чад. Ты ещё не совершенный и должен жить при подворье и трудиться. Если Господь сподобит тебя пострадать, не приходи в отчаяние. Мы всем миром очищаемся через страдание». Мать Гавриила не благословила меня более удаляться в пустынь.

Пришёл я к своей хозяйке бабушке Христине, с ней мы несли горе и страх от преследования власти. В таком страхе нам с бабушкой приходилось каждый вечер дрожать от трепета, но когда ночь пройдёт благополучно, была большая радость, и мы благодарили Господа.

³⁸ Схимонахиня, или схимница – монахиня, принявшая великую схиму, высшую ступень православного монашества. Схима (греч. σῆμα – образ, внешний вид) разделяется на малую и великую. Чин пострижения в великую схиму напоминает чин пострижения в малую, поскольку произносятся, по сути, те же обеты, но означает более строгое исполнение их, является более глубокой ступенью отречения от мира. Схимникам еще раз меняют имя. При облачении вместо парамана уже надевают аналав, на голову вместо клобука – куколь, покрывающий голову и плечи. Пострижение в схиму, называемое святыми Отцами вторым Крещением, даёт монашествующему особую благодать для подвижничества.

Сновидение

Шёл 1940 год. Кругом духовное разорение. Всё духовенство заточено в тюрьмах. Монашество уничтожено. Святыня попорана и осквернена.

Пришёл я как-то вечером из церкви, поужинали с бабушкой Христиной, немного почитали Священного Писания, и я лёг спать. Мне надо было утром рано встать и ехать в церковь всё готовить к службе. В сонном видении вижу, что ко мне приходит в комнату мальчик лет 12 и говорит: «Пойдем за мною». Я встал с кровати и пошёл за ним. Вышли на двор, встали на пороге, он говорит: «Полетим». А я думаю: «Как лететь, когда у нас крыльев нет».

Вдруг он оторвался от земли и полетел, я также полетел за ним. Летим мы над городом над высокими заводскими трубами, и я стал устрашаться, чтобы не задеть трубу. Летим дальше, он впереди, я за ним. Летим над опушками леса, над полями, над кладбищем. С высоты я вижу, как кучно стоят кресты над могилами. Потом опять летим над лесом. Потом земля стала от нас скрываться. Летим в облаках, потом – выше облаков среди звёзд. Они все яркие и в воздухе висят, колышутся. Как бы в пасмурной погоде после звёзд пролетели тёмное место. Далее виднеется что-то вроде земли, но она в воздухе висит над пространством. Прилетели мы к её краю, остановились и пошли по земле. Я чувствую, что это земля первого или второго неба. Идём по небесной земле, всё тихо, нет строений, нет людей.

Подошли к большому полю, а там стоит множество бутылей. Они до верха наполнены светло-зеленоватой жидкостью. Только последние бутылки немного не полные. Юноша мне говорит: «Вот эти бутылки - мерзость людей. Как наполнятся эти

бутыли, тогда Бог эту же мерзость изливает на народ. И будет тогда великое бедствие, будут неисцельные болезни. Люди будут болеть и умрут в тяжких болезнях. Эти люди изливают мерзость на Бога, но им самим придётся её испивать».

Повёл меня юноша дальше. И пришли мы к небольшому озеру, кругом него очень высокие гранитные стены. Юноша говорит: «Полетим на тот берег». И мы полетели. Он сел на высокую совершенно гладкую стену, я за ним прилетел, и страх меня взял. Куда же я сяду? Ведь нет выступа, чтобы задержаться, как юноша держится. Как бы не упасть в озеро. Я прилип к стене, держусь, как воробей, страшно сорваться. Но какая-то сила держит нас, как мух на стене, совершенно без трудности. В этом озере поверх воды плавают люди. Вижу, плывёт бревно, когда оно приблизилось, вижу, что это Ленин в чёрном костюме, в белой рубашке с чёрным галстуком. Руки его вытянуты по бокам, и плывёт он, как пробка, носимая волнами.

Юноша говорит: «Видишь? Вот это же будет и Сталину. Они обещали дать лёгкую жизнь людям, но не дали. Поэтому и плавают по житейскому морю, и не тонут».

Потом мы сорвались с гранитной стены и перелетели на землю, пошли дальше. Впереди виднелась серая, угрюмая, громадная стена, она достигала облаков. Изнутри неё шёл чёрный дым с красным пламенем. Мы остановились около очень огромных железных ворот. Ворота немного отворились, послышался великий гул и стон, как гул заводов всего мира, как людей всего мира. И из этого гула и пламени выбегают семь мужчин. Все они были обгорелыми, зажаренными, лица у них очень измученные, кожа на них от жара потрескана, была коричневой до черноты, как кора на лиственнице. Они выбежали из адского места, быстро побежали к маленькому озеру, которое было напротив ворот, и прибежали к берегу, где дышало прохладой.

Они выстроились рядком и с жадностью вдыхали прохладный воздух. Юноша мне говорит: «Это и есть тот самый огненный ад, где люди мучаются за грехи о нарушении Закона Божия. И попали они сюда своими делами. Теперь они вечно попаляются адским огнём, и нет им отрады. А эти люди, что выбежали, это за них на Земле кто-то помолился, и они по этим молитвам получают малое послабление от мук, им есть возможность выбежать на озеро, подышать свежим и прохладным воздухом». Постояли они малое время, и хотя не было над ними никакого приказа, они по мановению, поникнув книзу головой, медленно стали поворачиваться и гуськом медленно пошли обратно в своё адское место. За ними дверь закрылась, пошёл ужасный гул, и пламя выкидывалось выше стен.

Юноша повёл меня дальше, привёл туда, где много комнат. Открыл дверь одной из комнат, там сидят на полу женщины. Они открывают рот, чтобы хоть немного вдохнуть воздуха. Когда открылись двери, они с большой жадностью вдыхали воздух. Юноша сказал: «Здесь женщины сидят без воздуха, так как они делали аборты. Они не давали жизни своим младенцам, теперь и сами сидят без воздуха».

Открыли другую дверь, там сидело много мужчин и юношей. Один юноша лет 17–18 сидел возле двери над хомутом и горько безутешно плакал. Сопровождавший меня юноша сказал, что он украл у соседа хомут, и теперь сидит над ним и плачет. Он в свете неразумно жил, и плач его вечен.

Повёл меня мой проводник дальше, подошли к реке. Он говорит: «Это река Евфрат. Через неё всем должно перейти по этому слабому узкому мосту. Пойдем и мы». Он сразу оказался на том берегу, а я вступил на переходный мост, мост очень качался. Мне стало страшно, что упаду в воду, а там, в воде, множество людей ныряют, кто по пояс, кто по шею. Я стою посре-

ди моста и боюсь идти дальше, а юноша кричит мне: «Иди не бойся, я тебе помогу». Я с трудом подошёл поближе к берегу, юноша взял меня за руку и поддержал. Сказал, что эти люди плавают за содеянные ими житейские грехи. И мало кто из людей переходят эту речку.

После реки Евфрат юноша повёл меня в райские обители. Там – сады, цветы, неземное строение, всё в золоте, серебре, изумруде, всё сияет под радостное пение птиц. Воздух лёгкий, ароматный – не надышишься, так и хочется навеки остаться здесь. Но юноша сказал: «Нет, тебе ещё рано. Тебе надо возвращаться на Землю». И повёл меня к тому месту, где мы приземлились. Подвёл к краю небесной земли, сам со мной уже не полетел, а мне сказал: «Лети».

Каким-то мановением, своею силой я оторвался от неба и полетел вниз, тем же путём, как летели на небо. Сперва был синий воздух, потом над облаками среди звёзд, потом под облаками, далее над лесами, логами, речками, полями, через то же кладбище с крестами, потом над городом и заводскими трубами. Приземлился я на землю перед своим порогом и от удара приземления проснулся. Вижу, моя бабушка Христина сидит возле меня в радости, что я проснулся.

Перед тем, как мне слетать на планету Земли, стоял я на краю планеты Небесной. Был мне показан весь мир, и что должно быть на земле в 1940-е годы – страшная война за грехи людей, за то, что попрали святыню, опорочили Бога-Творца неба и земли, заточили духовенство в тюрьмы, жестоко замучили их. Все люди, особенно российские, должны понести гнев Божий. Одним – искупать грех пролитием своей крови, другим – страдать от голода и разорения своей жизни. Всё это было представлено мне во сне, как на ладони.

Гнев Божий начался в 1941 году и двигался с Запада в войне с Германией под водительством Гитлера. Гитлеровская армия двигалась через западные страны, дабы дойти до России и истребить её. Но в стране и так было много пролито невинной крови правлением Сталина. Было много страдальцев, изгнанных из своих домов. Мужей засылали в концлагерь, детей выбрасывали на снег и мороз раздетыми, из домов забирали последний кусок хлеба, даже если хлеб ещё сидел в печи, то и его вытаскивали и забирали. За такое мучение невинных людей Бог попустил пролитие крови, дабы очистить землю от осквернения. И очищалась земля от скверны, за Святыню омывалась кровью. Кругом было страдание, кругом были нестерпимая беда и бедствия.

Всё это было показано мне в сновидении перед возвращением на Землю: земля вся в тёмном дыму, кругом страшный мрак, народ мечется по улицам с сумками на руках, ища пропитание. Народ был весь искажённый, головы у всех чёрные, как чугунки, глаза зверские. По воздуху летают самолёты, пускают на землю бомбы, всё рвётся от бомб, идёт чёрный дым. Другие самолёты падают на землю и сгорают. По домам – убийства, дети приводят домой людей из ГПУ и сдают родителей.

Видел, как мать стоит в комнате молится, а дочь зверски влетает в комнату и приводит с собой агентов ГПУ, указывая: «Вот она богомолка, возьмите её!» Агенты подхватили под руки женщину и повели её в «чёрный ворон». ³⁹ Видел, всю ночь

³⁹ С дохристианских времён в русском народе было исключительно уважительное отношение к предкам (особенно к деду). Церковь поддерживала эту великую традицию, введя правило упоминания имени отца в имени его ребёнка (отчества). Правда, если ребёнок рождался без церковного брака (у блудницы – «ублюдок») в регистрационных документах, выдаваемых церковью, отчество не указывалось. Такого человека до старости звали, как мальчишку, только по имени. Коммунисты объявили культурную революцию, задачей которой было формирование «нового человека» – атеиста, без «мелкобуржуазной психологии» и «частнособственнических инстинк-

«чёрный ворон» носится по городу и пачками увозит людей в тюрьму. Юноша, который меня везде сопровождал в моём сне, сказал, что всё это бедствие в российской земле начнётся весной 1941 года. Так и случилось, в 1941 году началась война, всех мужчин забрали на фронт, женщины с детьми остались бедствовать от разрухи, метались. Но от беды бежать было некуда.

После моего сновидения я многим верующим стал говорить, чтобы они выезжали из города, что весной будет война и тогда выезда из города не будет. Говорил, что будет большой голод и даже люди будут есть людей, кто не уедет, тот в городе и погибнет. Страшное будет людям наказание! Бог будет укреплять и спасать верующих, неверующим поддержки не будет, ибо они отринули правду, восприняли ложь, во лжи и погибнут. Советовал уезжать в глухие места, где от злаков Бог пошлёт пропитание. Да и умирать будет легче в благодатном воздухе, чем в осквернённом месте среди нечистых.

Многие поверили моим словам, выехали в провинции, а некоторые вывезли только своих детей. Они думали, что когда настанет бедствие, им легче будет выехать без детей. Но, увы! Когда началась война, из города выезд был запрещён. Дети остались в одном месте, а родители – в другом.

Поэтому Господь и учит: «Молитесь и бдите, ибо не знаете, в какой час придёт Господин Дома».

тов». Родители – носители этой психологии, объявлялись «пережитками прошлого», с которыми пионеру, комсомольцу надо бороться. Отказ от родителей (кулаков, «врагов народа») приветствовался. Такие дети (юноши, взрослые) героизировались пропагандой (культ Павлика Морозова). У детей дореволюционной России главным авторитетом в жизни был отец (батюшка, папа, тятя, батя), приходской священник (батюшка) и царь-батюшка. У советских детей таким авторитетом должен был быть кремлёвский вождь, местное начальство, коммунистически идеологизированная учительница, молодежная коммунистическая организация (пионерская, комсомольская).

Спокойные дни послушника Симеона были недолгими. Три года прожил он в пустыне, три года прожил у бабушки Христины, и ничто не повредило его жизни. Ибо рука Божья была над ним и хранила Своего избранного, начиная от утробы матери.

Новое испытание

Новое испытание попустил Господь Симеону, в монастыре Серафиму⁴⁰. Через испытания Господь духовно укрепляет каждого, кто хочет идти путём к Царствию Небесному.

В 1941 году во время всенощной в честь праздника Святой Троицы приехали два агента ГПУ на чёрном ЗИМе⁴¹, зашли в сторожку и вызвали туда монаха Серафима. Я пришёл. Со мною поприветствовались и спросили: «Ну, как? Помогаете батюшке?» «Да помогаю», – ответил я. «Но мы тебя немного оторвём, – сказали они. – Сними стихарь и поедем ненадолго с нами. Через полчаса мы тебя привезём обратно». Пошёл я в пономарку, снял с себя стихарь, оделся и вышел к своим волкам, как ягнёнок на съедение. Они вывели меня на улицу, у ворот стояла машина «чёрный ворон». Один из них сел в машину первым, меня посадили в середину, с другого боку сел другой.

Мы приехали на Литейный проспект к серому дому. Это был самый страшный дом. Кто попадал в этот дом ГПУ, то воз-

⁴⁰ Монашество Симеоном было принято в Киево-Печерской лавре в годы его пономарства при храме подворья Ново-Афонского монастыря в Ленинграде.

⁴¹ ЗИМ – советский автомобиль высшего класса, выпускаемый на заводе имени В.М. Молотова – одного из высших вождей СССР (отсюда и аббревиатура). Стремясь увековечить своё имя, советские высшие руководители с первых дней своей власти переименовывали города, улицы, площади и пр. в честь своих подвижников. Так возникли Загорск, Ульяновск, Сталинград, Ленинград, Свердловск, и пр. Их именами назывались предприятия. Так, в Кузбассе почти все шахты, построенные в 30-е годы, были чьего-то имени (Сталина, Молотова, Дзержинского, Ворошилова, Калинина и др.).

врата оттуда не бывало⁴². Я сразу понял, что в церкви мне больше не бывать. Подняли меня в лифте на седьмой этаж в кабинет следователя, он стал меня допрашивать – кто я, кто мои родители, у кого, где и с кем живу, род занятий и прочее. Эти вопросы задавались для того, чтобы приписать мне какую-то вину и наказать.

Через несколько минут в кабинет зашёл сотрудник ГПУ, встал у порога и радостно зацвёл улыбкой, как будто он увидел родного брата, которого давно не видел. Ступил шага два от порога и улыбаясь сказал: «Ты меня знаешь?». Я говорю: «Нет, не знаю». «А я тебя знаю». «Ну, что же, – ответил я, – только один монашонок Симеон и остался в городе, меня не диво знать». «Нет, я тебя знаю с того времени, как ты от меня убежал, когда я тебя вёл по Большой Спасской улице. Вот мы с тобой и встретились, теперь ты у нас в гостях. Ох, и попало мне тогда от начальника, – стал он объясняться со мной, как с самым близким родственником. – Мне тогда приказали привести монашонка живым или мёртвым, я тебя вёл по Спасской улице. Но тут подул буранный ветер, я закрыл глаза, а когда открыл, тебя предо мною уже не было. Ястерялся. Мне показалось, что тень пробежала в парадную дома. Я заскочил в парадную, забежал на второй этаж и увидел через окно силуэт человека, бежавшего через дорогу во двор. Я быстро побежал туда, но там уже никого не было. Так я и потерял тебя. Приехал в управление, а у меня начальник спрашивает: «Привез монашонка?» Я

⁴² Выражение ленинградцев «попасть на Литейный» означало то же самое, что для москвичей и для всех граждан СССР – «попасть на Лубянку». На Лубянской площади (пл. Дзержинского) и Литейном проспекте располагались органы госбезопасности. В остальных городах СССР такие дома называли «самыми высокими в городе». На недоуменный вопрос несведущего человека: «Почему это одно-двух-трёхэтажное строение считают самым высоким, хотя есть здания многоэтажной постройки?», - отвечали: «С него Колыму видать». С северным Колымским краем (Магаданская область) ассоциировалась вся система коммунистических концлагерей.

ответил, что нет. – Почему? Ты его не видел? – Нет, видел. И я стал рассказывать подробно, что случилось. Он на меня закричал, сказал, что такого не может быть, что я заодно с этими монахами. Грозил, что он меня разденет и посадит в камеру вместо монаха. Я говорю, что это Ваша воля, но я рассказал истинную правду. И вот ты теперь у нас, и мы с тобой встретились, будешь у нас гостить. Мы за тобой давно следили, и старались забрать. Твои товарищи давно уже сидят, а ты ещё на воле». Вид его был очень радостный, и с этой радостью он вышел из кабинета.

В это время в кабинет вошёл какой-то военный и дал мне команду следовать за ним. Провёл коридорами на нижние этажи, подвёл к дверям камеры, большим ключом открыл страшный замок, завёл в камеру. Там была кровать, прикованная к стене. Занесли солдатскую кровать с пружинами, матрац, подушку, две простыни, полотенце. «Тут теперь ты и будешь жить. Чего надо, постучи в дверь, подойдёт конвой, и ты скажешь, что тебе надо. Ложиться и спать днём на кровати нельзя. Сидеть и дремать на стуле (он был тоже прикован к стене) нельзя. По камере можешь прогуливаться, её надо содержать в чистоте». Меня закрыли на гремучие замки и ушли.

Камера была на четвёртом этаже, это была небольшая одиночка. Окно поднято высоко, над ним сделан деревянный козырёк, чтобы заключённому не было видно неба. Печально мне стало, что попал в неволю, но в душу вселилась радость, ведь это Господь послал мне келью, как затвор. Преподобный Серафим Саровский добровольно закрывал себя в затвор. Но сам я не мог этого сделать, вот, Господь Своим промыслом и поселил меня в затвор. И я рад был, что оказался в затворе, что в таких узах могу читать молитвы и славить Господа. Ведь Он за нас страдал, ради нашего спасения нёс тяжелый Крест на

Голгофу. И мне Он дал крест и Голгофу, чтобы спасти мою душу. День сижу на чугунном стуле, после отбоя ложусь на кровать спать. Но только начну дремать, стук в дверь: «Одевайся, выходи!». И ведут меня на допрос к следователю этажом выше. Вспомнил я наставление святых Отцов, что в бедствиях надо читать псалом 90. Тогда ничего самому не придётся придумывать, что говорить, Дух Святой наставит и даст вразумление. Так я и делал, заранее не придумывал своих ответов на допросе, а когда вели коридорами, читал молитву и 90-й псалом «Живый в помощи».

Подходя к дверям кабинета следователя, читал молитву: «Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его». Следователь у меня был молодой, лет 26-ти. Только начнёт вести допрос, сразу же начинает дремать, и оба мы сидим и дремлем. Там мне был малый отдых, я мог немного подремать. Так прошла неделя. Зашёл как-то в кабинет начальник, спрашивает, не скучно ли мне. Я говорю, что скучно. Он сказал, что даст распоряжение по моему запросу давать книги, но только не духовные. Начальник обратился к следователю: «Ну, как дела?» «Плохо, товарищ начальник, ничего не рассказывает». Посмотрел он в следовательские бумаги, а там всё чисто, ничего не написано. «Что вы тут делаете, спите что ли?» А ведь мы действительно спали.

Перевели меня к пожилому следователю лет 45-ти. А тот тоже спросит два слова и начинает дремать. И я дремлю. Так продремали ещё неделю. Опять пришёл начальник с проверкой. Видит, что в бумагах опять ничего не написано, накричал и на этого следователя. «Я поставил тебя как опытного следователя, — кричал он. — А ты тоже спишь». «Не знаю, - отвечал следователь, — много было у нас монахов и монашек, но таких я ещё не встречал. Он ничего не говорит». А в действительности, он ни-

чего и не спрашивал, всё время находился в тяжёлой дремоте. Отведут меня в камеру, и продолжается жизнь по положенным правилам камерной жизни. День ходишь по камере, читаешь Иисусову молитву, потом читаешь книги, ночью бываешь на допросе. И так - каждый день. Я благодарил Бога, что Он сподобил мне затвор - и условие мне армейское, и паёк хороший.

Все годы я держал правило, ничего не есть по понедельникам, средам и пятницам, так и в тюремной камере исполнял это правило. Начальству доложили, что монах ничего не ест и всю пищу приходится выносить обратно из камеры. Ко мне в камеру зашли четыре человека: старший следователь, начальник тюрьмы и два врача. Спрашивают: «Вы больны?». «Нет», - отвечаю я. «А почему Вы тогда не едите пищу?». «Она воняет тюрьмой», - внезапно сказал я. «А если мы будем приносить пищу из города, Вы будете есть?» Я говорю: «Буду». Тогда начальник дал распоряжение приносить мне пищу из городской столовой. Стали приносить, но я всё же держал свой пост. После следующей проверки мне стали приносить только то, что я потребую, подавая записку, чего мне принести.

Прошло два месяца допроса, дело не двигалось. Тогда стали меня допрашивать два следователя - один лет 46-ти, другой лет 50-ти. Один следователь взял наган в руки, подошёл ко мне, дал команду встать, наставил к лицу наган и говорит: «Застрелю, как собаку, ты у меня будешь говорить, я тебе не те следователи, язык тебе развяжу». Я внезапно громко засмеялся. Тогда он опустил руку, сплюнул и сказал: «Я его стрелять, а он хохочет». Пошёл, сел за стол и задумался. Другой следователь сидит и ничего не говорит, только сказал: «Если бы ты говорил, мы бы тебя скорей осудили и послали в лагерь работать. А на волю мы тебя не отпустим, там идёт война с немцами. Вас отпускать нельзя, а то вы перейдёте на сторону немцев. Я ему от-

ветил: «А что я могу вам сказать? То, что я монах, вы видите сами, что я молюсь Богу, вы и это знаете. Вся моя жизнь - только для Бога, и больше я ничего не знаю».

Через некоторое время они оба заснули крепким сном. Наган лежит на столе, смотрю я на наган и думаю, если бы я не был монахом, то взял бы их наган и их самих же пострелял, а сам убежал бы в окно. Но ведь сие место мне Богом назначено, и мне надо пройти испытания ради очищения души, как и все наши братья давно уже очищаются.

Зашёл старший следователь, посмотрел, что ничего не написано в показаниях, встал он передо мной и говорит: «Ну, что мне делать с тобой, Григорьев? Нет улик, чтобы тебя осудить. У нас много было таких, как ты. Мы их били на допросах, и они всё лгали про себя, поэтому получили срока и сейчас работают в лагерях. Но ты какой-то особый, нет нашей силы над тобой, поэтому будешь жить в ста километрах от города, не ближе». Он вышел из кабинета, а меня отвели в камеру, и стала продолжаться моя жизнь, как в затворе.

Мне было слышно, как других избивали на допросах, слышал крики и стоны. Но по велению Божиему, меня никто и пальцем не тронул, никто не выругал меня матерным словом. Давали читать художественную литературу, по моей записке из города приносили печенье, пряники и белые сухари, что попрошу, то и доставляли. Бог Всесилен и не попускает диаволу погубить Своих рабов.

Молюсь я в камере и благодарю Господа: «Господи, там, на воле, идёт война, а Ты, Милосердный, сохраняешь меня в сем затворе, чтобы Твоего раба не убили. Меня охраняют ради спасения моей жизни. Славлю Тебя, Господи, и молю быть всегда моим Покровителем и Спасителем. В руке Твои предаю мою жизнь».

По тюремным трубам азбукой Морзе выбили, что немец подошёл к Нарвским воротам. Если немцы прорвутся в центр, то вся тюрьма будет расстреляна чекистами, чтобы заключённых не сдать врагу. Всех охватил страх, смерть стояла за плечами, все стали молиться, готовить душу к исходу, в тюрьме переполох. Каждую ночь в четырёх часа утра гремят страшные замки, полушёпотом приказывают: «Выходи!» А куда выходи? Всех этих несчастных людей вывозили на расстрел. Как четыре часа, так все заключённые настороже. Каждый щелчок замка наводил ужас. А ты думаешь: «Вот несчастных повели на расстрел, а завтра, наверное, и моя очередь».

И я готовил себя к смерти, стал читать все молитвы, которые поются при отпевании покойников. Я их знал наизусть, так как часто помогал при отпевании покойников в церкви. Все молитвы себе пропел, осталась только разрешительная молитва, но я не имел права читать её себе. Я был готов к смерти, на выход из тюрьмы никакой надежды не было.

После усердных молитв прилёг на кровать. И только стал дремать, как вижу, по воздуху двигается икона Спасителя. На ней Христос изображён по пояс. Икона приблизилась к моему окну, встала в окне, и уже - не видно окна, видно только икону с ликом Спасителя. Лик Его живой, двигается. Исказал Спаситель мне два слова. Слова были такие звучные, что по камере раздалось эхо. Из-за него я не смог разобрать слова, приподнял голову от подушки и говорю: «А? Что? Не понял?» Но слова не повторялись. И живая икона стала удаляться от окна по воздуху и скрылась.

Печально, что я не понял слов, но была и радость, что Сам Спаситель пришёл к камерному окну, чтобы что-то возвестить и успокоить. Знать, Господь будет со мною и не допустит меня к гибели. Значит, Господь всегда видит мою жизнь и явил-

ся сказать: «Не бойся, Я всегда с тобой, уповай на промысел Божий». На душе у меня стало спокойно и было не страшно умирать невольною смертью. От ГПУ тысячи людей гибнут и умирают, но смерть с Господом и с верою во Христа не страшна, так как она ведёт к жизни вечной.

Июль 1941 года. Поздней ночной порой гремит замок моей двери, сердце замерло, знать, на расстрел. Команда: «Выходи!». Вижу, по коридору ведут и другого узника, знать, - групповой расстрел. Посадили в «чёрный ворон», кругом темно, жутко, куда везут, неизвестно. Привезли к железной дороге Московского вокзала, там стояло много эшелонов. Команда: «Ползком вперед!» Лезем под вагоны. Подвели к вагону с решётками на окнах, опутанными колючей проволокой, отворили двери, приказали залезать. Залезли мы в вагон, слава Богу, не расстреляли! Знать, повезут нас от немцев. К рассвету поезд тронулся. Слава Богу! Поехали. Но куда повезли, на смерть или на жизнь? Ничего не известно.

Немец окружил город Петроград. Единственной дорогой для проезда осталась Северная в направлении станции Мха. Там тянулись сотни эшелонов с заводами, детьми и ранеными, и нами, заключёнными. Ползём шаг за шагом, а немец не даёт ходу поездам. Только поезд тронулся, тут же эскадрилья немцев низко пролетает над крышами вагонов.

Дальний путь.

Поезда двигались один за другим, как червяки по земле. Тридцать километров мы ехали трое суток и еле-еле выехали за полосу фронта. Много раз немецкие эскадрильи налетали на наш эшелон, пролетят над крышами, разведывают, что это несчастных заключённых везут, и повернут. Ну, думаем, слава Богу,

смерть миновала. Только тронется поезд, тут же, как саранча, налетает другая эскадрилья и летит низко над крышами. Такая была тяжёлая дорога! Ребята сидели всё время у окна и через решётку наблюдали за происходящим. И вдруг радостно закричали: «Братцы, мы живы! Наш поезд ушёл от линии фронта». Куда едем? Один Бог знает.

Дорога была тяжёлая, везли нас медленно. Загонят в тупик на станции и держат целыми сутками. Каждому давали на день по 200 гр. хлеба (как глина), кусочек солёной воблы и кружку воды. Хорошо жить, когда всегда помнишь наставления духовных опытных людей. Меня это и спасло. Я слышал от духовников, что в голод не надо есть солёную рыбу и пить много воды. Тогда всё можно пережить и остаться живым.

Так я и поступал. Рыбу я не ел, отдавал её другим. Воды пил только кружку. На вагон давали бачок воды, и её делили по кружке на каждого. Те, кто не был в воздержании, ел рыбу и пил воду, страшно потом мучились, их организм требовал воды, а воды не давали. Мучение от жажды страшное, люди кричали, стучали в дверь вагона, но помощи им не было. Конвой откроет дверь и кричит: «Кто стучал? Выходи!». Волей-неволей приходится выходить, отведут от вагонов в сторону и немилосердно бьют, приговаривая: «Вот тебе вода, вот тебе вода». Людей страшно избивали. Возвращался несчастный человек весь избитый, а некоторые вовсе не возвращались. И мы знали, что их убили.

Очень тяжёлой была дорога, ехали целый месяц. Тяжело было сидеть в вагоне на корточках. В вагоне нас набито было, как селедка в бочке. Душились мы без воздуха, были томимы голодом и жаждой.

Новосибирск

Наш поезд прибыл в город Новосибирск. Нас выгрузили и повели в тюрьму, которая стояла в отдалённости от города среди голого поля. Завели в каменный гроб, поместили в маленькой узкой камере на втором этаже с одним окном. Над окном висел деревянный козырёк, чтобы нам не было видно неба. В маленькой камере поместили человек 30. Сидим мы, как барашки на закланьи. После отбоя, ночью, мы должны ложиться, но всем места не хватало. Мы ложились на бок вплотную друг к другу, перевернуться на другой бок невозможно. Назначался один из нас для «заклинивания». Это означало, что он должен лечь самым последним, с силой вдавливая своё тело в середину. Это и назывался клин. Устанем лежать на одном боку, тогда раздаётся команда: «Эй, клин, выклинивайся!». «Клин» с трудом вылезает, и все мы одновременно поворачиваемся на другой бок. Снова звучит команда: «Ну, клин, заклинивай!». Пища была обычной для заключённых: черпак супа, где крупинка крупинку не догонит, и 200 гр. сырого, как глина, хлеба. Один раз в день нас выводили на час на прогулку.

В таких условиях мы прожили 11 месяцев. Какая будет дальнейшая судьба каждого из нас, было ведомо только Единственному Богу. Я молился утром и вечером, повернувшись к окну. Сначала молился один, а потом ко мне присоединились 2-3 человека, потом нас стало 7. Остальные сидели тихо и не мешали нам молиться. Изменений у нас никаких не предвиделось, тогда мы стали подавать заявления об отправке нас на фронт, но наша просьба была отклонена. Знать, сидеть нам здесь, постепенно двигаясь к медленной смерти.

Всемогущим попечением Создателя и в тяжёлых условиях человек будет храним. Милостию Божией все мы остались

живы, хотя год не видели света и воздуха, находясь в камере, как в живом гробе. Но у нас всё же была надежда, что настанет то время, что мы все увидим человеческую жизнь.

Мы ждали неминуемой смерти. Нам отказали в направлении на фронт. Тогда мы подали заявления, чтобы нас судили. На основании наших заявлений, дела наши были посланы в Москву. Там заседала судебная коллегия, так называемая, «тройка».⁴³ Через месяц пришло решение, которое зачитала нам, пришедшая в камеру девчонка лет 18-19. Каждому из нас она объявила решение тройки, кому досталось восемь лет, кому десять - лагерей.

Через неделю нас вывели из камеры и повели на станцию. Дорога на станцию была для нас очень тяжёлой, мы были слабы, как мухи, ведь ходить мы разучились. Хотим шагнуть, а ноги не держат, падаем, как мухи, ошпаренные кипятком. С трудом, но дошли, нас погрузили в вагоны, и мы поехали.

Привезли в город Красноярск и поместили в зоне карантина, там работала комиссия, определявшая нас по лагерям. Мы сидели в бараках и ждали своей участи. На меня напала болезнь глаз - куриная слепота ⁴⁴. Чуть солнце склонится на заход, а я уже ничего не вижу, не могу даже сходить на кухню за своим пайком. Бог Милостлив! На каждом месте он посылает добрых людей. Они приносили мне мою порцию и провожали в туалет. Пошёл я к врачу, он мне выдал бутылочку рыбьего жира, чтобы я пил его по столовой ложке два раза в день, и слепота прошла.

⁴³ В «тройку» обычно входили: первый секретарь местного комитета коммунистической партии (крайкома, обкома), председатель исполкома и руководитель органов госбезопасности. Этот внесудебный орган фактически без рассмотрения дел принимал решение о наказании человека, в том числе и его расстреле. Что дало основание публицистам считать его преступным органом, а людей, заседавших в нём, преступниками. Ни в каком советском законе этот орган не был прописан.

⁴⁴ Эта болезнь наступает, в основном, из-за авитаминоза. Сопровождается потерей сумеречного зрения.

На врачебной комиссии меня определили вполне здоровым. Хотя я был маленьким и щупленьким, с детства нёс большие посты, но по силе Святого Духа организм мой был в полном здравии. И я был зачислен в первую группу, которую отправляли в Заполярье.

Нас погрузили на баржу и повезли по Енисею, набили в неё 3 тысячи человек. На двухъярусных нарах места всем не хватало, не хватило, конечно, и мне - несмелому, маленькому и щупленькому. Я приспособился у стенки под нарами. Сквозь щели в обивке баржи я смотрел на природу берегов Енисея, хвалил Бога. Чудные Твои дела, Господи! Как чудно Ты всё устроил! Какая чудная Твоя природа - результат дел рук Твоих. Для меня поездка по Енисею была в радость. Я сподобился видеть дела рук Божиих в творении природы.⁴⁵

Прибыли мы на остановку «Енисейская», там наш паром стоял целые сутки и нагружался продуктами. В то время на прогулку вышел сын Сталина Василий. Он смотрел на нас, а мы - на него. Его, говорили заключённые, сослал отец⁴⁶ за то, что он был против убийства матери Сталиным. Сталин, будто, был женат на дочери симферопольского протоиерея Аллилуевой. Когда Сталин неистово ломал церкви, а всё духовенство поголовно стал заточать в тюрьмы, то его жена Аллилуева просила не трогать церкви и духовенство. В семейном споре Сталин выстрелил в жену. Пуля влетела ей прямо в рот, когда она крикну-

⁴⁵ Места, восхитившие о. Серафима см. в серии фото № 4.

⁴⁶ Выходит, в народе была молва о разногласиях между Сталиным и его сыном. Но это молва. В действительности же Сталин, хотя и часто ругал сына (в основном за пьянство), но до лагерей дело не дошло. Сталин всячески покровительствовал сыну, сделав того многозвёздным генералом военно-воздушных сил в молодом возрасте. Сын Василий был типичным представителем советской «золотой молодёжи». В тюрьму (не в лагерь) он попал после смерти отца, при Хрущёве. Формально его обвинили в растрате государственных средств. В действительности его держали в тюрьме за «длинный язык». На бытовом уровне (по пьянке) он обвинял наследников Сталина (Н.С.Хрущёва, Г.М.Маленкова и др.) в убийстве Сталина.

ла.⁴⁷ За это сын Василий держал злобу на отца. Для безопасности Сталин заслал своего сына в далекую Сибирь, в Игарку. Там он жил и учился в хороших условиях, всё ему туда доставляли.

Все заключённые заговорили: «Вон сын Сталина Василий. Вон он гуляет по берегу». Привелось и мне видеть изгнанника за правду, и вспомнились мне слова из Евангелия, что пойдёт сын против отца, а отец против сына.

После Игарки наш пароход последовал дальше по Енисею. Мы должны были пройти пороги, место это очень опасное. Все говорили, что если проедем, то будем живы, а если баржа ударится о скалу, то все погибнем.⁴⁸ Мы все были в глубоком страхе, верующие стали молиться. Я тоже усердно молился: «Господи, Спаси и сохрани Твоё создание, здесь есть те, кто хочет спасения и покаяния, оставь нас ради покаяния». Пороги прошли благополучно, но баржу сильно дёргало, и мы хорошо слышали, как её дно тёрлось о камни.

Так Милосердный Господь спасает целый мир⁴⁹ ради Своих избранных. Бог сказал праведному Аврааму: «Ради трёх или двух человек будет спасён целый город». Знать, ради не-

⁴⁷ Жена Сталина Надежда Аллилуева была найдена мёртвой с пистолетом, подаренным ей старшим сыном Сталина Яковом. Официальная версия - самоубийство. Другая версия - её застрелил сам Сталин, или кто-то по его приказу. Самоубийство (убийство) произошло после публичной их ссоры со Сталиным в 1932 г. Надежда Аллилуева была единственным человеком, который мог говорить Сталину всё, что тот заслуживал. В частности, именно она сказала ему и всем присутствовавшим на очередном сталинском банкете о массовом голоде на Украине, который она наблюдала собственными глазами, возвращаясь от родных из Грузии. Она видела валявшихся мертвецов на железнодорожных станциях, которых никто не подбирал. Голод в 1932 г. был по всей стране. Но самый ужасный - на Украине, где каннибальство (людоедение) было нередким делом. Сталин, по воспоминаниям, не пришёл на похороны жены. Ни разу он не был на её могиле (на Новодевичьем кладбище).

⁴⁸ Баржа буксируется пароходом и собственного управления не имеет. «Болтаясь» на тросе, она действительно могла удариться о скалу и, получив пробоину, затонуть вместе с пассажирами.

⁴⁹ Русское слово «мир» в данном случае используется для обозначения группы людей, общества. Община в деревне - это мир. Пословица - «на миру и смерть красна».

счастливых, прибывающих в веру, Бог нас спас. Мы благополучно прошли страшные и смертельные пороги.

Ехали мы по Енисею две недели, прибыли в Дудинку, здесь Енисей впадает в Баренцево море. У пристани стояли пароходы, которые прибыли из Охотского моря. В Дудинке нас погрузили в вагоны узкоколейки, крошечный паровозик попыхтел и повёз нас по тундре. Местность эта мёртвая, невесёлая, ничего живого нам не обещала. Привезли на карантинный распределительный пункт, две недели мы должны пройти испытания. Кто вынесет их, тот поедет дальше в Норильск, кто не выдержит - там и закопают.

У меня открылась дизентерия, то есть сильный понос. Мне очень хотелось пить, но воды не давали и я держался этого запрещения врачей. Но когда нас повели в баню мыться, я увидел воду, и всё во мне задрожало. Мне казалось, если я попью воды, то воскресну из мёртвых. Подошёл к крану, чуть ли не полный таз налил холодной воды, сел на лавку, приподнял его и стал пить. От воды я не мог оторваться, так и выпил весь таз. Но я всё равно хотел пить, хотя и налил воды полный живот. Из-за этого мне нельзя было ни нагнуться, ни разогнуться, но я всё же налил ещё полтаза и выпил. Сажу как истукан, не могу нагнуться, чтобы вымыться. Раздалась команда на выход из бани, все пошли, и я пошёл. А товарищ говорит мне: «У тебя, Сеня, волосы сухие, тебя не выпустят из бани. Ты хоть помочи голову». Так я и сделал. Пришли в барак, думаю, ну, знать, скоро придёт смерть, ведь врачи говорили, что тот, кто будет пить воду, тот умрёт.

По милосердию Божию и силе Божией, Вседействующей над Своими чадами, я не умер. Наоборот, я от воды получил

исцеление.⁵⁰ Скоро у меня не стало поноса, и себя я чувствовал хорошо. Все товарищи по заключению удивились - при дизентерии выпить столько воды и быть живым! Знать, действительно сила Божия велика! И многие, смотря на меня, стали молиться Богу и верить в Божественную силу.

Привезли нас в Норильск, кругом мёртвая тундра.⁵¹ Стоят несколько сбитых из досок бараков, куда нас и поместили. На следующий день повели на врачебную комиссию, там определялось, кто на какую годен работу. В комиссии оказались люди, знающие меня как белобрысенького послушника. Смотрят на меня и говорят: «Ты Сеня?». Я ответил: «Да, это я». «Ну, ничего, - сказал доктор, - живы будем, не помрём».

Это были два профессора, которые работали в Кремле у Сталина. Но в 1937 году попали под опалу. Тогда была массо-

⁵⁰ Специалисты прокомментировали это поведение о. Серафима как интуитивно правильное. При поносе происходит обезвоживание организма. От обезвоживания и умирают. Пить воду при дизентерии, в общем-то, не к чему, поскольку она «прямым вылетает» из-за поноса. Поэтому больному вводят воду капельницей прямо в кровяное русло. Но при таком, как у батюшки, огромном выпитом количестве воды (видимо, литров 10-12) хоть какая-то часть должна была усвоиться организмом. Тем более что она у него не «вылетела». Он сначала какое-то время сидел в бане, «как истукан», потом пришёл в барак и «ждал смерти». Это, во-первых. Во-вторых, диагноз «дизентерия» мог быть ошибочным. Вряд ли лагерные врачи имели лабораторное оборудование для выявления дизентерийной палочки. Это могло быть естественное в условиях лагеря пищевое отравление или, скажем, сальмонеллёз, которые также сопровождаются поносом. А при этих заболеваниях как раз и требуется обильное питьё.

⁵¹ Климат Норильска субарктический. Зима долгая и холодная, лето короткое. Среднегодовая температура: – 11 С°, января – 36 С°. Средняя длительность лежания снежного покрова: 244 дня (от 7,5 до 9 месяцев). В 1935 г. силами заключённых началось строительство Норильского металлургического комбината. Сейчас он производит никель, кобальт, медь и др. В состав комбината входят горные, обогащательные, металлургические, энергетические и другие предприятия. В 1951 г. силами заключённых началось строительство нового жилого массива, получившего в 1953 г. статус города. В центре Норильска в 1966 г. установлена базальтовая глыба, на которой написано: «Здесь будет сооружён обелиск, всегда напоминающий о подвиге норильчан, покоривших тундру, создавших наш город и комбинат». О заключённых – ни слова. На склонах горы Шмидтиха, где хоронили заключённых, бывшие советские прибалты и поляки возвели в 90-е годы часовню. Но это расположено так далеко, что без специальной экскурсионной поездки мемориал увидеть невозможно.

вая чистка. Хороших людей, знатных учёных вычищали из жизни,⁵² засылали пожизненно в тюрьмы и далёкую сибирскую страну.⁵³ Вот и в Норильске были очень искусные врачи, которые, как у нас говорили, лечили Сталина: профессор Марнин и профессор Николай Николаевич.⁵⁴ Они меня знали по Петрограду, как послушника. К ним я и попал.

Врачебная комиссия определила меня на лёгкий труд. Но по чьему-то головотяпству⁵⁵ в нарушение решения комиссии, меня выгнали на общие земляные работы на строительство комбината. На второй день нас выстроили и повели, от бараков надо было идти километра три. После болезни я был очень слабым. Слабых людей ставили в строй в первые ряды, но я всё отставал и вскоре очутился в заднем ряду. Конвоир меня тыкал в

⁵² В годы советской власти (до 1953 г.) массовые репрессии невинных людей были всегда. Но 1937 г. был особым годом наивысших сталинских репрессий. На февральско-мартовском 1937 г. пленуме ЦК ВКП(б) Сталин заявил, что в период завершения строительства социализма классовая борьба обостряется. Считалось, что в 1936 г. социализм построен, о чём было записано в новой Конституции СССР 5 декабря 1936 г. Значит, надо искать его врагов. Каждому региону определялся обязательный лимит арестованных, невыполнение которого приводило к аресту руководителей. В массовом порядке арестовывались люди, несмотря на их социальный статус - от рядового колхозника и рабочего до маршала и наркома (министра). Сталин уничтожил всех своих реальных и мнимых конкурентов, вверг страну в состояние всепоглощающего страха за собственную жизнь, за жизнь родных. Фактически, только к концу 80-х годов этот животный страх перед государством стал проходить. Но не прошёл. Слово «чистка» употреблялось в 30-е годы для членов коммунистической партии. Многих исключали из партии («вычищали»). Батюшка весьма точно определил всю эту сталинскую вакханалию с людьми словосочетанием «вычищением из жизни».

⁵³ В европейской части страны в народе даже в 50-е годы считалось, что Сибирь - это страна. А когда сибиряки ехали, скажем, в Москву, они говорили: «Поехали в Россию».

⁵⁴ Скорее всего, это были просто знаменитые врачи. Ведь они жили в Ленинграде, который батюшка неизменно называет Петроградом или Петербургом. Если бы это были кремлёвские врачи, то вряд ли они знали Симеона, который служил в ленинградском храме, а не московском.

⁵⁵ Вряд ли это было головотяпством. В советских концлагерях врачебные комиссии были, в известной степени, фикцией. У лагерного начальства существовал план выполнения хозяйственных работ, который подлежал неукоснительному выполнению (см. Приложение № 5). Потому на заключение врачей (тем более из заключённых) внимания, в общем-то, не обращали.

спину ружьём, подгонял: «Ну, иди, не отставай». Я старался идти, но ноги мои не шли, от слабости я упал. Конвоир требует встать, а встать я не могу. Тогда он наставил на меня ружьё, щелкнул затвором и сказал, что застрелит. А я только смотрю на него, ничего не могу сказать и встать.

Но не суждено было мне умереть от злодейской руки, так как Бог воздействует Своей силою. Боковой конвоир услышал щелчок затвора и закричал своему напарнику, чтобы тот не стрелял. Он сказал ему: «Иди на моё место, а я останусь с ним». Строй заключённых пошёл дальше, я лежу, а конвоир стоит над мною, караулит меня. Через несколько минут подошла машина, меня в неё посадили и привезли на объект работы.⁵⁶ Там я просидел целый день, и никто меня не заставлял работать. Вечером всех повели обратно, а слабых посадили в машину и повезли в зону.

Дальнейшая моя жизнь пошла уже внутри зоны. Те самые врачи, знавшие меня по Петрограду, назначили меня работать лаборантом при аптеке. Они брали меня с собой на обход больных, дабы на практике научить меня каким-то приёмам ухода за больными.

Климат Заполярья совсем иной, чем на материке. Воздух здесь разряжённый, и для лёгких не хватает кислорода, мой организм плохо к нему привыкал. Спасло только то, что моя работа лаборанта была в тепле и только всего четыре часа. Остальное время я с врачами практиковался в лечении больных, а больных были тысячи. Больше всего они умирали от разряжённого неблагоприятного воздуха, часть болела цингой. Для борьбы с цингой врачи научили меня варить витамин из хвои. Его

⁵⁶ Случай в истории советских концлагерей нехарактерный. Это было нарушение инструкции по конвоированию. Упавшего заключённого пристреливали, чтобы у других не было попыток побега через имитацию потери сил.

давали пить больным два раза в день. Цинга уменьшилась, но смертность была велика. В нашем этапе было 800 человек, за одну зимовку к весне осталось всего 300 человек. Рано утром каждый день мёртвых вывозили на санках и везли, как дрова. Голые тела складывали поленницей в общую яму, заготовленную летом. Сверху засыпали снегом, а в середину втыкали кол, чтобы знать, что здесь могила.⁵⁷

Меня угнетало это неблагополучное место - вечная мерзлота, голые холмы, только изредка виднелись карликовые деревья. Молил я Господа, просил Его: «Господи, не дай мне здесь умереть. Ведь я здесь замёрзну и буду лежать замороженным до Страшного Суда. Господи, вывези меня умирать на материк, в родную землю, где люди живут». Я усердно молился, нёс посты, чтобы Господь услышал мою молитву. Я дал обет, если вернусь на материк, то буду года два или три жить в лесу в пустыне на молитвенных подвигах.

Норильская земля⁵⁸ - это тоже творение Божие, это творение с особенностями и причудами. Небо как будто шатром висит вверху над нашею землёю, воздух здесь яркий и светлый, от этой яркости даже смотреть трудно. Красное солнце большой величины висит низко над землёй, светит, но не греет. Луна большая и яркая, ночь при ней светла, как при ярком электрическом свете. Но для головы эта природа очень тяжела. Голова не болит, но ей как-то плохо, она тяжёлая, и ты делаешься, как лунатик.

Весной снег тает, появляется зелёный мох, среди мха выглядывает травка и чудесные ароматные цветы. Таких ароматных цветов на материке я никогда не встречал. Лето в Нориль-

⁵⁷ Для православной культуры – кол на могилу вместо креста считался высшим кощунством. Так делали (осиновый кол), когда хоронили ведьму или колдуна.

⁵⁸ См. фото № 5.

ске только три месяца, а в остальное время - зима. Зимой бывает северное сияние, оно сияет разными не земными, а Небесными цветами. Столб северного сияния разделён на разные цвета: розовый, голубой, оранжевый, зелёный, жёлтый. То, на что попадает такой цвет, такого же цвета и делается. Эта божественная неопишуемая красота - красота всей Вселенной, сотворённой Богом. У Бога нет ничего плохого, Бог даёт неопишемую красоту для благоустройства бытия, для наслаждения человека - лето с цветами, зима со снегом и чудесным сиянием.⁵⁹

Жизнь моя продолжалась в славословии Бога, я благодарил Бога за то, что Он устроил во спасение Своего создания. Ведь я работал в тепле, в так называемом домике Шмидта. Этот дом стоял под горой, названной его именем, и вся местность называлась по имени этого учёного-геолога.⁶⁰ Он первым приехал сюда и поселился здесь. Норильская земля очень богата залежами драгоценностей, здесь - уголь, золото, серебро, медь, железо и др. Только нельзя было знать, могут ли здесь жить люди и работать. Шмидт на пароходе привёз готовый рубленый деревянный дом.⁶¹ По его рассказу о чудесном заполярном чуде, его дочь Надежда пожелала поехать с отцом в этот край и лично полюбоваться Божиим творением. Но на первой же зимовке Надежда умерла, её организм не перенёс зимовку, а вывести её на материк до навигации тогда не было возможности. Учёный

⁵⁹ См. серию фото № 7 (северное сияние).

⁶⁰ Фёдор Богданович (Фридрих Карл) Шмидт (1932-1908 гг.) - российский геолог, ботаник и палеонтолог. В 1866 г. был отправлен Академией наук в низовья реки Енисей для исследования найденного там трупа мамонта. Его именем названы полуостров, мыс и гора на Сахалине, один из видов берёзы Приморья. До 1951 г. посёлок Норильск и промплощадка Норильского комбината располагались у северного подножия горы Шмидтиха.

⁶¹ В качестве памятника в Норильске демонстрируется рубленый деревянный дом, названный по имени геолога Н.Н.Урванцева, проводившего здесь экспедицию в 1919-1926 гг. Это было первое деревянное строение в Норильске. Возможно, солдагерники батюшки ошибочно и называли этот дом «домом Шмидта». (См. фото № 6)

Шмидт похоронил её на соседнем холме, этот холм стали называть в её честь - гора Надежды. Когда Шмидт вернулся на материк, он сделал заключение, что Норильск богат, но по климатическим условиям человеку там жить нельзя.

И был Норильск оставлен до будущего времени. Первыми поселенцами были заключённые, а их были тысячи. Так что власти было не страшно, если погибнет много людей за зимовку. Стали добывать каменный уголь, руду, строить плавильный комбинат. В последствии на горе Надежды была построена первая двухэтажная больница и много бараков для заключённых. Жизнь в Норильске закипела. Все материалы и продукты завозили баржами по Енисею, а также через Баренцево море пароходами. Продуктов было много, жиров достаточно. Был дополнительный паёк: 50 гр. сливочного масла, 50 гр. спирта. Хлеба выдавала не менее 700-900 гр., мясо было разное, особенно много было оленьего, а также рыбы горбуши. В это время на материке народ с голоду умирал, а в Норильске он хорошо питался, но умирал от разряжённого воздуха, и продукты были ему не в пользу. На материке я весил 64 кг., а в Норильске - всего 39 кг. Настолько там человек делается легче весом.⁶²

Господь попускает человеку испытания, но Господь и Хранитель человека! В таких неблагоприятных климатических условиях Его десница всегда была над Своими избранными. Я тяжело заболел воспалением лёгких, был мокрый плеврит. Помощью Божией и заботами верующих врачей, я не умер. Профессор Николай Николаевич принёс мне полбаночки топлёного свиного жира, смешал с соком алая, или как его ещё называют «столетником», велел медсестре подавать мне самого горячего

⁶² Не от разряжённого воздуха умирали заключённые. Нечеловеческие условия труда и быта давали огромную смертность. Сейчас в Норильском муниципальном образовании проживает в «разряжённом воздухе» более 230 тыс. человек.

чаю и класть в него полстоловой ложки жира. Попил я всё это десять дней и пошёл на поправку. Язвы в лёгких зарубцевались.

Однако после воспаления лёгких у меня случился приступ аппендицита. Профессора Марнин и Николай Николаевич посоветовались и решили не делать мне операцию, так как я был очень слабым. Николай Николаевич взял под свою ответственность лечение другим способом. Они дочиста промыли мне кишечник, из слепой кишки гной вымылся, и я без операции стал жив и здоров.⁶³

В дни таких тяжёлых болезней я был лёгким, как ребёнок, меня на руках носили в ванную. Когда я умирал, мне предстал весь белый свет, как на ладони. Такая красота! Такой милый этот свет! А я так мало на нём пожил, мало его познал, мало благодарил Бога за Его чудные творения. Если б Господь, думал я, оставил меня хотя бы на три дня пожить, я бы отблагодарил Господа за Его чудную природу и красоту.

Однажды Николай Николаевич во время обхода, увидев, что я умираю, протянул руку и закрыл мне глаза. Сколько я пролежал в смертном состоянии, мне не известно. Когда приоткрыл глаза, увидел передо мною врачей и медсестру. Николай Николаевич говорит: «Сеня, мы все пришли тебя проведать, но ты так спокойно спал, что не хотели тебя будить». Все мигом вышли из палаты, а сестра принесла мне стакан горячего чая и сказала: «Пей, будет всё хорошо, знать, ты будешь жить. Мы все думали, что ты умер».

⁶³ Комментируя эту ситуацию, специалисты предположили, что, скорее всего, у батюшки был не приступ аппендицита, а непроходимость кишечника. Продукты распада проникали через стенки кишок, отравляли организм, давали симптоматику аппендицита. Непроходимость могла возникнуть из-за «калового завала», случившегося в дни излечения больного от пневмонии. Такое нередко случается с лежащими больными, если им не проводились соответствующие профилактические процедуры. В случаях нагноения аппендикса без его удаления не обойтись, поскольку в организме сохраняется мощный источник интоксикации.

Они, выходит, приходили со мной проститься, а не проведать. После такого кризиса я пошёл на поправку, стал здоров и продолжал работу в помощь больным. Я благодарил Господа за Его милость и спасение. В благодарность Богу я дал обет до смерти жить холостым, дабы только одному Господу служить, быть свободным от житейской суеты и забот.

Наступила весна 1942 года. Собрали этап для вывоза на материк. Это были больные первой категории, то есть неспособные работать, обречённые на смерть. Меня вызвали в контору к начальнику. Начальник улыбается и говорит: «Григорьев, мы решили тебя активировать и отправить на материк, так как следующую зимовку не переживёшь. Мы не можем вывозить полноценных заключённых, но врачи дали тебе инвалидность первой категории. Хотя на материке голодно, но зато ты будешь жить». Чудны дела Твои, Боже! Бог посылает людей, через которых сохраняет жизнь. Знать, глубоко верующие во Христа профессора получили от Сталина вечную ссылку в Заполярье, чтобы сохранить жизнь попавшего в заключение монашонка. Через начальство профессора отправили меня на материк.

Дорога в Сибирь

Господь спасает всякого человека, спасает его через людей. Так и монаха Серафима. Бог всегда спасал и свои дела творил через добрых людей. Через добрые дела людей и творятся дела Божии.

Настало время собираться на этап. Хотя мне очень не хотелось оставлять сказочную землю Заполярья, не хотелось оставлять своих врачей-добродетелей, но приходится повиноваться, ибо всё, что делается через людей к добру, это дела Божии. А Божии дела - всегда ко спасению.

Погрузили нас человек триста в большую баржу и привезли в Дудинку. Из порта Дудинка повезли по Енисею в Красноярск. Дорога была трудная, медленная и утомительная, хотя и питание было сносным, Заполярным. Привезли в Красноярск, перегрузили на поезд. Это были не товарные, как раньше, вагоны, а переделанные пассажирские, с решётками. Привезли на станцию Тайшет.⁶⁴ На сортировочном пункте отобрали тех, кого посчитали здоровыми и отправили на лесоповал и строительство дорог. А нас, инвалидов, отправили в сельскохозяйственную колонию.

Прибыли мы к воротам колонии. Этап инвалидов, прибывших из Заполярья, вышла встретить сама начальница колонии Анна Ивановна. Она пристально осмотрела всех нас и сказала: «Ишь каких инвалидов прислали. Вон, какие у них толстые шеи. У меня таких справных, как они, работяг нет. Завтра же послать их на работу». Кто-то из нас крикнул: «Начальник, а - в баню?» В зонах заключения был такой порядок - прибывший этап первым делом водят в баню, а уж на второй день посылают на работу. Начальница прошлась вдоль строя, бдительно приглядывалась, кто это крикнул. Увидя меня, сказала: «Ну, ты, чертяга, выйди из строя». Я вышел, встал перед строем, ноги у меня подкосились, всё во мне дрожит, как будто меня сейчас будут убивать. «Ну, чертяга, что ты можешь делать?» Дрожащими от страха губами сказал: «Всё». Потом она дала команду вести строй в зону.

А немного спустя, приходит из конторы дневальный и говорит мне: «Григорьев, тебя вызывает начальник». Ну, думаю, пропал, не знаю, вернусь ли живым. Прихожу в контору, начальница сидит одна и спрашивает, могу ли я поварить. Я ответил, что могу. «Ну, тогда сейчас же иди на кухню и принимай

⁶⁴ См. фото № 8 (вокзал Тайшета 30-50-е годы и вид Тайшетлага).

всё её хозяйство. Будешь старшим поваром. Только смотри у меня, работяг корми хорошо, а то я с тебя кожу сниму», - сказала она.

Пошёл я и принял кухню, стал варить пищу на 1800 человек. Заботился, чтобы, как сказала начальница, все были сыты, думал только о работягах, а о себе - как придётся. Моей работой начальница осталась довольна. Через несколько недель она пришла на кухню с проверкой и, увидев меня, пришла в ужас от того, что повар такой доходяга: «Сейчас же снимай куртку и сдавай кухню. А ты, Вася, принимай её. Какой позор начальнице, что у неё повар такой доходной! Скажут, знать, она плохая руководительница». Она привела меня в контору и сказала: «Вот тебе неделя отдыха. Лежи в бараке, ничего не делай, ходи на кухню и ешь. Ешь, что хочешь и сколько хочешь, а когда поправишься, пойдешь обратно принимать кухню». Это Милосердный Бог заботился о Своем рабе и внушал доброе расположение добрых людей.

Начальница Анна Ивановна по жизни была очень доброй женщиной. Она сама сидела 10 лет в тюремных лагерях и очень сочувствовала несчастным людям. Для видимости она показывала себя грубой к заключённым и матерщинницей. Это помогло ей оставаться начальницей лагеря, ведь программа коммунистической идеи в том, что ничего нельзя делать доброго для людей, только требовать с них и жёстко применять закон.⁶⁵ То-

⁶⁵ Читатель, воспитанный советской системой, может принять эти слова за неправду. Ведь с пелёнок его учили, что «рабоче-крестьянская» советская власть заботится о человеке, отстаивает равенство и справедливость. Но прав о. Серафим, считая «программу коммунистической идеи недоброй». Сам основоположник коммунистической теории К.Маркс считал главными в своём учении: идею диктатуры пролетариата (жёсткое насилие); идею классовой борьбы, как движущей силы истории (фактически гражданской войны); идею мировой социалистической революции (переворот во всём мире через вооружённое восстание). Массовые репрессии, которых не избежала ни одна из 14 социалистических стран, были следствием этих и других марксистских идей, реализуемых через насилие над человеком. Да и идею «социализации» женщин

гда ты и будешь на руководящем посту. Анна Ивановна хорошо это понимала и для видимости вела себя очень жёстко, а на самом деле была очень добрая, как мать родная. Работяги её понимали и с усердием работали, чтобы не подвести свою начальницу. Её колония была всегда впереди и по выполнению плана, и по порядку в зоне. Все заключённые её любили, слушались и старались. Меня Анна Ивановна тоже полюбила, жалела, помогала, спасала жизнь слабенького монаха. Я сначала думал, что Анна Ивановна обращалась со мной вежливо потому, что я монах. В моих формулярных документах, оказывается, было написано, чтобы меня не обижали.⁶⁶ Это было повеление свыше, от Господа, Господь посылает внушение, Он бережёт своих избранных и через людей сохраняет им жизнь для пользы прославления имени Господня.

Шёл 1943 год. В зонах заключения была большая вшивость, с ней боролись. Зона Анны Ивановны достигла полной победы над вшивостью и была на первом месте среди других зон, её ставили в пример. Из соседней зоны к нам прибыл начальник Псарёв Александр. Он упросил Анну Ивановну отпустить меня к нему поработать по борьбе с вшивостью. Она не хотела меня отпускать, но по долгу вежливости, как начальник - начальнику, уступила. Анна Ивановна вызвала меня и говорит : «Григорьев, ты мудрый человек. Начальник соседней колонии измучился вшивостью заключённых. Пожалуйста, поезжай к нему на месяц, а потом вернёшься ко мне».

Поехал я с новым начальником в Тайшет. Он был молодым человеком, лет 26-ти, у него была добрая душа. Прибыли

и общественного (а не семейного) воспитания детей «доброй» не назовёшь. Не назовёшь таковой и идею уничтожения частной собственности и её обобществления, то есть грабёж не только «эксплуататора», но и крестьянина (коллективизация).

⁶⁶ Видимо, это был единственный случай в античеловечной системе советских концлагерей (если случай действительно был).

мы в город Тайшет, принялся я за обработку заключённых, бригаду за бригадой промыли всех в бане. Одну очередь пропустили, другую, и так сделали несколько раз. Вшивости не стало.⁶⁷

Начальнику Псарёву из управления пришла благодарность за хорошее руководство в борьбе с вшивостью. Он настолько меня возлюбил, что и не думал отпускать меня назад в колонию к Анне Ивановне, которая требовала вернуть ей заключённого. Она обжаловала действия Псарёва в управлении зон, из него приехали начальники и хотели забрать меня под конвоем. А Псарёв вызвал меня, приказал лечь в больницу и сказал, что как только начальство уедет, так я и выйду из больницы. Так было и сделано. Была большая борьба, вплоть до стрельбы начальников друг в друга. Псарёв настоял на своём и никуда меня от себя не отпустил. Начальство с этим согласилось, потому как он молодой и работает в тайге в трудных условиях. И меня ему уступили.

Тайшет

Этот небольшой сибирский город стоит на пути в Иркутск. Вокруг города лес, в лесу много малины, грибов и ягод. Колония заключённых, где начальником был Псарёв, называлась «зоной № 2».

В этой зоне я работал сначала санинструктором по борьбе с вшивостью, потом меня сделали старшим поваром на кухне, затем заведующим прачечной, а потом заведующим продуктовой кладовой.⁶⁸ Потом Псарёв пожелал, чтобы я работал у него

⁶⁷ Вряд ли этим объясняются успехи о. Серафима в борьбе с вшивостью заключённых. Без сомнения, эту процедуру проводили и до него. Но без батюшки процедура была «почему-то» безрезультативной (см. об этом в *Приложении № 2*).

⁶⁸ По описаниям писателей Александра Солженицына и Варлама Шаламова - многолетних узников сталинских концлагерей, эти должности в зоне были самыми пре-

в квартире, помогал его жене по хозяйству.⁶⁹ Я делал у него дома всё: варил обеды, стирал бельё, мыл полы, а в свободное время читал книги и вышивал.⁷⁰ Так проходила моя лагерная жизнь в Тайшете с 1943 по 1945 год. Жил, конечно, как у Христа за пазухой. Бог положил на сердца людям везде меня любить и жалеть.

Жизнь свою в заключении я принимал, как подвиг. Всегда молился, как только находил свободное время. А Иисусова молитва никогда не умолкала в моих устах.

Однажды со мной случилось дивное приключение. В свободное время пошёл я пособирать малину. Нашёл хорошую поляну, где было много ягоды, стал её собирать. Слышу, кто-то сзади сопит. Оглянулся, а это со мной вместе малину собирает медведь. Он стоял на задних лапах, а передними рвал малину и закладывал себе в рот. Меня обдало жаром и холодом, но потом пришёл в сознание. Чего же я стою? Надо уходить! И потихоньку стал удаляться от медведя. А он повернулся мне вслед, смотрит на меня и чуть ли не говорит: «Чего же ты уходишь? Давай собирать вместе».

Такое повеление Божие! И зверям не велено трогать беззащитных людей. Потом, когда приходил на это место за малиной, был уже смелее. А в мыслях было, что Бог не допустит, и зверь не тронет. Звери будут, как друзья, будут даже помогать жить в лесных условиях.

стижными («блатными»). Они, как правило, захватывались «авторитетами» из уголовников. Но Псарёв, видимо, был нетипичным начальником, поставив на них честнейшего человека с целью недопущения хищений и других мерзостей, распространённых в лагерях вокруг этих должностей.

⁶⁹ Типичнейшая для советских зон заключения практика - заводить личного слугу из «зэков».

⁷⁰ Те, кто видел батюшкины вышивки, убеждаются, что сделаны они мастером высокого класса (см. об этом *Приложение № 2*).

Путешествие

Моего начальника Псарёва назначили в колонию, которую надо было ещё построить. Он поехал на новое место и меня забрал с собой. Ехали мы вглубь тайги по направлению Братска.⁷¹ Была зима. Там, где нельзя было проехать машине, ехали лошадьми. Прибыли на место строительства лагеря. Мороз был градусов 50-70.⁷² Расчистили снег, натаскали большую кучу сухого валежника, подожгли. Расселись вокруг нашего костра. Спереди костёр греет, а сзади мороз примораживает. Мы спасали себя тем, что поворачивались у костра, то спиной к нему садились, то лицом. Так просидели до утра и даже немного дремали.

Наутро прибыло начальство, сделали разметку для постройки бараков, и пошла работа. Для временной жизни натя-

⁷¹ Война закончилась. Но Сталин приказал строить новые колонии, хотя Сибирь и так была густо заселена ими. Для кого они строились? Кого предполагали в них «заселять»? Это коммунистическая власть готовилась к «благодарности» советским воинам за победу над Германией. Если воины попадали в немецкий плен, то должны были быть наказаны по чудовищным советским законам 15-летними сроками в отечественных концлагерях. Ни в одной стране мира такого кощунственного отношения к пленённым соотечественникам не было и нет. Везде и всегда пленные считались героями, защищавшими Родину. Лагеря готовились и для гражданских лиц, которые в годы немецкой оккупации работали, получая зарплату от немцев, на железной дороге, в шахте, заводе, колхозе. (Колхозы Гитлер сохранил, признавая их уникальность в изъятии крестьянской продукции). Но, интересно, на какие тогда средства должен был жить человек, оставленный государством, порой, на несколько лет под иноземным игом? Эти лагеря заполнятся и действительно заслуживающими наказания «власовцами» и полицаями. Но туда пойдёт и интеллигенция: писатели, музыканты, актёры, режиссёры, биологи, врачи, неугодные генералы и офицеры, партийные и хозяйственные руководители и др. Сталинские концлагеря выполняли и хозяйственную функцию. Не менее четверти валового национального продукта СССР производилось именно здесь за счёт труда заключённых (см. *Приложение № 5*). Не случайно, география зон заключения о. Серафима полностью совпадает с будущими важными экономическими центрами: Норильск, Братск, Тайшет.

⁷² Здесь у батюшки преувеличение, вызванное личным ощущением петроградца, не привыкшего к низким температурам. В Братске температура редко опускается до 50 градусов, но до 70 градусов - никогда. Температурой минус 35-40 С° здесь никого «не удивить».

нули палатки, поставили железные печки и топили их днём и ночью: сушняка было много. Первым делом построили домик для начальника, потом бараки для заключённых. Это место мы называли Рассохой, так как там было много сухой кедров. Кедров стояли целыми плантациями.

На Рассохе мы прожили год. Начальник был очень энергичным человеком. По разговорам в домашних условиях, я видел, что он жалеет заключённых. Он говорил, что их надо кормить хорошо, тогда и работа будет идти успешно. Он так и поступал. Потому все работяги его хвалили и работали хорошо. А заключённые из других лагерей просили назначить их в колонию, где начальником был Псарёв. За доблестную работу его награждали и повышали. Там, где был прорыв, его туда и переводили.

Когда в лагере Рассоха жизнь пошла полным ходом, моего начальника направили в новое место к Братску. Он взял меня с собой, путь был нелёгкий. Когда бывало трудно, начальник говорил: «Сеня, ты святой человек⁷³, подскажи, как поступить с этим делом». В чём мог, я подсказывал.

Я говорил ему, что Бог всегда вознаграждает добрых людей, Он отмечает тех, кто никого не обижает. Тогда Бог всегда будет присутствовать Своим Всесильным Духом и невидимо им помогать. Начальник Псарёв так и стал делать. Был очень добрым, хотя, бывало, на кого-то и накричит, но в обиду не давал. Всех жалел и ко всем хорошо относился, делал всё с улыбкой. А несчастным заключённым очень дорого ласковое слово. И дело у Псарёва всегда шло успешно.

⁷³ В этих словах, видимо, и заключается успех популярности о. Серафима в глазах Псарёва, Анны Ивановны и других. В 40-е годы ещё было много людей, воспитанных если не в Православной вере, то хотя бы в православной культуре. Они не могли не понимать значения Божественного, или хотя бы чувствовать его в связи с батюшкой Серафимом.

Братск

Мы с начальником прибыли в небольшую деревушку из семи домов. Она стояла на берегу реки Ангара и называлась Братск. Место было очень красивое: большая река Ангара, кругом сосновый и кедровый бор, полно всяких зверей.⁷⁴ Рядом были развалины крепости. Название «Братск» произошло от семи братьев, которых при царе выслали за политику в Сибирь. Им отвели участок, приказали здесь жить. Сказали: «Если уйдёте, то поймем и заточим в тюрьму». Братья охотились, за пушнину выменивали всё, что требовалось для домашней жизни.

Моего начальника временно направили в Шестаково, он опять меня взял с собой. Шестаково стоит на берегу реки Ангара, место - просто Божественное, очень красивое. Только лето там маленькое, всего три месяца. А нас с начальником прислали только на одно лето. Селение Шестаково произошло от фамилии Шестаковых, которые были сосланы сюда при царе за политику. Им запрещали удаляться из этого места на определённое расстояние. Тогда, как рассказывали нам в селе, они стали женить сыновей на дочерях. Вот и жили брат с сестрой. Так получилось целое селение из 18-20 домов.

Природа там ещё лучше, чем в Братске, там такие чудные леса! Они были полны всяких лесных съестных растений: грибов, черемши, саранок, ягод и др. Тут моя мечта вновь возгорелась, вот бы, думал я, устроить здесь пустыньку, жить и молиться Богу. Какого только питания тут не было!.. Но беда в том, что я заключённый и без разрешения никуда не могу отлучиться. Это была моя горькая дума. Но я славил Бога, что он послал мне начальника, который держит меня как родного.

⁷⁴ См. серию фото № 9 (Ангара).

Пробыли мы лето в Шестакове, наладили работу и вернулись обратно в Братск. Я жил в квартире у начальника, у него была жена Антонида И. и дочка. Я был их домработницей. Я не только делал всё по хозяйству: варил обеды, стирал, мыл полы, но и водил девочку в лес гулять. Девочку займу рвать цветы, а сам кладу поклоны и читаю молитвы. Так в квартире начальника я прожил три года.

Ко мне в семье уже привыкли и считали меня её членом, всё мне доверялось. Хозяйка всегда советовалась со мной, как лучше и что сделать. А я больше всего просил не обижать заключённых. И это сказалось в хорошую сторону. Начальник был на первом месте среди всех колоний, получал премии.

Один начальник из управления пожелал забрать меня от моего начальника. Приехал за мной,⁷⁵ но мой начальник меня не отдал. Был у них спор, и дело дошло до револьверов. Я в это время вышел в коридор и им помешал. Кончилось тем, что моего начальника вызвали в управление зон и за покровительство заключённому вынесли выговор. Но он всё же меня не уступил, и мы остались жить вместе, как одна семья.

Но один раз я огорчил начальника, и он меня обозвал: «Ух, ты Христос-проповедник!». Три дня на меня сердился, потом стал опять добрым. Оказалось, что я был прав. Жить мне было хорошо, все меня любили, а начальнику завидовали, говорили, что у тебя такой парень смыслённый и хороший помощник в жизни. Он отвечал, что это всё потому, что я монах, а монахи все люди честные и трудолюбивые.

Заклучённые мне завидовали и говорили: «Сеня, какой ты счастливый! Живёшь у начальника, как у Христа за пазухой». Да! Действительно, Христос хранил меня, так как я с дет-

⁷⁵ Вполне типичное поведение советского рабовладельца, считавшего заключённого своей личной собственностью.

ства Его любил, с детства нёс подвиги ради любви к Христу. Вот Господь и смягчает злые сердца и располагает их к добру, дабы вознаградить монаха. У Бога ничего не пропадает и не бывает забытого.

Всё, что сделано ради Господа, сделано себе. То, что ки-нешь позади, поднимешь впереди.

Освобождение

Прожил я в заключении восемь лет. Это было самое тяжёлое время, ибо тогда была война с немцами. Везде голод, везде разруха, люди бедствовали, везде смятение и смерть.

Всевышний Промыслитель и в самые трудные годы посылает своим избранным спасение. В Писании сказано, что ни один волос не падёт с головы без ведома Бога.

Видя мою немощь и слабость, дабы спасти мою жизнь от войны, Бог попустил забрать меня в тюрьму. В тюрьме жизнь была на волоске, но Бог не попустил моей смерти. Тюрьму вывезли в тихое место, где не было войны. В дороге нас преследовала смерть голодом, Господь послал сил терпеть, и я остался жив. В камере сидели на корточках 11 месяцев, но всемогущая рука Божия укрепила мне претерпеть. В Норильске меня настигла смертная болезнь, но Господь воскресил меня. Вывезли в Сибирь на мороз, Господь согрел. И, наконец, он послал человека, который меня возлюбил и взял к себе жить на квартиру. Я отбывал последний срок в квартирных условиях. Это всё - промысел Божий, Его Всемогущая рука, Она везде поддерживает того, кто бережётся для дальнейшего служения Богу.

Шёл 1949 год. Настал день моего освобождения, начальнику жалко было меня отпускать. Он просил остаться у него навсегда, как родного отца. Но мне было тяжело жить и видеть,

как заключённых мучают, скорбно и очень тяжело смотреть на невольников. Я сказал начальнику, что остаться не могу, поеду туда, где мог бы служить Богу. Тогда начальник предложил: «Сеня, если Вы не можете жить здесь, потому что будете видеть заключённых, тогда поезжайте к моим родителям в Мурманск. Там у Вас будет отдельная комната, поставите своих богов». Но моего согласия на это не было, меня призывала одна мысль, идти в храм и служить Богу в храме.

Новосибирск

По освобождению из заключения я приехал в Новосибирск. Всё лето ходил в храм на утреннюю и вечернюю службу. Днём ходил по городу, отдыхал на кладбище, питался милостыней. Никто меня ничего не спрашивал, и я никому ничего не говорил. Почему так, сам не знаю.

Так и прошло лето, пришла зима. В Сибири она морозная, а жить мне негде. На улице было холодно, грелся только тогда, когда приходил в церковь. Потом шёл на вокзал, чтобы там посидеть в тепле, но милиция не давала покою. Милиционеры ходили и не давали дремать, спрашивали, куда я еду, говорили, чтобы не спал. Не было покою на вокзале. Что делать? Знакомых нет, сам ничего никому не говорю и не прошусь ни к кому, дабы обратно не попасть в тюрьму. Поэтому я стал мало бывать на вокзале. Выходил из церкви и по морозу ходил по улицам города, Бог укреплял и сохранял меня. Так прошёл целый год после моего освобождения.

С Божией помощью весной мне пришла мысль пойти к епископу. В Новосибирске тогда служил митрополит Варфоло-

мей.⁷⁶ Говорили, что он добрый архиерей и, что всем помогает. Пришёл я к митрополиту Варфоломею, получил благословение и попросил место в церкви хотя бы пономарём. Владыко хотел меня послать в приход служить диаконом, но я рассказал ему о том, что когда был в Норильском лагере, то перед лицом смерти просил у Бога оставить меня в живых, дал Богу обет, что если выеду на материк живым, то буду жить два-три года в пустыне.

Митрополит сказал: «Кто даёт обет Богу, его он должен выполнить и не быть обманщиком». Он спросил, куда бы я хотел поехать в пустынь. Я ответил, что в Тобольске два монаха живут в лесу, и я думаю поехать туда. Я надеялся увидеть монахов в Тобольском соборе, куда, как слышал, они приходят по большим праздникам на службу. Попрошусь к ним, может, они меня и возьмут к себе пожить в пустыне, ибо я обещал Богу в подвигах молиться. «Благословляю тебя в пустынь, - сказал митрополит, - А деньги-то на дорогу у тебя есть? Как жаль, что у меня сегодня было много посетителей, и я все деньги раздал». Митрополит полез в карман, выгреб всё, что у него было, и отдал мне. «Вот, что осталось, поезжай с Богом, потом я тебя рукоположу в диаконы и пошлю на приход».

Получил я благословение для поездки на подвиги. Пришёл на вокзал и взял билет в общий вагон. Объявили посадку,

⁷⁶ Митрополит Варфоломей (Городцов) с 1943 г. возглавлял Новосибирскую и Барнаульскую епархию, доктор богословия, автор многих статей на богословскую тематику и акафистов, составитель службы свт. Иоанну Тобольскому. В 1949 г. чиновник Новосибирского облисполкома писал: «Архиепископ Варфоломей — фанатично религиозный человек, с глубоко консервативными взглядами, большой приверженец русской старины, благожелательно относится ко всему русскому и отрицательно — к немцам и вообще к инаковерцам, особенно к баптистам и католикам, ревностный служитель Православной Церкви, стремящийся всеми силами и средствами расширить влияние Церкви, упрочить ее положение, уберечь духовенство и верующих от всякого прогрессивного влияния извне. В этих вопросах он неумолим, несмотря на свой возраст». По свидетельству очевидцев, владыка Варфоломей был большим постником и молитвенником, в общении прост и доступен, а его милосердие и доброта были безграничны. См. фото № 10-12 (о. Варфоломей).

все пассажиры пошли на посадку, пошёл и я. Посадка была сразу на два поезда, один - на Ташкент, другой - на Омск. Ташкентский поезд стоял по левую сторону перрона, а омский - по правую. Я подошёл к своему вагону, проводница в то время стояла в стороне и разговаривала с другим проводником. Я сел в вагон, поезд пошёл. Часа в 4 утра была проверка билетов. Подошли и ко мне, я вынул билет и подал его. Старший контролёр смотрит, и что-то ему видится не то. Покрутил билет, смотрит на меня и спрашивает: «Вы куда едете?» Я ответил, что в Омск. «Какой тебе Омск? Ты скоро приедешь в Ташкент». Тут он обратился к проводнику: «Вы как его посадили?». Она пожала плечами и молчит. Я вижу, тут беда, не хочу, чтобы её наказали из-за меня, сказал, что когда я садился, её позвал какой-то начальник. «Что же делать, ведь он не на тот поезд сел? - спрашивает контролёр. - Ему надо ехать в Омск, а он едет в Ташкент». А старший ответил: «Высадить, вот и всё».

Через 15-20 минут поезд остановился, и меня высадили на разъезде. Тут было только три пути, справа рос сосновый бор и - слева. Стою я и думаю, куда же мне идти. Ведь я ехал почти всю ночь, пешком обратно мне не дойти. Где я нахожусь, не знаю. Спросить не у кого, кругом лес, только для дежурного путей стоял маленький барак.

Мне мигом пришла мысль, что надо идти, куда поезд вёз. И я пошёл по путям за поездом. Через километр сосновый бор кончился, открылась большая долина, а вдали виднелся какой-то город со шпилями, а на шпилях висел полумесяц. Что за чудо такое? Отродясь, такого города не видывал. Может, это я попал на Небо, на другую планету? Ведь у Бога всё возможно! Раз я сел не на тот поезд, знать, такой был промысел Божий. Божии судьбы неисчерпаемы. Солнце поднялось на горизонт. Навстречу мне быстро шла женщина с граблями, видно, сено перевора-

чивать. Я спрашиваю её: «Тётенка, какой это город?». «Семипалатинск», - ответила она, не останавливаясь.

Семипалатинск? Что за город такой? Я такого и не слышал. Здесь какие-то шпили с полумесяцами, а куполов нет. Я попал на какую-то иную планету? Через полкилометра увидел купол с крестами. Слава Тебе Боже, есть церковь! На душе стало веселей, и я направился в сторону церкви.

Вошёл в город, в городе было много зелени и песка. Я видел, в какой стороне стояла христианская церковь, но в городе всё не мог попасть к ней. Спросить - я не охотник, никогда не спрашиваю, что мне надо, всегда стараюсь найти сам без спроса. Так я и проходил целый день, а попасть в церковь не мог.

Пришлось спросить у первой попавшейся гражданки. Она указала в сторону железной дороги за переездом. Прошёл я метров 300 и увидел церковь с пятью куполами.⁷⁷ Церковь была величественная, белая, как Христова невеста. На душе стало радостно оттого, что я увидел матушку нашу спасительницу. Я прослезился, ведь церковь столько душ спасала и сейчас спасает!

Целый день я проходил не евши и про голод забыл от радости, что увидел церковь. Это была трёхпрестольная церковь. Главный придел - в честь Воскресения, правый - в честь Митрофания Воронежского, левый - в честь архистратига Михаила. В церкви шла вечерняя служба. Я вошёл и встал с левой стороны, напротив придела Архангела Михаила, это стало моим любимым местом, я стоял у колонны напротив алтаря.

Служба закончилась, все молящиеся пошли подомам, а мне идти некуда. Вышел я из храма, пошёл вокруг него рассматривать церковь, перед алтарём увидел несколько могилок.

⁷⁷ См. фото № 13-14 (Воскресенский собор в Семипалатинске).

Здесь хоронили священнослужителей храма. У стенки алтаря была могила с мраморным памятником, на нём было написано: «Сей иерей Евфимий прослужил в этом храме 50 лет». Подумал, прослужил 50 лет и - только иерей?

Почему-то эта могила стала близка моему сердцу, было такое чувство, что я пришёл к родным в гости. Меня тепло приняла Божия благодать, и я решил остаться возле могилы ночевать. Помолился, присел, прижался к алтарной стене, стал читать Иисусову молитву и сладко уснул, как в хорошей квартире.

Так и продолжалась моя жизнь в городе Семипалатинске на могиле иерея Евфимия. Утром и вечером всегда бывал в храме, стоял на своём обычном месте. Питание моё было - кто подаст копеечку, за эти деньги покупал хлеб. После службы ходил на реку Иртыш, что была рядом с храмом. Поем хлеба, попью воды и опять иду в храм, а ночевать - к могиле Евфимия. Мне здесь было так хорошо и радостно!

Никто меня не беспокоил*, никто ни о чём не спрашивал, а я и рад был, что не спрашивают. И сам я не люблю надоедать людям, что-либо просить и объясняться. Прожил на могиле Евфимия месяц, как в родной квартире - тёплой и уютной, притом благодатной. Я был неохотник выпрашивать о чём-либо, но про могилу я расспросил. Почему человек прослужил в храме 50 лет, а умер только иереем?

Одна верующая женщина мне рассказала, что Евфимий был святым в жизни. Он избегал всяких почестей и был прозорливым. Она его помнит, так как он часто приходил к её родителям. Она рассказала, как отец как-то сказал матери: «Вы его считаете святым, а он всегда носит в кармане четушку водки⁷⁸ и за углом пьёт». На второй день после этого разговора к нам

⁷⁸ В описываемое время водку продавали в «четушках» (250 гр.), в «поллитрах» (500 гр.) и «четвертях» (4 л.).

пришёл отец Евфимий и говорит: «Шёл мимо вашего дома и решил зайти к своим любимым. Параскева, подай-ка нам закусь, мы с Федей выпьем». Он вынул из кармана четушку, а мать подала три рюмки. Батюшка разлил по рюмкам и говорит: «Ну, Федя и Параскева, выпьем за пьяницу Ефимку». Выпили, и батюшка сразу же ушёл.

После его ухода мать сказала отцу, что грех тебе говорить плохо про святого отца. Ведь сам видишь, что он пьёт святую воду. А отец говорит: «Как воду? Я же пил настоящую водку». А мать ответила: «Какую водку? Ведь я пила из его четушки воду». Так праведный отец Евфимий сотворил чудо. Всем лил из одной посуды, а каждый пил то, что он хотел, одни - воду, а другой - водку. На самом деле Евфимий при себе носил в четушке святую воду и всегда пил из неё перед народом. Это он делал для того, чтобы навести на себя дурную славу, чтобы его не хвалили, а хулили. Потому и было у отца Евфимия прозвище «Ефимка-пьяница».

Одна вдова мне рассказала, что у неё весной не хватало сена для коровы, а купить было не за что. Погоревала она вечером, а на другой вечер подъезжает воз с сеном. Отец Евфимий стучит в ворота и кричит: «Анастасия, принимай сено». Завёз во двор и уехал, денег за сено не взял. Только сказал: «Вот, ты горевала, а Бог пришёл тебе на помощь». Много рассказывали о прозорливости отца Евфимия, а мне сподобилось ночевать у него на могиле. И я молился, дабы покровительствовал он мне и направлял мою жизнь своими молитвами.

Сновидение

Однажды на могиле Евфимия я видел сон. Будто я пришёл на святой ключ, пройдя город, сосновый бор и небольшую

деревушку. За этой деревней, на берегу Иртыша, и был ключ. Пришёл я туда, стал пить воду из ключа. Она была такая благодатная! И я сказал себе, что буду жить в лесу неподалеку, а сюда буду приходить пить воду.⁷⁹ И проснулся.

Утром, после службы, сижу я на могиле Евфимия и кушаю хлеб с зелёным луком. Подходит ко мне дяденька, которого я всегда видел на паперти, просящим милостыню. Подойдя ко мне, он говорит: «Здравствуй, брат. Ты меня не бойся, я такой же, как и ты. Я всегда вижу тебя здесь на могиле, я знаю, что ты тут ночуешь». И он рассказал о себе, что он ссыльный и что нарочно притворился ненормальным, чтобы его не принуждали работать. Он много перестрадал в тюрьмах, а сейчас посвятил себя на подвиги. Чтобы не было придинок, он стал сумасшедшим. Паспорта ему не давали.

Я рассказал о себе, что я тоже из лагеря, что тоже сидел в тюрьме, что в заключении находился 8 лет, что Бог привёл меня в сей город. Здесь я избрал для подвига ночевать на могиле, поэтому ни к кому не прошусь на ночлег. И я рассказал ему про свой сон с ключевой водой.

Рядом была деревушка под названием Крепость. Она появилась еще при царе Петре Первом и охраняла рабочих, которые по реке Иртыш переплавлялись в Усть-Каменогорск, где были большие золотые прииски. Когда в Усть-Каменогорске была выстроена другая крепость по охране золота, то первая

⁷⁹ Святой Ключ - это старинная святыня Семипалатинска, место, где около 300 лет назад состоялось явление Чудотворного образа Божией Матери. По древнейшей традиции, в день памяти явления Казанской иконы Пресвятой Богородицы (21 июля), сюда стекается множество паломников. Совершив Крестный ход, служат здесь молебен Царице Небесной, а затем все присутствующие окропляются святой водой из чудотворного источника и помазываются священным елеем. В годы коммунистического правления монастырь, существовавший на Святом источнике, был разрушен, насельницы его изгнаны, а сам источник неоднократно пытались засыпать и память о нём истребить. Но тропа к Святому Ключу не зарастала. В 2004 г. Святой Ключ был восстановлен (См. фото № 15).

крепость осталась только маленькой деревушкой. Она была заселена кубанскими казаками...

Этимися словами, к сожалеению, обрывается рукопись батюшки Серафима.

Приложения

Приложение № 1

Ответ из Лузгарино (места последнего проживания о. Серафима) на запрос составителей книги об авторе «Дневника»

Батюшке Серафиму был указан путь к источнику, где он и поселился. Прожил там три года. Туда его сопроводили две монахини. Ближайшая от пустыньки церковка была в честь Абалацкой Божией Матери.⁸⁰

Митрополит Новосибирский и Барнаульский Варфоломей (Городцов) был прозорливым и разыскал батюшку Серафима. Послал настоятелю церкви сообщение, что где-то у Вас подвизается убогий Серафим. Но настоятель ничего об этом не знал. Он спросил у монахинь, не знают ли они Серафима. И они признались, что он живёт в пустыньке, скрывая свою жизнь от людей. Матушки сообщили Серафиму, что его к себе вызывает

⁸⁰ В 1170-м г. при осаде Новгорода случилось знамение от иконы, на которой была изображена Пресвятая Дева с воздетыми молитвенно пречистыми руками и изображением на щите в области Ее груди благословляющего Предвечного Божественного Младенца. В дни моления во спасение архиепископ Илия услышал голос, повелевающий ему взять образ Пресвятой Богородицы и вынести его на городскую стену. Во время перенесения стрела противника вонзилась в иконописный лик Богородицы. Из глаз Ее истекли слезы, и икона повернулась ликом к городу. После такого Божественного знамения на неприятеля внезапно напал неизъяснимый ужас, они стали истреблять друг друга. Новгородцы победили. С этого момента икона и списки с неё стали именоваться «Знамение». Списки с этой иконы известны многие. Один из них - абалацкий, названный по местности Абалак близ Тобольска, где был построен в её честь деревянный храм. Список был сделан протодьяконом Софийского собора в Тобольске иконописцем Матфеем. Стали известны многочисленные случаи исцеления от этого списка. В 1720 г. во время экспедиции майора Лихарёва икона была, видимо, насильно увезена в Семипалатинск (есть версия, что во время молебна судно с этой иконой само ушло вверх по Иртышу). Здесь она и находилась. Потому имеет название Абалацкой-Семипалатинской. Икона исчезла в годы гонений коммунистов на церковь. Сохранились списки с того списка, обладающие чудотворной силой (См. фото № 16).

митрополит Варфоломей. Батюшка пришёл, и митрополит Варфоломей рукоположил его в иеродиаконы. Он послал его на приход в один небольшой городок в Сибири⁸¹. Люди его там очень полюбили. Но настоятелю отцу Владимиру это не очень нравилось, так как диакону стали отдавать предпочтение, а не священнику. Он предложил отцу Серафиму поехать в Кемерово, сказав: «Не хочешь ли в Кемерово поехать, повеселиться?» На что о. Серафим ответил: «Как Богу угодно».

Так и случилось ему оказаться в Кемерово при храме Божией Матери «Знамение», который строила монахиня Раиса.⁸² В этом храме, уже после матушки Раисы, о. Серафим прослужил иеродиаконом около двух лет. Митрополит Варфоломей вновь его вызывает и предлагает ему выехать в Ташкентскую епархию, предвидя, что ему будет очень трудно служить в Кемерово.

В Ташкентской епархии его рукоположили в священника и дали свой приход в Покровскую церковь села Покровка в Киргизии⁸³. Он там прослужил много лет. Потом стал сильно болеть и в связи с этим переехал в город Джамбул.

Матушка Евгения, которая познакомилась с ним ещё в Кемерово, с тех пор поддерживала с ним связь. Вышла на пенсию и, по его благословению, приехала к нему в Джамбул. Он постриг её в монахини 19 апреля 1979 г. в Великий четверг. Монахиня осталась при нём келейницей.⁸⁴ В Джамбуле для них был плохой климат и, по предписанию врачей, они переехали в село Шепси Туапсинского района.⁸⁵ На окраине они купили двухэтажный домик с садом и огородом. Наверху была устрое-

⁸¹ Город Ачинск Красноярского края.

⁸² Иеромонах Никон. Монахиня Раиса. Жизнеописание. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра. – 1977. – 48 с. См. фото № 17 (фото м. Раисы).

⁸³ См. фото № 18 (церковь в Покровке).

⁸⁴ См. Приложение № 2.

⁸⁵ См. фото № 19 (посёлок Шепси).

на церковка с алтарём. Там он и служил, а рядом в комнате - жил. Вокруг села были горы, река, лесок, каштаны. Днём отец Серафим уходил в лес. У него была там дальняя и ближняя пустынька, которые он сам соорудил.

А матушка Евгения оставалась по хозяйству. Господь дал восемь лет такой мирной, тихой жизни. Ездили на Новый Афон к ист. Иверской Божией Матери к пещере апостола Симона Канонита, ездили в Абхазию на ист. священномученика Василиска. Жили до случая нападения бандитов. Они пришли в масках, искали деньги. Перед тем, как прийти грабителям, у отца Серафима в алтаре замироточила икона Казанской Божией Матери. Сейчас эта икона находится у иеромонаха Феоктиста в Питере. Потом уехали на родину батюшки в Подмосковье, в село Лузгарино Шатурского района. Поселились на территории храма Казанской Божией Матери Трехпрестольный (Серафим Саровский и Параскева мученица).⁸⁶

Здесь прожили около двух лет. Батюшка умер в 1992 г. в больнице на руках монахини Евгении.

Похоронен при церкви, напротив алтаря.⁸⁷

На похоронах было 12 старцев с острова Валаам.

Рукопись. Без подписи. Без даты. Круглая печать

Приложение № 2

Беседа составителей книги со схимонахиней Манефой и монахиней Евгенией об игумене Серафиме. Кемерово. 26 апреля 2010 г.

Матушки, вы лично знали игумена Серафима. Как давно вы с ним познакомились?

м. Евгения⁸⁸ - Тогда мне было 23 или 25 лет, а сей-

⁸⁶ См. фото № 20 и 21 (Лузгарино. Храм и домик, в котором поселился о. Серафим).

⁸⁷ См. фото № 22 (могила о. Серафима).

час - 80. Батюшку прислали к нам в Кемерово. Он служил в храме диаконом, в котором я три года работала бухгалтером.

Это Вы были той келейницей Евгенией, на руках которой умер батюшка Серафим?

м. Евгения - Я была его келейницей с 1982 года и до кончины батюшки в 1992 году.

А когда и где вы родились?

м. Евгения - Я родилась в день Святителя Николая 19 декабря 1929 г. в г. Кызыле Тувинской республики. Там наша семья жила с 1912 г. Мирское моё имя Клавдия Степановна Спирина, потом - Скиденко. Сначала училась в педагогическом техникуме на учительницу начальных классов, но потом сменила профессию, стала бухгалтером, работала в хлеботорге. На работе знали, что я верующая, но что монахиня, не знали. Я уже тогда имела параман - пояс, который есть у всех монахов. Монашество тайно приняла в 1979 г. и три года (до пенсии в 1982 г.) по благословению батюшки Серафима ходила в мирской одежде. Батюшка Серафим сказал мне, мол, когда пенсию заработаете, тогда и приезжайте, будете со мной до конца жить. Так он и довёл меня до конца. А матушка Манефа (это моя родная сестра Мария) приезжала к нам и в Покровку, и в Шепси.

м. Манефа⁸⁹ - Я родилась на Благовещение 7 апреля 1924 г. Моё мирское имя Спирина Матрёна Степановна. Поступала в Томский медицинский институт, не поступила. Окончила факультет иностранных языков в Томске. Сначала работала учительницей немецкого языка. Но из-за того, что ходила в церковь, меня в 1960 г. из учителей уволили по 47-й статье.⁹⁰ В характеристике, которую мне дали для поступления на курсы ме-

⁸⁸ См. фото № 23 (фото м. Евгении).

⁸⁹ См. фото № 24 (фото м. Манефы).

⁹⁰ Бытовое выражение «уволить по 47-й» применялось в случаях принудительного увольнения (говорили - «по волчьему билету»).

дицинских сестёр, было написано, что из учителей меня уволили за религиозные убеждения. Мне говорили: «Отрекись от Бога, будешь работать в школе». Но я не отеклась. Потом работала, где придётся. Закончила курсы медсестёр. Мы жили в Кемерово на ул. Угловой. Тогда ещё были живы родители.

Как Ваша семья оказалась в Кемерово?

м. Евгения - После Кызыла семья жила в Алтайском крае. Там родители наши были закулачены,⁹¹ и они стали врагами народа. У них было восемь или девять детей (потом посчитаю по фотографии).

Матушки, а как к Вам попала рукопись отца Серафима?

м. Евгения - Когда я вышла на пенсию, я стала келейницей батюшки Серафима, сопровождала его в переездах, похоронила в Лузгарино. Эти листы мне попали вместе с батюшкными иконами. Когда он печатал эти листы, я не знаю.

Судя по букве красного цвета, с которой батюшка начал новый абзац, эти листы печатались в 80-е годы. Именно тогда появились машинки с двойным цветом лент. А почему на титульном листе рукописи стоит год его рождения 1911?

м. Евгения - А Батюшка говорил, что он не помнит год своего рождения. А год его смерти (7 ноября 1992 г.) на том листе уже поставила я.

На фотографии его надгробья из чёрного мрамора отчетливо видна дата - 1907 г. Думаю, на его родине в Лузгарино есть документы с точной датой его рождения, потому и дата такая проставлена.

Рукопись прерывается повествованием 1949 г. Отец Серафим пишет, что Господь указал ему пустыньку у родничка. И на этом запись прекратилась. Почему?

⁹¹ Употреблено в старом варианте произношения. В современном варианте принято - «раскулачили».

м. Евгения - Не знаю. Возможно, есть продолжение у отца Владимира, с которым батюшка много беседовал. Он сейчас живёт в Коробово. Это рядом с Лузгарино, где могилка отца Серафима.

Отец Серафим написал, что собирается в пустыньку на родничок. Что было потом?

м. Евгения - В той пустыньке на родничке батюшка жил три года. Когда он был в тюрьме, то заболел раком крови. Там он дал обет, что если выздоровеет, то три года будет молиться Богу в пустыньке. Новосибирский митрополит Варфоломей, который знал об этом обете, написал в Семипалатинск: «Там у вас убогий Серафим живёт, пусть он ко мне приедет». А в семипалатинской церкви не знали, кто такой Серафим. Знали, что молился здесь какой-то человек, а куда он делся? Но его по пустыньке знали две монахини. Он собирал для них ягодки, они продавали и приносили ему свечи. Монахини-то и сказали ему, что его Варфоломей вызывает.

Зачем?

м. Евгения - Варфоломей рукоположил его в дьяконы и послал в Ачинск, потом перевёл его в Кемерово служить в Знаменском храме.

Позвольте, но Знаменский собор был построен в 90-е годы после падения коммунистов. А здесь речь идёт о 1952 г., когда в Кемерово был только один храм - Никольский в Кировском районе.

м. Евгения - Нет. Вы говорите о Знаменском соборе. А здесь идет речь о храме. Около центрального универмага, там, где стадион, был ещё один храм - Знаменский. Его построила матушка Раиса с игуменом Феодосием (Борисовым). Храм тот разрушили, кажется, в конце 50-х начале 60-х гг.

м. Евгения - Отца Феодосия власти забрали и куда-то увезли. У матушки Раисы там была ещё сестра Нина, она ухаживала за свечками. Отец Серафим приехал в этот храм дьяконом.

м. Манефа - Храм был благодатный. Мама наша была его прихожанкой.⁹² Потом матушка Раиса жила у знакомой на Шахтстрое, там мы её посещали и даже ночевали у ней.

м. Евгения - Когда его разрушали, матушка Раиса предсказала, что в Кемерово будет большой Знаменский собор.⁹³

А почему отец Серафим вскоре уехал отсюда?

м. Евгения - Он сам попросился у митрополита Варфоломея. Отца Серафима в Кемерово очень полюбили. К нему ходило много людей. Это не понравилось настоятелю храма.

Видимо его выживали, и, наверное, жаловались на него владыке Варфоломею. В то время там служили молодые батюшки, один из которых позже даже отрёкся от сана.

м. Евгения - И митрополит Варфоломей перевёл батюшку в Ташкентскую епархию. Там его и рукоположили в священники и послали служить в храм села Покровское. Я туда приезжала и раньше, а потом (на пенсии) переехала к нему келейницей. Он там пристраивал храм, при храме было много цветов. В Покровке он и трудился до выхода на отдых.⁹⁴

⁹² От улицы Угловой, где жили Спирины, до храма - километра два.

⁹³ Преодолевая огромное сопротивление коммунистов, потерявших власть в 1991 г., но сохранившихся на многих ключевых политических и хозяйственных постах, а также сопротивление областного совета депутатов (председатель А.Г.Тулеев) губернатор М.Б.Кислюк возвёл Знаменский собор - самый крупный к востоку от Урала.

⁹⁴ Покровский храм был построен приблизительно в 1878 году. В конце 30-х годов закрыт, в нём устроили клуб. Центральный купол и колокольня разрушены. В годы войны в здании храма были поселены ссыльные карачаи, которые привели его в ещё худшее состояние. В 1945 г. храм был возвращён верующим. Восстанавливал его отец Леонид Евстратов. В нём до 1979 г. и служил отец Серафим. С 1983 г. по 1985 г. здесь служил известный старец-игумен Пафнутий Росохо (схиархимандрит Феофил, скончался в 1996г.).

А что за история с двухэтажным домиком под Туапсе, о котором говорится в справке из Лузгарино?

м. Евгения - Когда батюшка пошёл на отдых, он переехал в Джамбул, но там ему из-за климата не пожилась. Годы три пожил там и переехал на Кавказ. В Туапсинском районе мы купили двухэтажный домик на окраине станции Шепси. Там была всего одна улица. Дом был на два хозяина с разными входами. На нашей половине внизу была одна комната-кухня и наверху - три: зал, домашняя церковь и спальня батюшки. Жили там и молились. У нас был огорожок, фрукты. А какая природа была красивая! Он возил нас с Манефой в Абхазию в Новый Афон по следам Иоанна Златоуста. В Шепси мы прожили 8 лет, до 1990 г. или 1991 г. А потом батюшка сказал, что надо ехать умирать на родину. 7 ноября 1992 г. он и отошёл у себя на родине.

Он заболел, когда решил ехать умирать в Лузгарино?

м. Евгения - Он много лет болел астмой. А подтолкнуло его к отъезду вот что. Однажды в Шепси на нас напали трое бандитов. Тогда у нас монахиня была, мы с ней молились внизу. Бандиты связали нас и загнали под стол. А батюшка молился на втором этаже. У него там келья была и алтарь. Батюшка спокойно вышел из алтаря, они и его связали, посадили на стул, стали шарить по комнатам. Говорят, к тебе люди ходят и ездят, все они с подарками, значит, у тебя много денег от них. Какие деньги? Не было их у нас. Они перевернули всё даже в алтаре. Хотели унести с собой икону Казанской Божией Матери. Батюшка сказал: «Как же вы её возьмёте? Я же молюсь перед ней». Второй бандит сказал: «Пускай он молится». Батюшку повалили на пол и стали душить. А отец Серафим как крикнет:

«Святитель Николай! Помогай нам!» Как только он это крикнул, бандиты скорей-скорей засобирались и пошли на электричку. А нам сказали, чтобы не смотрели в их сторону. Когда они ушли, мы с монахиней развязались и батюшку развязали.

Нашли бандитов?

Нет, даже не искали. Да мы и не заявляли. Батюшка так наказал. И вот тут-то он и сказал: «Значит, пришло время мне собираться на родину умирать».

Выходит, батюшка принял нападение бандитов за знак.

м. Евгения - Мы всё сложили и уехали на родину к батюшке.

м. Манефа - Она его и похоронила. В больнице его хотели анатомировать, а она не дала. Уговорила врачей.

м. Евгения - Когда батюшка заболел, приехали из церкви и настояли, чтобы отец Сергей вызвал врача. Отца Сергия из Лузгаринского храма батюшка не обременял, а больше разговаривал с батюшкой Владимиром. Врачи еле уговорили батюшку лечь в больницу. Я приехала к нему, читала ему Псалтирь. Смотрю, он перекрестился, и вижу, что он скоро-скоро отойдёт. Он отошёл. Пришла врач, я ей сказала, что батюшку анатомировать нельзя, ведь он священник. Он и в больницу-то поэтому не хотел ехать. Врач долго не соглашалась, говорила, что закон не разрешает вот так отпускать. Уговорила я её. Она сказала, что, когда вечером все уйдут, тогда можно будет забрать тело. Так и сделали, привезли в Лузгарино и с иеромонахом Пантелеимоном облачили батюшку, положили в гроб и сразу же поставили в храм. Гроб у батюшки уже готовый был. Батюшка сам его заказал, сам его покадил. Он всё ходил и говорил: «Вот мой домик».

А какой гроб был?

м. Евгения - Белый. Он тканью был обит и внутри и снаружи. Приехали священники из лавры, читали Евангелие всю ночь. Приехал батюшка Феоктист из Питера, проверил облачение. Батюшка Серафим ему ещё при жизни наказал: «Помру, ты приезжай и проверь, как меня облачат». Выяснилось, что иеромонах Пантелеимон забыл крест положить. Он ещё молодой был. После похорон отец Владимир помог мне контейнер собрать. Туда мы поместили иконки, книги. А батюшкино облачение взял отец Власий, к которому мы съездили с отцом Владимиром в Калугу. Там мы ночевали по благословению отца Власия.

На могильной плите написано «схиигумен Серафим», а ниже - «Симеон». Записали, выходит, его монашеское имя и имя мирское?

м. Евгения - Нет. Когда ему дали схиму, то дали имя Симеон. Это было за три или четыре года до смерти. Он мне как-то сказал, что хочет умирать в схиме. Я поехала к архимандриту Симеону (я забыла, как называлась станция, где тот жил). Он был фронтовик. Я рассказала архимандриту о желании отца Серафима принять схиму. Архимандрит Симеон приехал и дал Серафиму схиму. Батюшка Серафим сказал, что в постриге он теперь будет схиигумен Серафим. Но архимандрит не согласился и сказал, что тот будет не Серафим, а Симеон. Батюшка промолчал, но нам сказал: «Я как был Серафимом, так и буду Серафимом». Так и настоял на своём.

Человек он, получается, был настойчивый?

м. Манефа - Он был всегда смиренным, но добивался своего. И надо только знать, каким он был болезненным, как задыхался.

м. Евгения - Только всего один раз он как-то сказал мне, что никто не знает, как ему тяжело, как он болен.

А Вы не знаете, почему отец Серафим так настаивал на сохранении своего монашеского имени? Тем более, что имя Симеон для него было родным, так его называли родители.

м. Евгения - Ведь он пострижен в монахи в честь Серафима Саровского! Отношение к этому святому у батюшки было особое. В своих подвигах он всегда подражал Серафиму Саровскому. Даже порой ходил в лаптях, как Серафим Саровский. Не раз он ездил к нему в Саров.

А когда его постригли в монахи? Об этом он не пишет.

м. Евгения - Батюшка нам говорил, что постригли его в Киеве, а служил он монахом в Ново-Афонском подворье в Петрограде.

Это был уже Ленинград. В своих записях батюшка ни разу не назвал этот город именем Ленина. При Вас он когда-нибудь называл его Ленинградом.

м. Евгения - Никогда. Он и нам всегда говорил, что это Питер.

Судя по всему, советскую власть и коммунистов батюшка не любил?

м. Евгения - Вот правильно сказал. Правильно, не любил он их. Хотя нам он про них никогда не говорил. А Питер он любил, много нам рассказывал про него.

А как Вы, матушки, сами к той власти относились?

м. Евгения - Выросли мы и, слава Богу. Вот только папу нашего власть забрала. Мне тогда только девять месяцев было. Приговорили к расстрелу, но Господь его спас. Старшего нашего брата Михаила забрали, хотели расстрелять, отправили в Минусинск, потом отпустили. Мы выжили по маминым молитвам, она у нас большая молитвенница была. Господь нас сохра-

нил. Саму власть я не сужу, Господь рассудит. В советской власти тоже хорошие люди были, Господь их храни. Василия только убили в Великую войну. А батюшка Серафим говорил ещё, кажется, в Туапсе, что советской власти потом не будет. Перед смертью он говорил, что из Сибири будет идти большое Православие. Наверное, поэтому он и не благословил меня остаться в Лузгарино, сказал, чтобы я ехала в Кемерово. По его благословению Бог дал нам с сестрой вот эту квартиру. Господь так управил по молитвам отца Серафима. Мы жили на Южном⁹⁵, а потом поменялись. Родственники живут рядом. Слава Богу.

Когда отец Серафим был в заключение, за него почему-то начальники лагерей бились. Дело доходило, как он сам пишет, до револьверов. По его записям видно, что батюшка удачно боролся с вшивостью в лагерях. Пишет, что он придет, сводит людей в баню раз, другой, третий, и вши исчезали. Но ведь и без него эти мероприятия проводились, а вши оставались. Может быть, батюшка обладал какими-то особыми способностями?

м. Евгения - Конечно обладал! У него же была благодать Божия. Она у него проявлялась всегда. Когда он жил в пустыньке, к нему всегда приходило много народу. Много народу приходило и в наш домик в Шепси, он исцелял. Батюшка помолится, и человеку - помощь.

А есть у Вас в памяти какие-то чудеса исцеления благодаря молитвам батюшки Серафима?

м. Евгения - Конечно, есть! К нему столько людей приходило с благодарностью об исцелении. Да, что там далеко ходить! Моей племяннице в Кемерово было 8 лет. У неё открылась онкология. Врачи настаивали на срочной операции, гово-

⁹⁵ Южный - район г. Кемерова

рили, что дни решают судьбу. Я дала телеграмму батюшке - что делать? Он прислал телеграмму, чтобы мы не соглашались на операцию, что он помолится за неё.⁹⁶ Сейчас нашей Оле больше тридцати лет. Никакой онкологии - как не бывало.

м. Манефа - Он не рассказывал нам о каких-то своих особых действиях по изгнанию вшей в лагерях, он просто молился. Молился и всё, а Господь ему помогал. Ему Господь помогал везде и всегда. А начальники действительно за него боролись. А один из них его очень полюбил, и отец Серафим жил в его семье.

Матушки, а рассказывал он вам, как его следователи допрашивали, зададут вопрос и заснут?

м. Евгения - Рассказывал, спаси Вас Господи! Правильно, было такое, они засыпали. Но он ничего с ними не делал, он просто молился. Он всегда в молитве был, сердце его всё время бдило молитву. Он мог разговаривать и одновременно молиться. Такая была у него благодать. В нём Господь был, а он весь - в Боге. Чудно даже сказать, какой он человек был. Он такую жизнь прожил!

Смотрите, как он пишет: «Мысль. Жизнь». Сначала я думала, что так он писал по неграмотности. А потом вслух произнесла: «Мысль. Жизнь. Мысль. Жизнь». И поняла, что в первом варианте есть наполнение, мягкость, а во втором - твёрдость и звучит грубо, звук уходит в пустоту. А батюшка смягчает этот звук. И я чувствую его молитвенное наполнение: «Мысль. Жизнь».

⁹⁶ Удивительно совпадающее описание с известным случаем, когда Григорий Распутин послал телеграмму царице Александре Федоровне, в которой заверял, что царевич Алексей выздоровеет. Тот действительно не умер, хотя над ним уже были проведены предсмертные православные процедуры. Наряду с широко известной негативной информацией о Г.Е.Распутине (Новых), существует версия о нём как святом старце, боровшемся за чистоту Русской Православной Церкви и навлекшем на себя массированную клевету, как церковных иерархов, так и светских лиц.

Что такое подвиг, о котором всё время пишет батюшка Серафим. Мирские люди привыкли видеть за этим словом что-то геройское, необычное. У батюшки под подвигом понимается совсем иное.

м. Евгения - Человек должен больше всего любить Бога и подвигаться к Нему. В первую очередь соблюдать заповеди Божии и всех людей любить. И делать им только добрые дела, такие дела, какие бы он сам себе сделал. Продвижение к этому высокому и высшему и есть подвиг. Господь Иисус Христос сам направляет людей к любящим Бога, которые живут ради Бога. А батюшка Серафим был смиренным и жил ради Бога и православных людей и молился о них всегда.

На могилу отца Серафима приезжали 12 монахов с острова Валаам. Получается, что у него был особо высокий авторитет в Церкви?

м. Евгения - Действительно приезжали, как писал мне отец Владимир, приехали 12 старцев с Валаама, были ещё из Сергиевой лавры, из Свято-Даниловского монастыря. Много приехало к нему народу.

Значит, отец Серафим почитается как новоисповедник. Это те, кто принял мучение, пострадал, но остался жив. Потому его так и почитали. Митрополит Варфоломей тоже новоисповедник. Ведь он тоже лагеря прошёл. Не имея Божией благодати, невозможно было остаться живым в сталинских лагерях. Это живая история нашей страны, нашей Церкви.

А почему отец Серафим пишет о себе - «монашенок»? Он, что, был маленького роста?

м. Евгения - Да, роста он был действительно небольшого. Немного повыше меня, но очень уж худенький. Но называл себя монашонком не из-за роста, а из своего смирения, из собственного самоунижения. Был очень деловым и работающим, за

что не возьмётся, всё сделает. Угрюмым никогда не был, был всегда приветливым и весёлым. Очень людей любил. К нему же отовсюду со всей России люди приезжали. Он всех принимал, поил, кормил, еду готовил сам. Делал он всё быстро и как-то невидно. Обычно накануне праздника в храме суeta: моют, украшают. А у него всегда это случалось как-то незаметно. И работы вроде не видно было, и храм украшен цветами. Пока певчие поют, он что-то делает.... Служба закончилась, смотришь, а вокруг красота! Он был большой труженик, много трудился, просфоры пёк сам, он всё умел делать, мог облачение себе сшить сам. Он вышивал, вот вышил Матерь Божию Знамение, смотрите, какая это тонкая работа (*показывает разные вышивки с очень мелким и точным крестиком*).

Батюшка Серафим считал, что обязательным условием у монашествующих должно быть келейное рукоделье.

Были ли у отца Серафима ещё духовные чада кроме Вас. Возможно, Вы с ними переписываетесь?

м. Евгения - Конечно были. Но иные отошли в вечность.

Вы, матушка, сказали, что отец Владимир Вам помог собрать контейнер, в который вы упаковали иконы и книги. Выходит, в Вашем домашнем иконостасе есть иконы, перед которыми молился отец Серафим?

м. Евгения - А как же! Вот самая первая иконка, благословленная мне батюшкой, когда я ещё не была монахиней. Потому там и надпись «Клавдии». А вот икона Владимирская Матерь Божия. У этой иконы когда-то лика совсем не было. Тогда батюшка служил ещё в Покровке. Он наказал послушникам, чтобы эту икону унесли на сожжение.

Как это?

м. Евгения - Такой порядок существует в Церкви. Сложили её с такими же тёмными иконами, подожгли. Вдруг к ба-

тютюшке прибежал послушник и сказал, что в огне у иконы лик появился. Видите, вот здесь рамка иконы немножко подожжённая. Все иконы, у которых лика не было, уже горели ярким пламенем, а эту успели выхватить. Риза у этой иконы была вся тёмная, когда я привезла её в 1992 г. в Кемерово. А сейчас риза светлеет, обновляется. А лик, видите сами, какой у иконы чистый. Батюшка Серафим сказал, что так Господь велел.

А Казанскую Божию Матерь, которая была у батюшки, увёз в Питер иеромонах Феоктист. Она была чудотворной, всё время плакала, источала миро. А вот икона Знамение Божией Матери, вышитая самим батюшкой Серафимом. Вот икона Спасителя, которую художник писал на другой иконе в присутствии батюшки. Художник писал, а батюшка в это время молился, помогал художнику. И Спаситель на иконе меняет лицо, то такой вот, а то беленький- беленький станет.

Это тоже по правилам писать икону на иконе?

м. Евгения - В истории всегда было так, когда иконы со временем темнели. Ведь иконы покрывали олифой, а она лет через сто становится тёмной, ликов на иконах не видно. Была традиция переписывать иконы заново на этой же доске.

Вот Святитель Николай. На этой иконе лик тоже был тёмным-тёмным, а сейчас светлеет. А вот Серафим Саровский. К нему батюшка по-особенному относился. Он сам к этой иконе рамочку сделал.

Он пострижен в честь Серафима Саровского?

м. Евгения - Да! Икона Серафима Саровского и вот эти иконы были в келье батюшки Серафима. Вот икона Иоанна Богослова. В неё батюшка вложил какие-то камушки. Я не спросила его тогда о них. А вот эта икона из Даниловского монастыря икона Иверской Божией Матери. Приходили монахи, принесли её. Они приходили к батюшке, посещали его, когда он

приехал в Лузгарино. Архангел Гавриил и Матерь Божия Благовещение и Иверская Божия Матерь - эти иконы батюшка мне благословил. А вот икона Иверской Божией матери и Архангела Михаила - от матушки Раисы. Она мне их благословила, когда в Кемерово Знаменский храм разоряли.

Вы, матушка Евгения, долго знали батюшку. Люди к старости меняются. А он изменился?

м. Евгения - Нет, он не изменился. У него же Божия благодать была. Этой благодатью он сохранился до конца.

Спасибо Вам, матушки, за память об отце Серафиме и беседу с нами.

м. Евгения - Спаси Вас Бог!

м. Манефа - Спаси Господи!

Приложение № 3

О гонениях коммунистов на верующих. Из проповеди, подготовленной в 2001 г. протоиереем Валерием Захаровым для пользователей Интернета (<http://www.zavet.ru/kalendar/novm/>)

С конца 80-х годов 20 в. ведётся исследовательская работа по изучению истории борьбы советского государства с Церковью. Изучались малодоступные и известные архивы. Результатом поисков стало издание уникальных книг, рассказывающих о мучениках за веру Христову в 20 веке. Архиерейским Собором 2000 года по представлению комиссии по канонизации, существующей при Священном Синоде Русской Православной Церкви, было решено прославить Собор российских новомучеников и исповедников поимённо. Их оказалось: 1 тыс. 97 человек.

Мученики были первыми святыми на заре христианства. Именно они составляют большинство в сонме всех святых Пра-

вославленной Церкви. Однако почти за тысячу лет своей истории Русская Церковь, за исключением единичных случаев, не знала мучеников за веру. Их время на Руси пришло только в 20 веке.

В составе Вселенской Церкви наша Русская Церковь наиболее молодая. Она не знала массового гонения от язычества и ересей. Но зато к концу своего тысячелетнего существования она не только заполнила этот «пробел» своей истории и восприняла мученичество, которого ей не хватало, но и вообще завершила общий подвиг Вселенской Церкви, начатый Римом и продолженный Константинополем.

Гонения на церковь начались сразу же после октябрьского 1917 г. переворота, именуемого в советской истории как Великой Октябрьской социалистической революцией. Первомучеником русского духовенства стал царскосельский протоиерей Иоанн Кочуров. На следующий день после переворота (8 ноября 1917 г.) отец Иоанн совершал с прихожанами моление об умиротворении России. Вечером к нему на квартиру пришли революционные матросы. Они жестоко избили священника и полуживого волокли по шпалам железнодорожного полотна до тех пор, пока он не скончался.

29 января 1918 г. в Киеве матросы расстреляли митрополита Владимира. Это был первый мученик из числа архиереев. Вслед за святыми мучениками Иоанном и Владимиром последовали другие. Жестокости, с которой большевики предавали их смерти, могли позавидовать палачи Нерона и Домициана.

В монастыре Святителя Митрофана в Воронеже в 1919 г. семь инокинь были заживо сварены в котлах с кипящей смолой. Годом раньше три иерея в Херсоне были распяты на крестах.

В 1918 г. епископа Соликамского Феофана (Ильинского) на глазах у народа вывели на замерзшую реку Каму. Его, раздели донага, заплели волосы в косички, связали их между собой.

Продев в них палку, подвесили епископа и стали медленно опускать и поднимать в прорубь. Ещё живой он покрылся коркой льда, толщиной в два пальца.

Не менее зверским способом предали смерти епископа Исидора Михайловского (Колоколова). В 1918 г. в Самаре его посадили на кол.

Страшной была кончина других архиепископов. Епископа Пермского Андроника закопали живым в землю. Архиепископа Астраханского Митрофана (Краснопольского) сбросили со стены. Архиепископа Нижегородского Иоакима (Левицкого) повесили вниз головой в соборе. Епископа Серапульского Амвросия (Гудко) привязали к хвосту лошади и пустили её вскачь.

Смерть простых священников была не менее страшной. Священника отца Котурова поливали на морозе водой, пока он не превратился в ледяную статую. Семидесятидвухлетнего священника Павла Калиновского забили плетью. Священника отца Золотовского, которому шел уже девятый десяток, нарядили в женское платье и вывели на площадь. Красноармейцы требовали, чтобы он танцевал перед народом. Когда же он отказался, его повесили. Священника Иоакима Фролова сожгли заживо на стогу сена.

Как и в древнем Риме - казни священников были часто массовыми. С декабря 1918 г. по июнь 1919 г. в Харькове было убито семьдесят иереев. В Перми после занятия города Белой армией были обнаружены тела сорока двух священнослужителей. Весной, когда снег стаял, их нашли закопанными в семи-нарском саду. Многие были со следами пыток. В Воронеже в 1919 г. было одновременно убито 160 священников во главе с архиепископом Тихоном (Никаноровым), которого повесили на Царских вратах в церкви монастыря Святителя Митрофана Воронежского.

Массовые убийства священников происходили повсеместно. Сведения о многих из них не сохранились. А вышеперечисленные факты казней в Харькове, Перми и Воронеже стали известны только потому, что эти города на короткий срок занимала Белая армия. И стариков, и совсем юных убивали за одну принадлежность к духовному сословию. В 1918 г. в России было 150 тыс. священнослужителей, из которых к 1941 г. 130 тыс. было расстреляно.

В народе почитание новомучеников возникало сразу же после их смерти. В 1918 г. в Перми были убиты святители Андроник и Феофан. Московский Собор послал комиссию во главе с архиепископом Черниговским Василием для расследования обстоятельств смерти пермских епископов. Когда комиссия возвращалась в Москву, между Пермью и Вяткой в вагон ворвались красноармейцы. Епископ Василий и его спутники были убиты, а тела их сбросили с поезда. Крестьяне с честью похоронили убитых, к могиле стали идти паломники. Тогда большевики выкопали тела мучеников и сожгли их. Так же тщательно были уничтожены тела святых царственных мучеников.

Коммунисты прекрасно понимали, к чему может привести сохранение тел казненных священников. Они категорически отказывались выдавать родным и близким тела казненных за религиозные убеждения. Ими выбирались такие средства казни, при которых тела мучеников не сохранялись (потопление, сожжение). Опыт Рима тут был как нельзя кстати.

Вот лишь несколько примеров. Епископа Тобольского Гермогена 16 июня 1918 г. утопили в реке Туре, привязав к скрученным рукам двухпудовый камень. Тело расстрелянного Серпуховского архиепископа Арсения засыпали хлоруглеродной известью. Тела петроградских мучеников митрополита Вениамина, архимандрита Сергия, Юрия и Иоанна были уничто-

жены (или спрятаны в неизвестном месте). Тело Тверского архиепископа Фаддея, великого праведника и аскета, еще при жизни почитавшегося святым, расстрелянного в 1937 г., тайно закопали на общем кладбище. Тело белгородского епископа Никодима было брошено в общую расстрельную яму. Впрочем, христиане как-то узнали об этих казнях и служили на том месте панихиды.

Иногда православным удавалось выкупить мощи. В станице Усть-Лабинской 22 февраля 1922 г. был убит священник Михаил Лисицын. Три дня его водили по селу с накинута на шею петлей, издевались и били его до тех пор, пока он не перестал дышать. Тело мученика было выкуплено у палачей за 610 рублей. Были случаи, когда большевики бросали тела новомучеников на поругание, не позволяя их хоронить. Те из христиан, кто все же решался на это, получали мученический венец.

Священника Александра Подольского перед смертью долго водили по станице Владимирской (Кубанская область), глумились над ним и избивали, потом зарубили и тело выбросили за селом на свалке. Один из прихожан отца Александра, пришедший похоронить священника, был тут же убит пьяными красноармейцами.

И все же богоборцам не всегда сопутствовала удача. Так, тело святителя-мученика Гермогена Тобольского, утопленного в Туре, спустя какое-то время было вынесено на берег и при огромном стечении народа торжественно погребено в пещере святого Иоанна Тобольского. Были и другие примеры чудесного обретения мощей. Летом 1992 г. были обретены мощи священномученика Владимира, митрополита Киевского, и положены в Ближних пещерах Киево-Печерской лавры. Осенью 1993 г. на заброшенном кладбище в Твери произошло обретение святых мощей архиепископа Фаддея. В июле 1998 г. в Санкт-

Петербурге на Новодевичьем кладбище были обретены мощи архиепископа Илариона (Троицкого) — одного из ближайших сподвижников святого Патриарха Тихона, блестящего богослова и проповедника, скончавшегося в Ленинградской пересыльной тюрьме в 1929 г. Перенесение мощей в монастырский храм сопровождалось благоуханием, а сами мощи имели янтарный оттенок. От них происходили чудесные исцеления. 9 мая 1999 г. мощи святителя Илариона специальным рейсом самолета были отправлены в Москву, а на следующий день в Сретенском монастыре состоялось торжество прославления нового святого.

Как и христиане первых веков, новомученики шли на пытки без колебаний, а умирали, радуясь, что страдают за Христа. Перед казнью они часто молились за своих палачей. Митрополит Киевский Владимир руками крестообразно благословил убийц и произнес: «Господь вас да простит». Не успел он опустить рук, как был сражен тремя выстрелами. Епископ Никодим Белгородский перед расстрелом, помолившись, благословил солдат китайцев, и те отказались стрелять. Тогда их сменили новыми, а священномученика вывели к ним переодетого в солдатскую шинель. Епископ Балахнинский Лаврентий (Князев) перед казнью призвал солдат к покаянию и, стоя под направленными на него стволами, произнес проповедь о будущем спасении России. Солдаты отказались стрелять, и священномученик был расстрелян китайцами.

Петроградский священник Философ Орнатский был доставлен на казнь вместе с двумя сыновьями. «Кого сначала расстреливать — тебя или сыновей?» — спросили его. «Сыновей», — ответил священник. Пока их расстреливали, он стоял на коленях и читал отходные молитвы. Солдаты отказались стрелять в старца, и тогда комиссар выстрелил в него из револьвера в упор.

Архимандрит Сергей, расстрелянный в Петрограде, умер со словами: «Прости им, Боже, ибо не ведают, что творят».

Часто сами исполнители приговоров понимали, что казнят святых. В 1918 г. в Вязьме расстреляли епископа Макария (Гневушева). Один из красноармейцев потом рассказывал, что когда он увидел, что этот тщедушный, седой «преступник» — лицо явно духовное, у него «захолонуло» сердце. И тут же Макарий, проходя мимо выстроившихся солдат, остановился напротив него и благословил со словами: «Сын мой, да не смущается сердце твое - твори волю пославшего тебя». Впоследствии этот красноармеец был уволен в запас по болезни. Незадолго до смерти он сказал своему врачу: «Я так понимаю, что убили мы святого человека. Иначе, как мог он узнать, что у меня захолонуло сердце, когда он проходил? А ведь он узнал и благословил из жалости...».

Когда читаешь жития новомучеников, невольно сомневаешься: может ли человек перенести такое? Человек, наверное, нет, но христианин — да. Силуан Афонский писал: «Когда бывает большая благодать, то душа желает страданий. Так, у мучеников была большая благодать, и тело их радовалось вместе с душой, когда их мучили за возлюбленного Господа. Кто испытал эту благодать, тот знает об этом...».

Другие замечательные слова, так же проливающие свет на удивительное мужество новомучеников, оставил за несколько дней до своего расстрела священномученик Вениамин, митрополит Петроградский и Гдовский: «Трудно, тяжело страдать, но по мере наших страданий избыточествует и утешение от Бога. Трудно переступить этот рубикон, границу, и всецело предаться воле Божией. Когда это совершится, тогда человек избыточествует утешением, не чувствует самых тяжелых страданий, полный среди страданий внутреннего покоя, он других влечет

на страдания, чтобы они переняли то состояние, в каком находился счастливый страдалец. Об этом я ранее говорил другим, но мои страдания не достигали полной меры. Теперь, кажется, пришлось пережить почти все: тюрьму, суд, общественное заплевывание; обречение и требование этой смерти; якобы народные аплодисменты; людскую неблагодарность, продажность; непостоянство и тому подобное; беспокойство и ответственность за судьбу других людей и даже за самую Церковь. Страдания достигли своего апогея, но увеличилось и утешение. Я радостен и покоен, как всегда. Христос - наша жизнь, свет и покой. С Ним всегда и везде хорошо».

Братья и сестры. Сегодня, когда мы празднуем Собор новомучеников и исповедников Российских, мы говорим о нашей родной земле – Святая Русь. Мы вспоминаем о тех святых, которые своей чистой и светлой жизнью, своими страданиями и подвигами ради Христа украсили Россию. Сейчас мы переживаем трудные времена, много встречается такого, о чём и упоминать не хотелось бы, но нам нельзя скорбеть на нашу страну, она всегда будет носить такое имя по достоинству, ведь оно раскрывается как – Русь в Ее святых.

Потому не может быть у нас здесь никакого вопроса или недоумения. Есть реальная светлая Россия. Ведь угодники Божии, прославленные здесь – живы, они с нами, молятся за нас, разделяют и скорбь и радость на нашем пути ко Христу. Они нам родные не только по духу, но и по принадлежности к одному земному уделу – Дому Пресвятой Богородицы... Аминь.

Приложение № 4

Об исполнении заветов В.И.Ленина относительно преследования Русской Православной Церкви. Выдержки из книги В.А. Лисичкина «Крестный путь святителя Луки. Подлинные документы из архивов КГБ».⁹⁷

«20 января (2 февраля) 1918 г. Совнарком принял декрет об отделении Церкви от государства и школы от Церкви. Интернационалисты-большевики нанесли этим декретом первый удар по Русской Православной Церкви. Экспроприация имущества Церкви началась по указанию вождя мирового пролетариата В.И.Ленина в 1922 году: «Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать».

И большевики в точности исполнили указание:

- священный Синод во главе с патриархом Тихоном был арестован в мае 1922 г.;
- Петербургский митрополит Вениамин обнаженным был выведен на мороз, облит водой, превращен в ледяную статую и утоплен;
- Пермский архиепископ Андроник живым закопан в землю; Киевский митрополит Владимир оскотлен, расчленен и брошен на поругание пьяным коммунистам;
- Тобольский епископ Гермоген разрублен на мелкие кусочки лопастями парохода, будучи для потехи партийной и чекистской публики привязан к пароходным колёсам;
- Черниговского архиепископа Василия, как Христа, распяли на кресте и сожгли. Эти варварские изуверские убийства иерархов

⁹⁷ Лисичкин В.А. Крестный путь святителя Луки. Подлинные документы из архивов КГБ». – М.: Изд-во Московской патриархии «Феникс». – 2001. – С. 12-14.

Русской Православной Церкви дополняет список расстрелянных 28 архиепископов и митрополитов.

Всего же в этой дьявольской вакханалии 1922-1923 годов было расстреляно более 40 тысяч священников, монахов и дьяконов, более 100000 верующих - членов церковных общин.

Апофеозом превращения Православной Руси в каганат был взрыв лично Лазарем Кагановичем Храма Христа Спасителя в Москве, что явилось полной реализацией секретного решения большевистского съезда о том, что «изъятие ценностей, особенно самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть произведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь, и в самый кратчайший срок. Чем больше число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам расстрелять, тем лучше». Вождь коммунистов не постеснялся под этим каннибальским поставить свою подпись: «Пред. Совнаркома В. Ульянов (Ленин). И датировал его 19 марта 1922 года.

По декрету Предсовнаркома В. Ульянова (Ленина) 23 февраля 1922 года «Об изъятии церковных ценностей в пользу голодающих» большевиками были ограблены и осквернены более 75 тыс. православных храмов и церквей:

- экспроприировались литые золотые и серебряные кресты;
- драгоценные оклады срывались с икон 13 - 19 веков;
- золотая и серебряная утварь, особенно паникадила, дароносицы и купели изымались и появлялись на западноевропейских аукционах;
- драгоценные камни вытаскивались из окладов и других культовых предметов;
- серебряные и золотые монеты исчезали в карманах партийных бонз;
- древние иконы, библии 13-19 вв., рукописные инкунабулы

горели на кострах - предвестниках фашистских костров Германии через 10 лет;

- разрушались алтари, амвоны, колокольни. Так начинался кровавый коммунистический поход против Православной Церкви, возглавленный Л. Кагановичем, Е. Ярославским и другими интернационалистами до Великой Отечественной войны и продолженной Н. Хрущевым в начале 60-х годов...

Весь цинизм преступность этой акции большевиков состояли в том, что основная масса денег от продажи церковных ценностей и имущества не пошла на борьбу с голодом, а использовалась в корыстных и идеологических целях верхушки РКП(б)».

Приложение № 5

Справка о подневольном труде в СССР

(составлена по опубликованным материалам)

По теории, социализм - это общество всеобщего материального благоденствия, всесторонне развитой личности, социального равенства и справедливости. В 1936 г. социализм в СССР был построен. Так декларируется в документах коммунистической партии.

Частью программы строительства социализма в СССР было установление трудовой повинности для всех граждан по формуле - «кто не работает, тот не ест». Эта внешне привлекательная установка была реализована в СССР так, что ни равенства, ни справедливости, ни благосостояния, ни развитой личности она не обеспечила. Напротив, общество фактически оказалось на уровне дофеодального принуждения к труду.

В 1918 г. была объявлена трудовая мобилизация всего трудоспособного населения. Уклонившийся - считался дезерти-

ром. В годы нэп (1921-1927 гг.) это положение не действовало, тем более, что до 1930 г. была безработица. В 1932 г. принят закон о жестких наказаниях нарушителей дисциплины (опоздавших на работу, прогульщиков, не выполнивших обязательной нормы трудодней и др.). В 1940 г. всех рабочих, инженерно-технических работников закрепили за предприятиями, без права увольнения по собственному желанию, ввели уголовное наказание за опоздание на работу, распределение специалистов по усмотрению государства. Колхозники не имели паспортов (до середины 50-х гг.) и права выезда из колхозов у них не было. Человека, не работавшего где-либо, судили как тунеядца и в 80-е годы. Под эту статью попадали творческие работники, которых изгнали из Союзов писателей (композиторов, художников и пр.). По ней и был осуждён будущий Лауреат Нобелевской премии по литературе Иосиф Бродский.

Это была система внеэкономического принуждения к труду граждан, находящихся на свободе. В России такая принудительная система была формально введена в 1649 г. Соборным Уложением, принятом при царе Алексее Михайловиче. До этого крестьянин имел право выехать в течение двух осенних недель (неделя до Юрьева дня, неделя - после). В 1861 г. при Александре II крестьяне получили личную свободу, система внеэкономического принуждения формально исчезла. Восстановилась она при коммунистах.

До конца 1920-х принудительный труд в народном хозяйстве использовался редко. Исключение составляли трудовые армии, в которые мобилизовали людей и вместо винтовки давали лопату. Первым шагом в формировании широкомасштабного проекта принудительного труда было постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 26 марта 1928 г «О карательной политике и состоянии мест заключения». В нём ставилась задача создать за-

конодательную базу использования принудительного труда на принципах экономической выгоды и репрессивности.

В записке наркома юстиции РСФСР, наркома внутренних дел РСФСР и заместителя ОГПУ (апрель 1929 г.) предложено в качестве эксперимента создать несколько концлагерей общей «ёмкостью» 50 тыс. человек для освоения северных территорий. Последовало постановление СНК СССР от 11 июля 1929 г. «Об использовании труда уголовно-заключенных», в котором концентрационные лагеря ОГПУ переименовывались в «исправительно-трудовые». Постановлением СНК СССР «О финансировании лагерей ОГПУ» от 7 декабря 1929 г. ряд концлагерей ОГПУ («ёмкостью» 90 тыс. чел.) переведены на самокупаемость.

Одновременно с концепцией самокупаемости содержания заключенных появляется идея использования для развития народного хозяйства труда попавших с 1929 г. под «раскулачивание» и переселенных в малоосвоенные районы крестьян. Эта идея хорошо сочеталась с замыслом коллективизации сельского хозяйства. Колонизация труднодоступных районов также рассматривалась в качестве приоритетной цели.

10 декабря 1930 г. принято постановление СНК РСФСР «О трудовом устройстве кулацких семей, высланных в отдаленные местности, и о порядке организации управления специальными поселками» В нём отчётливо прослеживается хозяйственно - колонизаторская цель переселения раскулаченных: «Спецпосёлки организуются в местностях, где ощущается недостаток в рабочей силе для лесозаготовительных работ, работ по разработке недр, для рыбных промыслов, а также для освоения неиспользованных земель».

С того времени в практику строек народнохозяйственных объектов в СССР (до конца 80-х гг.) прочно вошло ис-

пользование труда заключенных как основной рабочей силы. Там, где начиналось большое строительство, сначала создавался лагерь - «исправительно-трудовая колония». Часто строительство объявлялось «ударной комсомольской стройкой», где основной рабочей силой были отнюдь не искренние молодые энтузиасты, а заключенные. Коммунистическая власть «убивала трёх зайцев»: 1) обеспечивала стройки дармовой рабочей силой; 2) держала народ в страхе. 3) значительно удешевляла строительство. Отказ от принудительного труда потребовал бы значительных вложений в инфраструктуру, причем её развитие должно было бы предшествовать собственно индустриальному строительству.

Советская пропаганда воспевала стройки социализма, показывая, что чудесные результаты индустриального строительства были следствием энтузиазма советских людей и преимуществ социализма над капитализмом. И даже там, где приходилось рассказывать о труде заключенных, писатели (А.М.Горький, М.М.Зощенко, например) давали восхитительные характеристики.

Потребовалось создание новых управленческих структур. В апреле 1930 г в системе ОГПУ появилось Управление исправительно-трудовых лагерей (УЛАГ ОГПУ), вскоре ставшее Главным управлением (ГУЛАГ ОГПУ). Поскольку на стройках были в основном заключенные, постольку ГУЛАГ подчинило себе многие стройки. Из поставщика рабочей силы ГУЛАГ превратился в организатора крупномасштабных строительных работ. В частности, начальник специально созданного отдела при ГУЛАГе ОГПУ сконцентрировал в своих руках управление как строительством, так и лагерями.

В конце 30-х гг. меняется отношение к контингенту лагерей в ещё худшую сторону. Указом «О лагерях НКВД» от 15

июня 1939 ликвидирована система условно-досрочного освобождения. К «дезорганизаторам» производства в лагерях разрешалось применять самые суровые меры воздействия, вплоть до расстрела. Приказ НКВД от 29 сентября 1939 г без объяснений отменял приказ от 17 февраля 1936 г. «О борьбе с издевательским отношением к заключенным» «как утратившим силу». Рабочий день увеличился, продовольственный паёк сокращался, едва-едва дотягиваясь до нижнего уровня физиологического минимума. С июля 1940 г. на предприятиях ГУЛАГа вводится 11-часовой рабочий день при трёх выходных в месяц. Для несовершеннолетних устанавливался 8-часовой рабочий день.

К концу 1930-х концепция единства основных функций ГУЛАГа - репрессивно-охранительной и экономической - вполне сформировалась и устоялась. Об этом свидетельствует отчет о деятельности ГУЛАГа, составленный не ранее 9 марта 1940 г. В нем утверждалось, что «задача охраны социалистического общества и социалистического строительства от опасных и враждебных элементов является первой и основной функцией ГУЛАГа НКВД СССР». Далее в отчете говорилось, что «одновременно ГУЛАГ - производительно-хозяйственный главк Наркомвнудела, организующий трудовое использование изолированных в лагерях и колониях на основе ежегодно устанавливаемых союзным правительством промышленных и строительных планов».

Таким образом, в СССР существовала вполне рабовладельческая (многие пишут, что средневековая) система организации труда «самых свободных в мире граждан». Не утратила своего значения эта система и после смерти Сталина. Её элементы существуют до сих пор.

Приложение № 6

Русский философ И.А.Ильин о значении религии в жизни человека (статья Лопатиной Н.Л.)

Величайший русский мыслитель, потомственный дворянин **Иван Александрович Ильин** (1883-1954 гг.) был выслан из страны в 1922 г. Его многочисленные работы наполнены великой любовью к России, российскому народу и болью за судьбу своей страны в связи с экспериментом большевиков построения социализма. Он родился в России, когда либеральные реформы Александра II начали давать позитивные результаты, несмотря на начавшиеся контрреформы Александра III. Ильин знал Россию богатой самодостаточной страной и увидел нищую советскую Россию. Советский читатель не знал этого философа. Даже для специалистов общественных наук его произведения были недоступны. Только в 90-е годы его произведения попали в Россию. В 1993-1998 гг. опубликовано 10 томов его произведений (Ильин И.А. Собрание сочинений в 10-ти томах. – М., 1996.) На это издание и сделаны здесь ссылки.

В работе «Цели и надежды» философ цитирует коммунистических руководителей, высказывания которых вполне отчётливо представляют антигуманную утопическую абсурдность проводимых советской властью революционных преобразований в СССР. Наибольшее внимание И.А.Ильин уделяет высказываниям Н.И.Бухарина из его книги «Азбука коммунизма». Современному читателю, мало осведомленному в действительных намерениях коммунистов, весьма полезно узнать их из первоисточника, поскольку Н.И.Бухарина после смерти В.И.Ленина считали идеологом коммунистической партии.

Бухарин писал: «Учителям же надо развернуть систематическую «антирелигиозную пропаганду» и стать послушным

«орудием» коммунизма; неподходящие и неспособные будут «беспощадно изгоняться» (с. 28 книги Бухарина). «Материалистически и марксистски настроенный человек не должен иметь предрассудков. Итак, прежде всего, - «не иметь религии»; ибо «религия и коммунизм ни теоретически, ни практически несовместимы» (с. 184). «Религиозные заповеди и «предписания», «директивы» коммунистической партии «непримиримы», так что верующий коммунист перестает быть коммунистом» (с. 185). «Так же обстоит дело и с буржуазной моралью и нравственностью, так же и с любовью к Родине. «Ведь у пролетариев нет родины». ...Национальная принадлежность людей также ничего не значит» (с. 105). «Новый человек не должен воспитываться в семье. Смешно притязание родителей на «чеканку» в детях «собственной тупости», ... особенно вследствие того, что «способность воспитывать детей встречается реже, чем способность их воспроизводить» (с. 173). «Будущее принадлежит общественному воспитанию, и детей надо - «навсегда или на долгое время» - отрывать от их семей» (с. 173-174).

И.А.Ильин цитирует и других видных деятелей коммунистической партии (с. 34-51). Н.К.Крупская - на 13 съезде РКП(б) говорила: «Воспитанием займутся коммунистические «детские сады», «детские колонии» и т.д. Школы надо сделать чисто коммунистическими и обучение чисто «марксистским». Г.К.Орджоникидзе говорил на 14 съезде ВКП(б) (со ссылкой на Г.В.Плеханова): «Для коммунистов не существует ни запретов, ни сдерживающих начал: все целесообразно не только разрешено, но и просто потому, что на свете вообще нечего «оправдывать»; цель предписывает средства, и предписывает их все. «Благо революции - высший закон». Ем. Ярославский - на 15 съезде ВКП(б): «...И в борьбе за это благо «нам нельзя останавливаться ни перед какими средствами. ...Здесь можно и долж-

но платить любую цену жертвами и страданием». Л.Б.Каменев - на 12 съезде РКП(б): «Так революционная целесообразность становится последним, да и единственным критерием «добра» и «зла». Клара Цеткин - на 13 съезде РКП(б): «...Всё через революцию, всё, до последнего вздоха, для революции».

И.А.Ильин делает вывод: «Этой пропаганде с самого начала обеспечен значительный успех, и успех потому, что она движется в направлении наименьшего сопротивления и наименьшего приложения сил. Духовная культура вообще требует усилий, труда, аскезы; она невозможна без страданий и стремлений. Коммунистическая пропаганда, напротив, движется по принципу наслаждения и относится к людям как к «сладостным» существам, которых надо раскрепостить» (с. 51).

Этим же Ильин объясняет пристрастие к коммунизму безудержных, неуравновешенных и преступных натур. Он считал, что революции в обществе являют собой итог ожесточения и черствости культуры (т.8, с. 394). Ильин отличал культуру от цивилизации. Полагал, что культура есть явление внутреннее и захватывает самую глубину человеческой души. Тогда как цивилизация – это внешнее материальное проявление достижений народа. Народ может иметь древнюю и утонченную духовную культуру, но в вопросах внешней цивилизации быть отсталым. И наоборот, быть на высоте технических достижений, но в культуре переживать упадок. (т.1, с. 295). Для него была очевидна связь культуры и религии. Философ полагал, что для понимания культуры какого-то народа необходимо заглянуть в сферу его религии и веры. Невозможно понять культуру Египта, Индии, Греции, Китая, не уяснив сущности их верований ⁱ (т.6, с. 468).

Ильин не рассматривал религию как элемент культуры. Для него, скорее, религия есть первооснова культуры. «Куль-

тура начинается там, где духовное содержание ищет себе верную и совершенную форму» (т. 1, с. 2). Будучи глубоко религиозным человеком, Ильин не унижает нехристианскую культуру. Ему не свойственен религиозный шовинизм. Он писал, что нехристианская культура возможна у народов нехристианской веры; такова культура ислама, конфуцианства, буддизма, шинтоизма. Но христианские народы, утратившие веру, могут создавать только безбожную культуру. Потому, что культура творится не сознанием, не рассудком, а целостным, длительным вдохновенным напряжением всего человеческого существа, силами души и, прежде всего, инстинктом. Инстинкт обладает языком – верой. Утратить веру, значит «повергнуть инстинкт в немоту», «разнуздать его». Поэтому человек без веры – или живет в отрыве от своего инстинкта, еще не разнуздавшегося до полной бездуховности. Он полагал, что так произошло на Западе. Большевицкая Россия, по его мнению, пребывает во власти своего уже разнуздавшегося инстинкта.

Источником русской культуры, по Ильину, было Православие. И именно оно давало культуре жизненную силу, направление, цельность. Философ считал, что творческий акт культуры русского народа определился тогда, когда славянин увидел несовершенство своих языческих богов и обратился к Богу любви. А Бога любви можно обрести только благодаря любви и в любви (т. 6, кн. 2, с. 424). Философ настаивал, что культура творится изнутри. Она есть создание души и духа (т.1, с. 300). Поэтому так важна религия в формировании культуры. Именно религия формирует дух и душу. В культуре России отразились религиозные православные установки: сердечное созерцание, любовь к свободе, детская непосредственность, живая совесть, вера в божественное становление человеческой души и природы, смирение, терпение, душевное очищение (т.1, с. 469).

Огромное значение Ильин в творческом акте культуры уделял любви, поскольку дух христианства есть дух любви. «Любовь же есть первая и величайшая способность – принимать, утверждать и творить...любовь противопоставляется сразу – и отвлеченному рассудку, и черствой воле, и холодному воображению, и земной похоти. Но противопоставляются так, что все эти способности, подчиняясь любви и насыщаясь ею, обновляются и перерождаются... Вот почему христианин не верит в культуру без любви» (т.1, с. 300). «Итак, сначала любовь, затем созерцание с любовью и из любви, затем действие, соответственное волевой установке. И только затем разумное осмысление любимого, постигнуто пережитого» (т. 6, с. 426).

Особенностью христианской культуры – это любовь. Христианин вносит любовь во все сферы жизни, даже в политическую: любовь к родине, к нации, к государю. Любовь порождает сострадание, жалость даже к бессрочному каторжнику, осужденному за зверство (т.1, с. 301).

Ильин полагал, что христианская культура есть ответственное дело, сущность которого усвоить Дух Христа и творить из него земную культуру человечества. Христианскую культуру может создавать только христиански укрепленная душа.

Он считал, что религиозного человека легко узнать по тому свету, который исходит от него. «Один светит добротой, другой искусством; третий – провидением, тихим, умиротворяющим душу покоем, за сердце хватающей мелодией, скромным, но благородным трудом» (т. 8, с. 562).

Вот такие религиозные люди с укрепленной христианской душой и сделали XIX век веком расцвета духовной культуры. Потому Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тютчева, Чехова, Достоевского и др. философ назвал «людьми «окормленными» духом Православия» (т. 2, с. 70).

Известно, что эти великие люди посещали монастыри, даже жили в них. Особенно почитали оптинских старцев. Посещение монастырей - это не праздная прогулка, это состояние и потребности души, определенное религиозное состояние. Возможно, они шли в монастыри, чтобы почерпнуть любви и мудрости. Именно это мы и видим в произведениях этих писателей.

Ильин был уверен, что произведение художественно не тогда, когда «эффективна» и «оригинальна» его эстетическая материя, но тогда, когда оно верно своему сокровенному, духовному предмету.

Обязательным условием для культуры и веры Ильин считал свободу. «Православный русский верит в свободную волю и в свободную совесть. И то и другое для него – краеугольные камни христианского мировоззрения» (т. 6, с. 428).

Полагал, что насилие в делах веры отвратительно и предполагал, что, возможно, нигилисты вышли как раз из духовных школ, где учащиеся заучивали духовные книги без осмысления их. В вопросах веры не может быть насилия и зубрежки, а может быть только свобода и сердечное созерцание (т. 6, с.418).

Мыслитель писал, что у человека есть сила созерцания, которую христианство завещало всей человеческой культуре. Эта сила творит науку, искусство, нравственность, право, ею руководствовались гениальные реформаторы государства и хозяйства. «...христианство завещало людям строить культуру, исходя из молитвенного созерцания и пребывая в нем. Дух христианства есть дух живого творческого содержания» (т.1, с. 304).

По мнению Ильина, христианин призван вносить свет Христова учения в земную жизнь и творчески раскрывать дары Святого Духа в ее ткани. А, это значит - создавать христианскую культуру на земле (т.1, с. 291).

Считал, что христианство внесло в культуру человечества «некий новый благодатный дух, тот дух, который должен был оживить и оживил самую субстанцию культуры, ее подлинное естество, ее живую душу» (т. 1, с. 300). «Вся история христианства есть, собственно говоря, не что иное, как единый и великий поиск христианской культуры» (т.1, с. 295).

Ильин И.А указывал на то, что почти все русское искусство (за исключением ваяния и танца), имеет своим историческим и духовным первоисточником религиозность Поэтому в нем просвечивает свойственный ей оттенок сердечного созерцания и духовной ответственности. Полагал, что русское искусство намного легче понять, если все произведения русской поэзии, живописи и музыки подвергнуть вопросу, не стремиться ли в них на волю и по мере необходимости к воплощению какая-то «потаенная, ... не связанная с верой молитва?» (т. 6, с. 452).

Философ писал, что религия оказала влияние и на поведенческую культуру россиянина. Источником его долготерпения и стойкости есть понимание очищения. Христианин уверен, что необходимо переносить все тяготы земной жизни – болезни, нужду, лишения как небесное наставление как очищение. Уверенность в то, что Христос не покинет свой верующий народ-страстотерпец, что страждущий стоит ближе к нему отразилась в народных сказках, в древнем эпическом народном творчестве, в легендах о Николае Мир-Ликийском, Достоевского, художника Нестерова и др. (т. 6, с. 433).

Ильин глубоко переживал за Россию. Будучи образованным человеком, он видел к какой катастрофе ведут большевики страну (этому посвящены многие его работы). Находясь в эмиграции, он знал о делах в России. Его сильно озадачил фактический отказ от религии в России, поскольку это влечет за собой изменение культуры во всех ее проявлениях. «Безбожное госу-

дарство ведет народы так, как слепой ведет слепых: в яму. Оно не ценит вечных и благороднейших – религиозно-христианских корней правосознания. Современное государство служит не качеству жизни, не совершенству ее, а интересам людей и классов; оно не знает изменения священной глубины – ни в душах, ни в делах; оно есть явление личной, классовой и всенародной жадности и создает, в лучшем случае, неустойчивое равновесие вожделений, равнодействующую вражды и зависти. ...ужасен не «капитализм», а безбожный капиталистический строй, организуемый и поддерживаемый христиански омертвевшими душами и классами; и что безбожный коммунизм ... страшнее и вреднее безбожного капитализма (т.1, с. 288).

Ильин утверждал, что невозможно, чтобы дрянные люди со злою волею обновили и усовершенствовали общественную жизнь. Жадный пустит в ход все средства; продажный все продаст; человек в коем Бога нет, превратит всю жизнь в тайное и явное преступление. Внешнее само по себе не обеспечивает человеку ни духовности, ни духовного спасения; никакой государственный строй не сообщит человеку ни любви, ни доброты, ни чувства ответственности, ни честности, ни благородства. Истинное обновление идет не от внешнего внутрь, не от формы к содержанию, не от видимого – к существу, а обратно (т. 2, с. 39).

Зная мировую историю, Ильин писал, что во все времена и у всех народов чернь требовала хлеба и зрелищ. Но чернь отличается от «нечерни» именно своим бездуховным, безрелигиозным, низким уровнем. И вот современное искусство, «светски» освободившее себя от религиозного чувства и чутья, идет на встречу потребностям современной безбожной массы. В искусстве отпадает «третье измерение» - художественности, священ-

ности, предметности; двумерная душа создает двумерное, пошлое, безбожное искусство и сама становится его жертвою.

Ильин культуру и религию представлял как единый живой организм. Этот организм и был разрушен в годы советской власти. Боль и сердечное переживание этого чувствуется во многих его работах.

Приложение № 7.

Русский ученый (эмигрант) П.Б.Струве о сущности социалистических преобразований в СССР (цитаты из его статей)

Струве Петр Бернгардович (1870-1944) - русский учёный (историк экономист, философ), находившийся в вынужденной эмиграции. Сборник его статей опубликован на русском языке в 2004 г. при содействии его внука.⁹⁸ По книге видно, что Струве всей душой болел за Россию. Писал он с болью, видя, как большевики уничтожают её великую культуру, её экономику и развращают людей. Он переполнен гордостью за Россию и не отождествляет её с большевистским СССР. Абсурдность большевистской системы его изумляет. Он уверен, что абсурд не может быть долговременным (надеется на это). Однако система продержалась 74 года, и её последствия сказываются и будут сказываться ещё не одно поколение. Взгляды этого выдающегося ученого удивительно совпадают с наблюдениями и, вроде бы, незамысловатыми размышлениями «простого» монаха Серафима. Потому они здесь и приводятся (в скобках дана дата написания его выводов и страница книги).

⁹⁸ Струве П.Б. Дневник политика (1925-1935). – Москва – Париж, Русский путь – YMCA – PRESS, 2004 . – 870 с.

Не знаю, как в будущей политической «тератологии» (наука об «уродах») будут характеризовать СССР, но [...] СССР не может быть с точки зрения понятий публичного права почитаем государством (июнь 1925, с. 24).

[...]Россия в эпоху [...] царизма имела «замечательную армию, замечательную бюрократизацию, недостижимый по нравственному уровню и по судопроизводственной технике суд» [...] (июнь 1925, с. 25).

[...] Революция смела земство (в 1918), как карточный домик, и под обломками этого карточного домика похоронила и земскую школу, и земскую медицину. [...] Под покровом царской власти развивалась и росла русская культура (июнь 1925, с. 27).

Ужасный эксперимент истории, каким является русская революция [...] (июнь 1925, с. 32,)

[...]Россия являет собой погорелое место, спаленное революцией. (июль 1925, с. 38).

Сейчас в Советской России население подавлено и забито. Гражданское сознание и просто чувство личного достоинства приглушены у многих до какого-то состояния хронического, ставшего почти второю натурой, трепета. И особенно замечательно, что такое душевное состояние характерно именно для интеллигенции. В одном интеллигентском письме, идущем из Советской России, это состояние превосходно лапидарно передается такой формулой: «Все всего боятся». (август 1925, с. 44).

Недавно Черчилль в своей замечательной и знаменитой речи против большевизма сказал о людях, *во время пожара в доме играющих в футбол* (сентябрь 1925, с. 61).

[...] Коммунистическая власть может держаться только на том низком экономическом и техническом уровне, на который она насильственно низвела Россию. Власть эта родилась из революции, которая была экономической и культурной реакцией (ноябрь 1925, с.72)

[...] Духовно Россия возродится только своим прошлым (декабрь 1925, с. 78,)

Коммунизм есть открытая и последовательная проповедь насильственной революции против демократии как «буржуазного строя» - во имя «диктатуры пролетариата» (декабрь 1925, с. 85).

Теперь, в разорении, в нищете, ... в поруганности, мы должны делать то, что упустили в богатстве, в могуществе, в блеске. Это относится ко всем. Все в прошлом виноваты, и не попрекать друг друга этим прошлым должны мы, а, до дна измерив всю настоящую нашу беду, - себе самим и взаимно друг другу дать клятву о том, что мы сомкнемся в единую дружину для того, чтобы упорной работой и жертвенным действием вновь воздвигнуть Великую Национальную Россию (январь 1926, с. 87).

[...] В том пределе, до которого, обескровив и извратив всю полноту национальной жизни, советчина довела государство, она превратила последнее в его собственный скелет, в голое властвование физических лиц. Это превращение государства в некий телесный остов, или физический скелет, самого себя есть

роковое выражение объективной невозможности коммунистического строя (апрель 1926, с. 111).

[...] То, что сейчас происходит в России, есть враждебная встреча двух скелетов: мертвого политического остова современной Советской России, ее советчины, и живого экономического, «земляного», или «мужицкого», костяка, России. (апрель 1926, с. 111).

[...] Без религии человечеству угрожает одичание и звериное состояние (май 1926, с. 114).

Если бы не было несчастья русской революции и связанного с ней разорения России, на инвалидов богатое и богатеющее государство отпускало бы миллионы, и даже если бы понадобился особый благотворительный «день», то и его щедроты измерялись бы миллионами. Без всякой политики, а просто по совести и по здравому смыслу можно и обязательно сказать: да,

[...] Революция разорила Россию, низвергла ее в пропасть нищеты и связанного с такой нищетой унижения, и эта нищета, и это унижение обрушились и обрушиваются всего более на тех, кто не только не повинен в бедах и несчастьях родины, а, наоборот, отдал ей самое драгоценное свое телесное здоровье и душевную независимость и свободу физически здорового человека [...] (май 1926, с. 120).

Экономический тупик, в который попала советская власть, совершенно ясен. [...] Крестьянин под игом советчины должен содержать не только себя, но и рабочего, т.е. всю «национализированную» и иную промышленность, а в придачу — и всю со-

ветскую многоголовую и абсолютно непроизводительную государственность. [...] Советчики будут держаться за власть, даже если сохранение её за ними может быть куплено только ценой дальнейшего экономического упадка и оскуднения страны (июнь 1926, с. 126).

[...] Большевики обещали массам легкую жизнь и широкое житье. Первое время это широкое житье было в той мере реально-стью, в какой было из чего и у кого грабить. Теперь этой возможности широкой грабительской масленицы давно нет [...]. Теперь проповедуют массам, что они должны уметь жить в «нашем бедном государстве» и что «социализм есть дело будущего». Улита едет, когда-то будет! (август 1926, с. 134).

Разрушили великое государство, упразднили собственность, напустили на великую страну целое море всякого паскудства для того, чтобы через девять лет после этой «величайшей» социальной революции, во имя коммунизма и от имени советского государства проповедовать малым сим воздержание от деторождения! (август 1926, с. 135)

[...] Простыми статистическими справками можно показать, что в «царской России» нищеты было гораздо меньше и народу жилось лучше и шире, чем теперь, когда над Россией – ради и во имя «будущего социализма» - царствуют настоящие коммунисты. [...] Социальная революция была лишь аккомпанементом, необходимым для того, чтобы, оглушив разум и совесть масс, сделать их орудием для перемены властвующих групп и лиц (август 1926, с. 136).

[...] П.Н. Врангель закончил свою речь так: «...История поведа-ет о важности нашей борьбы, о значении наших жертв. Она скажет, что борьба, которую вели мы – из любви к нашему оте-честву, ради восстановления Национальной России – была в то же время борьбой за европейскую культуру, за вековую цивилизацию, была защитой Европы против красного террора». Как убийственны для «евразийского» пустословия эти простые, сильные и мудрые слова настоящего и ответственного борца за Национальную Россию! (декабрь 1926, с. 195).

Большевизм есть мировая болезнь, мировое зло, воздвигающее-ся на пути всех народов, всем в разной, но сильной мере опас-ное тем, что большевизм есть навязчивая идея хозяйственного преобразования общества, осуществляемого непременно спосо-бом политического насилия – захвата власти и классовой дикта-туры (январь 1927, с. 210).

Мы привыкли к тому, что, говоря о советской власти и ее поли-тике, называют – Россию. Это смешение советской власти и России есть та величайшая ошибка, в которую впадают все премудрые западные политики (апрель 1927, с. 259.).

[...] Вся мнимая сила советской власти покоится на безгранич-ном устрашении и без того запуганного населения (июнь 1927, с. 290).

Дело в освобождении целого громадного народа от глупейшей противонациональной партийной тирании, разбившей и опозо-рившей государство, расколовшей народ на классы, тирании мелочной, бездушной, мстительной (октябрь 1929, с. 495).

[...] Коммунистическая власть в своей экономической политике социализма напролом руководится соображениями полицейскими, которые «приезжий спец» именует «охранно-политической установкой всех вопросов»: «Не в том лишь дело, что мы опять стали отбирать у крестьян хлеб [...] И не в том лишь дело, что мы – под видом налогового нажима – конфискуем у крестьян имущество, если он пытается в своем хозяйстве выкармливать третью свинью. Нам мало отобрать у мужика все его «излишки». Нам надо отнять у него всякое побуждение к улучшению своего личного благосостояния. Нам надо вытравить из крестьян самый инстинкт собственности [...] Надо не для социализма или коммунизма, - все это слова, в которые и среди коммунистов мало кто верит. Нам надо экспроприировать крестьянство, убить в нем все личные хозяйственные стимулы прежде всего для сохранения данной власти. Грубо говоря, это нужно Сталину, чтобы оставаться диктатором» (ноябрь 1929, с. 478.).

Социологическое и юридическое существо власти большевиков заключается в том, что эта власть есть не просто принудительная..., а именно власть насильническая. И потому, пока существует эта насильническая власть, вопрос о форме государственного устройства не может интересовать русское население и не должен нас занимать. Против чего восстает русское население, и с чем мы можем и должны бороться всеми доступными нам средствами? Против насильственного и насильнического осуществления коммунизма. Против насильнического подавления религии. Против такого же подавления всякой человеческой свободы. Вообще против насилия и насильничества, воплощающихся в диктатуру коммунистической партии.

Фашизм не посягает ни на экономическую, ни на религиозную свободу. Коммунизм теоретически отрицает и практически уничтожает и ту и другую (ноябрь 1929, с. 491.).

...Коммунистическая система довела страну до того, что у населения нет хлеба; у власти нет валюты. И вот власть ради получения валюты вывозит хлеб, которого не хватает населению (январь 1930, с. 507.).

Теперь, перед угрозой глупого и жестокого раскрестьянивания России, это значит: борьба за крестьянскую землю и волю против коммунистической господчины и барщины. Теперь, перед лицом мерзкого, сатанинского нападения на веру и веры, на церковь и церкви, на святое и святыни это значит: борьба за духовную свободу верующей совести живых людей. Таковы первые и простые требования противокommунистического освобождения (февраль 1930, с. 510.).

[...] Уничтожение крестьянства насильственной коллективизацией сельского хозяйства есть не что иное, как истребление лишнего народа во имя коммунизма. Истребление религии, истребление быта, истребление крестьянства, истребление простого народа – таковы суть и итог советского владычества (февраль 1930, с. 512.).

И противокрестьянская колхозная вакханалия, и волна безудержно-гнусных религиозных преследований вызвали на Западе против большевистского режима решительную реакцию отворачивания и осуждения (март 1930, с. 522.).

А.Ф. Керенский пишет: «Суть нынешнего положения в СССР такова: крайнее обнищание страны лишает сталинский военный коммунизм той мощной материальной базы, которую в своем распоряжении имел военный коммунизм Ленина в виде колоссальных «излишков», накопленных веками в дооктябрьской России». А.Н. Потресов пишет, полемизируя с Данном: «12 – летие большевизма... обещает оставить после себя бездыханное тело бывшего жизнеспособного государства». А вот сравнение плодов революции со «старым режимом»: «Работы по введению всеобщей грамотности в России (в эпоху Государственной думы. – П.С.) уже завершились, и притом вполне благополучно. Взорваны они не кем иным, как Лениным, Троцким, Сталиным и прочими героями «октября», а в числе их и Покровским. Взорваны разгромом представительных учреждений, упразднением всяких правовых гарантий, установлений комиссардержавия и хамской диктатуры» (апрель 1930, с. 524-525.).

Похоть власти и владычество определенных физических лиц; освобожденная от нравственных сдержек и потому изуверская в своем догматизме идеология; насильственное уничтожение быта, которое обертывается в звериный быт – таковы основные черты этого ужасного строя, под которым стонет русский народ и от которого сторонится, отворачивается и отгораживается цивилизованный мир. [...] Ставка на разрушение русского крестьянства и крестьянской России, политика коллективизации, своею жестокостью прямо поразившая мир. Это проявление коммунистического бешенства, это доведенное до конечного выражения умственное изуверство социалистического абсолютизма, не желающего оглядываться и не признающего компромиссов (май 1930, с. 529.).

Тут перед нами заранее обдуманная, до последней степени сознательная предупредительная, или превентивная, война против крестьянства как той бытовой и социальной силы, которая как некая неудержимо, органически растущая общественная среда стояла и стоит неизбывной угрозой перед коммунистическим и интернационалистическим засильем над Россией. Эту силу для обеспечения неопределенно длительного владычества коммунистической партии необходимо было в самых ее основах и истоках так подорвать, ... так разрушить, чтобы она не могла уже встать и подняться как сила хозяйственная и общественная (май 1930, с. 530.).

На Россию надвигается ужасающий голод, следствие преступного экспериментаторства коммунистической, с позволения сказать, власти над несчастной страной. Но не менее, а , может быть, еще более, чем телесный голод и вещественное разрушение, ужасна та атмосфера душевной тяжести и духоты, духовного гнета и умственного издевательства, которая объемлет всю страну и, как некие ядовитые испарения, отравляет и убивает жизнь. В воздухе стоит какая-то гнусная смесь самого безудержного угнетательства, самого низкого доносительства (май 1930, с. 531.).

Одно лицо, принадлежащее по уровню образования и характеру интересов к высшей интеллигенции страны, пишет следующее: «Никогда еще за все время революции в России не жилось столь тяжело... Крестьянство и интеллигенция томятся, распятые на кресте: крестьянство изнемогает от насильственного внедрения колхозов, интеллигенция – от «культурной революции». Культурные учреждения – академии, институты, музеи, театры – подвергнуты разгрому, живые носители культуры,

ученые, артисты, музыканты выводятся из строя лишением мест, ссылками и хуже. Духовенство несет ту же участь, так как церкви буквально предаются уничтожению» (май 1930, с. 532.).

Из другого письма их России: «Доносы, зависть, ненависть – вот чем переполнен быт. Не менее 90% дел возникает по жалобе, из-за доносов. Такое нутро человеческое выворочено, что нечем дышать!.. Если бы была возможность, покинул бы родину!... Пользы от моего терпения никому и никакой!... В этом (1930 – П.С.) году внутреннее разрушение сильно шагнуло вперед» (май 1930, с. 532.).

Русская культура уничтожена в душах детей, которые обманутые будут служить коммунизму (июль 1930, с. 542.).

Самая небольшая доза свободы в кратчайшее время привела бы большевиков – к крушению (июль 1930, 543.).

Политика есть разумная ориентировка в настоящее и его устройство, а не декламации о будущем и не предъявление счетов за прошлое. (559, сентябрь 1930)

Исторический счет большевизма не закончен и, какие суммы возмездия и крови будут по нему уплачены, никто сейчас сказать не может (сентябрь 1930, с. 562)

Без собственности – мы это познали на опыте – не может быть прочного чувства родины и долга перед ней, не может быть крепкого и сознательного патриотизма. Собственность же есть как бы вещное сгущение этой хозяйственной свободы, без которой свобода вообще есть пустой звук (май 1930, с. 532.).

Большевистская революция неотвратимо эволюционирует в кровавое самосъедание большевиков (ноябрь 1930, с. 574.).

Муссолини и Гитлер нужны и любы Сталину так и только, как Ленину были нужны и любы Вильгельм и Людендорф. Они для него только средства, только орудия, только пути революционизирования мира. Задыхаясь под тяжестью задуманной ею «пятилетки», прижатая к стене голодом рабочих и крестьян, советская власть должна мечтать о внешней диверсии (ноябрь 1930, с. 575.).

Война - затаенная мечта коммунистов, единственное средство для них попытаться раздуть пожар мировой революции. Но в то же время они страшно боятся войны, если в ней не будут рука об руку с Германией (декабрь 1930, с. 579.).

Я убежден, что Германия неудержимо идет по пути к экономическому союзу с большевизмом, и что отсюда неотвратимо разовьется немецко-большевистский военно-политический союз (март 1930, с. 588.).

(Из тайного письма, полученного П.Б.Струве из СССР) - Вот подлинная характеристика экономического положения в этом социальном рае, где нет ни «капитализма», ни безработицы: «Прямо не знаешь как жить. Ничего нет. Частной торговли совсем не стало, кроме каких-нибудь толкучек, барахолок, а в казенной торговле ничего нет, а что есть, то выдают, за деньги конечно, но только людям первой категории, т.е. рабочим; остальные ничего не могут получить, иначе как по какой-нибудь дикой цене. Так мы, люди третьей категории, совсем донашиваем последние тряпки белья и одежды, все в заплатках, вылиня-

ло; обувь разваливается, починка стоит сумасшедше дорого, да и не стало совсем кустарей – сапожников – едва найдешь такого, а государственные починочные (мастерские) делают очень долго, месяц или больше, и надо еще туда получить ордер. Не жизнь, а мучение на каждом шагу». [...] Не на что растить ребенка: как бы ни малы были средства, ими бы потеснились, но беда в том, что нигде ничего нельзя достать, ни пеленки, ни бумазейки, ни одеяла, ни чулок, ни сапожек - не во что ребенка ни завернуть, ни одеть, нечем писать, нет мыла, гребенок, ничего, ничего. Хотя «детская» выдача и существует, как особая. Но все это - такой минимум, что на нем не просуществуешь. Ко всему этому и большой денежный недостаток. Все бьются, работают в две смены, лишь бы приработать побольше, и все же ни масла, ни яиц, ни чаю в обиходе не имеют. И отцы и матери – все на работе, дети без присмотра на улице. Поэтому распущены невероятно, от первой ступени до вузов.... Такая безграмотность у всех, такое невежество, нечто ужасное, и притом полное непонимание того, что они ничего не знают, не умеют ни говорить, ни писать, ни читать прилично. Всем им кажется: и так ладно!» (август 1931, с. 604.).

Ни программа, ни методы большевиков ни с какой эволюцией, ни с какой гуманностью, ни с какой законностью не совместимы. Ни не совместимы ни с какой степенью свободы, независимости и самочинности (автономности) духа (март 1932, с. 649.).

Никогда еще в истории не было режима столь непримиримого и столь нетерпимого, столь неспособного ни к какой справедливости и ни к какой «милости» (март 1932, с. 650.).

Фашизм был прав, когда он противопоставлялся большевизму. В фашизме есть здоровые идейные элементы и здоровые социальные институты. Но его сплошное отрицание политической свободы и неуважение к духовной свободе угрожает тому хорошему и здоровому, сильному и прогрессивному, что есть в нем. Самовластие всегда рождает своеволие, а своеволие рождает тиранию и деспотизм (март 1932, с. 659.).

Борьба с опасностью коммунизма не может, не должна быть ни исключительно, ни преимущественно полицейской, политической, судебной. Непримируемое отношение к коммунизму как к идее и практике социальной революции должно стать духовной и душевной атмосферой всего некоммунистического мира (апрель 1932, с. 661.).

... Гитлер опасен не сам по себе, а тем, что его движение, возбуждая своей демагогией в народных массах несбыточные национальные надежды и неукротимые социальные страсти, психологически и идейно приближает эти массы к коммунизму (апрель 1932, с. 670.).

Существует легенда, по которой реальные продовольственные затруднения обусловили собой русскую революцию 1917 года и выход России из мировой войны. На самом деле возникшая на совершенно другой, чисто психологической почве революция и гражданская война в России целые годы питались огромными продовольственными запасами страны, накопленными при так называемом «старом порядке». Теперь дело обстоит иначе. Теперь Россия, в результате неслыханной в России социальной вивисекции, осуществляемой над русским народом во имя социализма, но в сущности, ради сохранения власти за коммуни-

стами и вылившейся в форму так называемой коллективизации, цель которой было ... истребить русское крестьянство, в результате этого преступно грандиозного и грандиозно преступного социального опыта Россия теперь находится не перед угрозой, а в состоянии жестокого, охватившего огромные пространства голода. Голодает деревня от границ польских до границ японских, голодают города, население которых преступно-нелепо раздуто именно совершенным властью обездоливанием деревни. Голодают и стонут от нужды и благословенная Украина, и наши дальневосточные рубежи, где большевики, скаля зубы на «империалистическую» Японию, дрожат перед нею. Голодают города и в них жалкие остатки русской забитой, доведенной до полной нищеты и отчаяния интеллигенции, которую снова эмиграция от скудности своей снабжает продовольственными посылками, теперь – в денежной форме, которую большевистская власть, сама изголодавшаяся по валюте, вынуждена дорожить (июнь 1932, с. 687.).

Я неоднократно указывал, что все советское «капитальное строительство», или, иначе, пресловутая «пятилетка», есть дурацкая коммунистическая, или коллективистическая, имитация капиталистического подъема. [...] упадок сельскохозяйственного производства в результате жестокой и жестоко-нелепой коллективизации [...]. «Пятилетка» кончается тем, чем должна была кончиться эта дьявольская затея: неслыханным по размерам голодом, обрушивающимся и на город, и на деревню и неизбежной циклической депрессией промышленности, начало которой приходится на конец мировой капиталистической депрессии (август 1932, с. 695.).

В Германии было создано ученое сообщество «для изучения планового хозяйства Советской России». Ученые побывали в Союзе: хозяйственный хаос коммунистического режима своей анархичностью и беспорядочностью совершенно затмевает пресловутую анархию капиталистического производства. На хозяйственной сцене лежит больше трупов, чем в последнем акте «Гамлета». Что в этом состояла драма планового хозяйства, пусть это призванные к тому лица раскроют при помощи научных методов (октябрь 1932, с. 721.).

В мире есть только одна грозная опасность, одна смертельная зараза: это коммунизм, укрепившийся в Москве (январь 1933, с. 728.).

Гражданская война как орудие насаждения, подготовки или закрепления социальной революции есть величайшее зло для всего культурного бытия и развития человечества (март 1933. с. 744.).

В результате разрушение народно-хозяйственной жизни происходит не только потому, что она плохо организована, но и потому, что она в корне дезорганизована, так как у большинства людей нет морали вообще, самой обыкновенной морали, необходимой для примитивнейшего хозяйствования. Хозяйственно-моральное разложение охватило огромные массы населения, оно подмывает все устои хозяйственной жизни и как Ниагара, несет все хозяйство к катастрофе. [...] Разрушение сельского хозяйства насильственной коллективизацией породило голод. Голод увеличил моральное и социальное разложение всего населения, захватив и весь партийный аппарат, всю администрацию, суды и т.д. Денежная инфляция лишь усиливает все дейст-

вия голода на психику людей. [...] Население (до самых низов) видит и понимает, что вина в потере людьми их социально-профессионального положения и в голоде лежит на советской власти. Возможно, что крестьяне остались бы в стороне от борьбы с властью, если бы власть их самих оставила в покое. Но в погоне за хлебом, льном, свеклой, шерстью, хлопком и т.д. власть врывается в каждое жилище, производит там обыски, насилия, аресты, расстрелы. Общее моральное разложение увеличивается и обостряется этими антиморальными действиями правительства, которое отнимает последний хлеб у голодного населения и отдает его не всем голодным, а избранным. [...] Голод всегда был революционным фактом, но большею частью пассивным. Так было в 1921-22 годах. Но теперь его роль – другая. Голод от неурожая, от плохой погоды, это – одно, а голод от действий власти или правительства, это – совсем иное. В первом случае ответственность расплывается, во втором она сосредоточивается на голове правительства. Поэтому, чем хуже голод, тем активнее будет антисоветское движение в СССР. [...] Наступило полное разложение в партии сверху донизу. Бытовое разложение, разложение в порядке отбора сталинских молодых, потеря веры в будущее, заговоры на жизнь Сталина, лихорадочная подпольная жизнь, давление всего населения с его голодом и всеобщей хозяйственной разрухой, все это раскололо партию на кусочки и куски. Власть распадается и гниет вместе со всею страной. Мое заключение таково: никогда в истории России страна не была так близка к революции, как сейчас. Все подготовлено для этой революции: и массы, и правительство. Недостает ничего другого, как какого-нибудь не то толчка, не то сигнала, чтобы все эти массы бросились в бой с властью и ее агентами. Или недостает кремлевского переворота, чтобы превратить его в массовое выступление уже не против Сталина, а

против Коммунистического режима... революция созрела и может вспыхнуть в любой момент (апрель 1933, с. 753–754.).

Большевистская власть не есть русская власть. Это есть власть над Россией и СССР, как, с позволения сказать, государство представляет вовсе не Россию, а некую силу, владычествующую над Россией (май 1933, с. 756)

Большевистское иго потому есть не сравнимое ни с каким внешнем владычеством зло, что оно как злокачественная роковая язва, разрушает субстанцию России (май 1933, с. 756).

СССР - аппарат угнетения народа русского и народов России, и стоящая во главе этого хищнического и разрушительного аппарата коммунистическая власть выдаются за Россию и русскую власть (май 1933, с. 757).

Большевизм, т.е. насильнический социализм, начавшийся с осуществления грабительства и возведший ограбление и уничтожение человеческой личности в основное начало коллективного бытия, есть зло и враг в такой же мере культурный, как и политический. Более того: большевизм как культурное зло есть нечто более зловерное и гнусное, чем как политическая система. [...] В большевизме и по отношению к большевизму точки зрения политики и культуры для русских людей неразделимы до конца. Исторический смысл факта утверждения Лиги русской культуры в 1917 г., еще до водворения большевизма заключается в том, что этот факт знаменовал собою осознание русскими людьми всей революции 1917 г. в ее целом как глубоко культурного падения русского народа. С тех пор культурное

зло только увеличилось, и связь культурного падения с политической системой большевизма обозначилась с ясностью непрекаемой (июнь 1934, с. 805).

Большевизм есть фанатично-безразличное и плановое палачество. Большевизм должен быть политически сокрушен. Русское сознание сверху донизу должно не просто эволюционно отойти, а революционно отмахнуться от большевизма, как от Дьявола и Антихриста. Это необходимо для самого главного: для оздоровления духа (октябрь 1934, с. 815.).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
Детство.....	6
Симеон – отрок.....	14
Сирота.....	18
Видение отроку Симеону.....	23
Странствие.....	31
Доброе пристанище Симеона.....	35
Симеон в Петрограде.....	44
Испытание, посланное Богом – высший подвиг.....	61
Сновидение.....	75
Новое испытание.....	81
Дальний путь.....	88
Новосибирск.....	90
Дорога в Сибирь.....	102
Тайшет.....	106
Путешествие.....	108
Братск.....	110
Освобождение.....	112
Новосибирск.....	113
Сновидение.....	118
<i>Приложение № 1. Ответ из Лузгарино (места последнего проживания о. Серафима) на запрос об авторе «Дневника»</i>	<i>121</i>
<i>Приложение № 2. Беседа составителей книги со схимонахиней Манефой и монахиней Евгенией об игумене Серафиме. Кемерово. 26 апреля 2010 г.</i>	<i>123</i>
<i>Приложение № 3. О гонениях коммунистов на верующих. Из проповеди, подготовленной в 2001 г. протоиереем Валерием Захаровым для пользователей Интернета (http://www.zavet.ru/kalendar/novm/).....</i>	<i>137</i>
<i>Приложение № 4. Об исполнении заветов В.И.Ленина относительно преследования Русской Православной Церкви. Выдержки из книги В.А.Лисичкина «Крестный путь святителя Луки. Подлинные документы из архивов КГБ»</i>	<i>145</i>
<i>Приложение № 5. Справка о подневольном труде в СССР (составлена по опубликованным материалам)</i>	<i>147</i>
<i>Приложение № 6. Русский философ И.А.Ильин о значении религии в жизни человека (статья Лопатиной Н.Л.).....</i>	<i>152</i>
<i>Приложение № 7. Русский ученый (эмигрант) П.Б.Струве о сущности социалистических преобразований в СССР (цитаты из его статей).....</i>	<i>160</i>

Научно-популярное издание

Дневник игумена Серафима

Составители и редакторы: Лопатин Леонид Николаевич,
Лопатина Наталия Леонидовна

Сведения о составителях: **Лопатин Леонид Николаевич** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и психологии Кемеровской государственной медицинской академии. **Лопатина Наталия Леонидовна** – кандидат культурологии, доцент кафедры истории и психологии Кемеровской государственной медицинской академии. **В соавторстве** ими изданы следующие книги: 1. Рабочее движение Кузбасса. Сборник документов и материалов. – Кемерово, 1993. – 623 с. (10 тыс. экз.); 2. Социализм глазами современника. – Кемерово, 1996. – 24 с. (40 тыс. экз.); 3. Коллективизация как национальная катастрофа. Воспоминания её очевидцев и архивные документы. – М., 2000. – 245 с. (электронное издание «Пушкинская библиотека» www.auditorium.ru/books/477/doc_15.htm); 4. Антилиберализм и либерализм в Кузбассе. – М., 2003. – 103 с. (4 тыс. экз.); 5. Коллективизация и раскулачивание (очевидцы и документы свидетельствуют). – Кемерово, 2009. – 446 с. (400 экз.). Кроме того, они имеют и **авторские** издания.

Лопатин Л.Н.: 1. История рабочего движения Кузбасса (1989–1991 гг.). – Кемерово, 1995. – 303 с. (1600 экз.); 2. Путь от коммунизма... Как это было? – Кемерово, 1996. – 259 с. (2500 экз.); 3. Кузбассовцы при социализме. Как мы жили? – Кемерово, 1996. – 48 с. (40 тыс. экз.); 4. Кузбассовцы в годы реформ. – Кемерово, 1996. – 64 с. (1500 экз.); 5. Рабочее движение Кузбасса в воспоминаниях его участников и очевидцев. – М., 1998. – 617 с. (500 экз.); 6. Независимый профсоюз горняков. 10 лет на исторической сцене. (История, проблемы, перспективы). Материалы Научно-практической конференции, посвященной 10-летию образования НПГ. Москва, 25 октября 2000 г. (Составители: Л.Н. Лопатин – научный редактор, Е.В. Лякин – отв. редактор). – М., 2001. – 124 с. 7. Типичная история типичного российского рода (середина XIX – начало XXI вв.). – Кемерово, 2003. – 103 с. (120 экз.); 8. Жить во лжи. Советское образование, воспитание, политика и идеология в 55-летних наблюдениях школьника, студента, учителя, профессора // Голоса Сибири. – Кемерово, 2008. – № 5–8. (журнальный вариант); 9. Шахтёры и «начальство» о рабочем движении Кузбасса в 1989–90-е гг. К 20-летию забастовки (Историография. Анализ. Мнения). – Кемерово, 2009. – 224 с. (350 экз.); 10. Советское образование, воспитание, политика и идеология в 55-летних наблюдениях школьника, студента, учителя, профессора. Ничего личного. – Кемерово, 2010. – 225 с. (350 экз.).

Лопатина Н.Л.: 1. Коллективизация 30-х годов XX века и её влияние на изменение социокультурного облика российской деревни (по воспоминаниям очевидцев). – Кемерово, 2005. – 137 с. (300 экз.); 2. Культурологические аспекты в развитии сестринского дела. – Кемерово, 2009. – 166 с. (два издания – 500 и 1000 экз.).

В авторской редакции

Подписано к печати 12.01.2011. Формат 60х84¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура «Таймс». Уч.-изд. л. 6,8. Усл. печ. л. 12,8.

Тираж 350 экз. Заказ № 245

Издательство КемГУКИ: 650029, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 19. Тел. 73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru